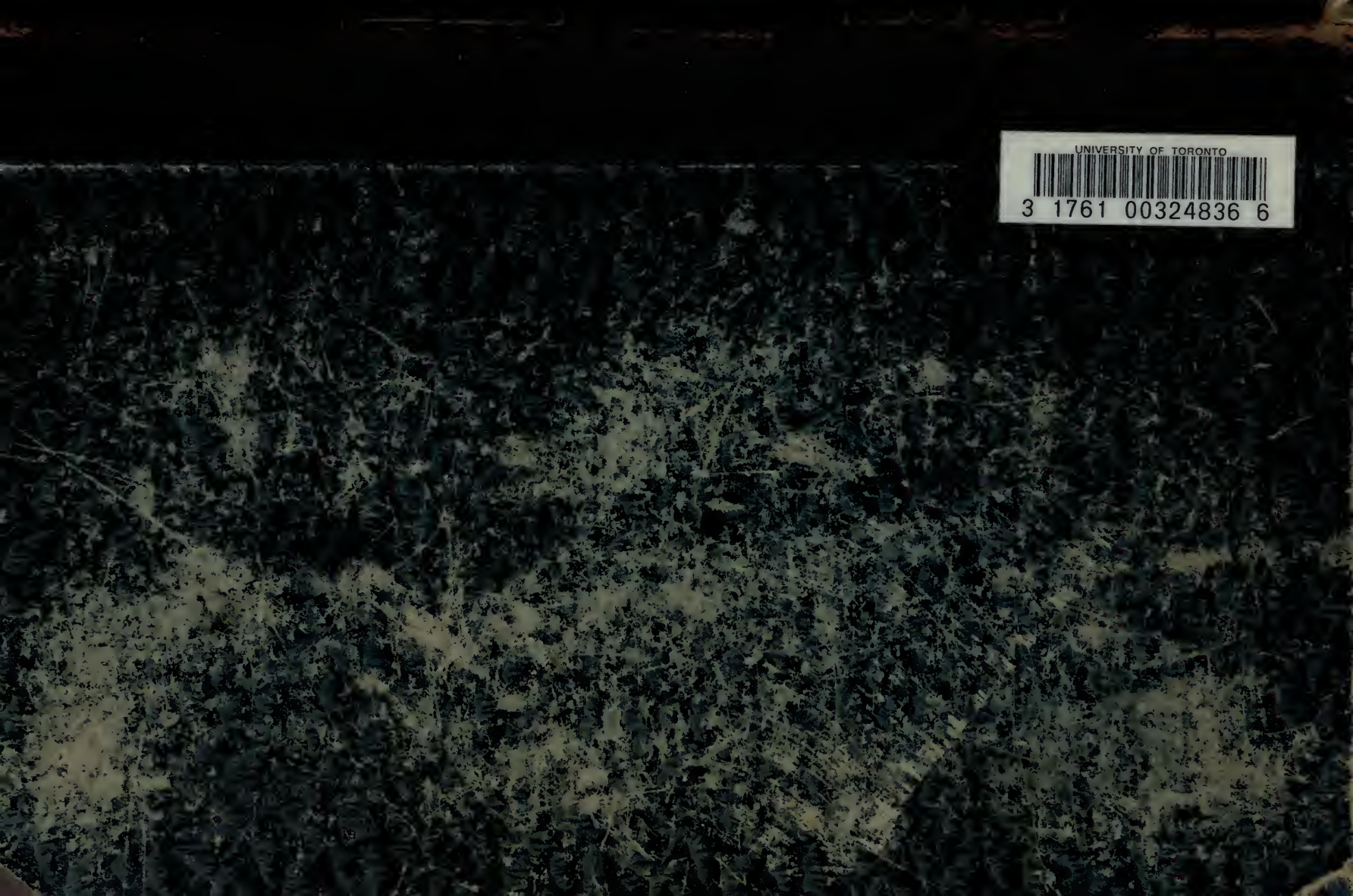
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324836 6



Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

75—
404/375

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н. М. МИНСКІЙ

СТИХОТВОРЕНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. С. Балашева, Екатерингн. кан., 78.
1887

PG
3470
V525A17
1887

Екатерининскій кан., д. № 78.
2804.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 7 октября 1887 года.

I.

Вакханкой молодой ко мнѣ она вошла,
Въ одной рукѣ поднявъ бокалъ съ кипящей влагой,
Въ другой—вѣнокъ изъ розъ,—и вся она цвѣла
Грѣхомъ и красотой, весельемъ и отвагой.
Кудрями свѣтлыми былъ низкій лобъ вѣнчанъ,
Изъ длинныхъ глазъ сверкалъ горячій взоръ и томный,
Въ послушныхъ складкахъ шелкъ, какъ тайну другъ нескромный,
Скрывалъ и выдавалъ богини грудь и станъ.

— За мной! звала она. За мной, мечтатель юный! —
И голосъ у нея пѣвучъ былъ и глубокъ.—
Испей мой сладкій ядъ, надѣнь живой вѣнокъ,
Блаженству посвяти мечты свои и струны.
Опутанный судьбой, забвенья жаждетъ міръ
И всѣхъ превыше благъ онъ цѣнитъ, благодарный,
Объятья грѣшныя и виноградъ янтарный,
И вдохновенное безумье громкихъ лиръ.

Пой счастье и любовь счастливымъ и влюбленнымъ.
Изъ всѣхъ даровъ земныхъ лишь лучшіе бери:
У суетнаго дня—безпечный лучъ зари,
У мрачной ночи—блескъ луны надъ міромъ сонным,
У сердца—жаръ страстей, у времени—весну,
У матери земли—цвѣтущія дубравы,
И вмѣстѣ все сплоти въ гармонію одну,
И будутъ дни твои—дни радости и славы! —

II.

Такъ рѣчь ея текла—и вѣялъ страсти зной
Отъ словъ и устъ ея, мнѣ душу зажигая.
Я руки къ ней простеръ,—но въ этотъ мигъ другая
Богиня строгая явилась предо мной,—
Со взоромъ, мечущимъ вражды и гнѣва пламя,
Въ доспѣхахъ воина, сильна и молода,
Съ руками, грубыми отъ тяжкаго труда,
И мечъ свѣтился въ нихъ, и развѣвалось знамя.

— За мной, звала она,—и, какъ призывъ трубы,
Былъ голосъ у нея, — властительный и зычный.
Туда, на тѣсный путь лишеній и борьбы,
Гдѣ счастье — рѣдкій гость, гдѣ горе — гость привычный.
Буди огонь въ сердцахъ, усталыхъ ободряй!
Какъ музыкантъ въ бою предъ строемъ утомленнымъ,
Ступай передъ толпой со словомъ окрыленнымъ,
Съ ней вмѣстѣ и живи, и вмѣстѣ умирай!

И радость высшую тебѣ я дамъ въ награду,—
Что̀ передъ ней миражъ веселья и утѣхъ!
Твой стихъ, какъ божій духъ, прольетъ въ сердца отраду,
И братьевъ и друзей создастъ тебѣ во всѣхъ.
Въ минуты счастія и въ бѣдствіи тяжеломъ,—
Надъ гробомъ друга другъ, надъ колыбелью мать,—
Твоими пѣснями, какъ лучшихъ чувствъ символомъ,
Всѣ будутъ скорбь свою и радость выражать!..

III.

Такъ рѣчь ея лилась,—и страстное волненье
Мнѣ сердце потрясло. Я руки къ ней простеръ,
Хотѣлъ сказать: я твой!—И вдругъ упалъ мой взоръ
На Музу новую. Блѣдна, какъ привидѣнье,
Недвижная она стояла и съ тоской
Глядѣла въ очи мнѣ безумными очами.
У ней въ одной рукѣ тлѣлъ факелъ, а въ другой
Мерцало зеркало холодными лучами.

— Я не зову тебя,—она шепнула мнѣ,—
И этотъ шопотъ былъ такъ слабъ необычайно,
Что я не зналъ сперва, звучитъ-ли онъ извнѣ,
Иль собственной души внимаю голосъ тайный.—
Я не зову тебя,—меня призвалъ ты самъ.
Я—жажда Истины, я—Совѣсть мірозданья.
За мною вьются вслѣдъ сомнѣнья и страданья,
Какъ желтые пески за вихремъ по слѣдамъ.

4

И знай: когда во мнѣ ты обрѣтешь богиню,
Я благами земли тебя не награжу,
Но въ душу скорбную свой факелъ водружу
И озарю всѣхъ чувствъ, всѣхъ думъ твоихъ пустыню.
И ощутишь въ душѣ отчаянія дрожь,
И въ зеркалѣ моемъ, какъ вѣчность, неподкупномъ,
Во всемъ, что ты считалъ добромъ, увидишь ложь
И неизбѣжное—въ порочномъ и преступномъ.

Я поведу тебя въ пучину дѣлъ мірскихъ
И сокровенное въ сердцахъ людей открою.
И ложь своей души увидишь ты и въ нихъ,
И не повѣришь ты пророку и герою.
Не опьянятъ тебя символы и слова,—
Ни битвы грозный шумъ, ни нѣжный плачъ свирѣли.
Въ безцѣльной суетѣ искать ты будешь цѣли,
И рваться къ небесамъ, и жаждать божества.

Промчатся дни твои въ томленьи одинокомъ,
И будетъ пѣснь твоя досугъ твой отравлять.
Но я ей силу дамъ печалью уязвлять
Сердца, застывшія въ безвѣріи глубокомъ.
И шопотъ Истины, какъ бы онъ ни былъ слабъ,
Въ ней будетъ слышаться сквозь крики отрицанья.—
Такъ молвила она. И, удержавъ рыданья,
Молчалъ я, какъ молчитъ передъ царицей рабъ.

1887.

I.

НАШЕ ГОРЕ.

Не въ ярко блещущемъ уборѣ
И не на пламенномъ конѣ
Гуляетъ, скачетъ наше Горе
По нашей сѣрой сторонѣ.
Пѣшкомъ и голову понуря,
Въ туманно-сумрачную даль
Плетется русская Печаль.
Безвѣстна ей проклятій буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смѣшна кричащая невзгода.
Дитя стыдливаго народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкій крестъ несетъ безъ шума.
И лишь въ тѣни родныхъ лѣсовъ,
Подъ шопотъ ели иль березы,
Порой вздохнетъ она безъ словъ
И льетъ невидимыя слезы...
Намъ эти слезы безъ числа
Родная муза сберегла...

1879.

НА ВЫСОТѢ.

Я бросилъ повода, я волю далъ коню,
Я настежъ распахнулъ души своей темницу
На встрѣчу теплому, безоблачному дню,
Холмамъ, въ осеннюю одѣтымъ багряницу.

Какая даль кругомъ! Объяты тишиной
Желтѣющая степь, распаханныя нивы,
Салгира синяго веселые извивы
И скалы, ставшія угрюмою стѣной.

А тамъ, за ихъ стѣной, я чую близость моря:
Оттуда съ ласковымъ дыханьемъ вѣтерка
Сребристыя плывутъ къ утесамъ облачка—
Небесныя мечты среди земнаго горя...

Нѣтъ, этотъ свѣтлый день безслѣдно не пройдетъ!
Когда я возвращусь на сѣверъ нашъ тоскливый,
И вновь почувствую зловѣщихъ мыслей гнетъ,
Я вспомню эту степь, холмы, лѣса и нивы...

Тогда на эту высь я вновь мечтать приду...
Приду, но не одинъ,—а силой вдохновенья.
Я и тебя, мой другъ, съ собою приведу,
Какъ я тоскующій и жаждущій забвенья.

Подъ музыку стиховъ замретъ въ душѣ тоска,
Предъ тайной красоты смирится умъ усталый.
Холмы обступятъ насъ... Змѣей сверкнетъ рѣка...
И тучки приплывутъ лобзать сѣдыя скалы...

1886.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Я вижу вновь тебя, таинственный народъ,
О комъ такъ горячо въ столицѣ мы шумѣли.
Какъ прежде, жизнь твоя — увы — полна невзгодъ,
И нищеты ярмо безъ ропота и цѣли
Ты все еще влачишь, насмѣшливъ и угрюмъ.
Та-жъ вѣра дѣтская и тотъ-же древній умъ;
Жизнь не страшитъ тебя и гробъ тебѣ не страшенъ
Подъ сѣнію креста, вблизи родимыхъ пашенъ.

Загадкой страшною встаешь ты предо мной,
Зловѣщей, какъ миражъ среди степи безводной.
Кто лучше: я иль ты? Подъ внѣшней тишиной
Теченья тайныя и дно души народной
Кто можетъ разглядѣть? О, какъ постигнуть мнѣ,
Что̀ скрыто у тебя въ душевной глубинѣ?
Какъ мысль твою прочесть въ твоемъ покорномъ взорѣ?
Какъ море, теменъ ты: могучъ-ли ты, какъ море?..

Тебя порой отъ сна будили, въ руки мечъ
Влагали и вели,—куда?—ты самъ не вѣдалъ.
Покорно ты вставалъ... Не разъ средь грозныхъ сѣчъ,
Дрожа, сраженный врагъ всю мощь твою извѣдалъ.
Какъ левъ безстрашный, ты добычу добывалъ,
Какъ заяцъ робкій, ты при дѣлежѣ молчалъ...
О, кто-жъ ты, наконецъ: герой великодушный,
Иль годный къ битвѣ конь, арапнику послушный?

1878.

Блескомъ солнца небо ослѣпляетъ,
Даль морская—отблескомъ небесъ.
Теплый вѣтеръ усыпляетъ
Кипарисовъ гордый лѣсъ.

А кругомъ и таетъ, и синѣетъ
Голыхъ скалъ зубчатая гряда.
Я гляжу—и сердце млѣетъ
Отъ блаженства и стыда.

Стыдно мнѣ, что нужно такъ немного
Для души измученной людской,
Чтобъ утихла въ ней тревога
И борьбу смѣнилъ покой;

Стыдно мнѣ, что плачу отъ волненья
Предъ лицомъ бездушныхъ водъ и скалъ,
Я, кто тщетно утѣшенья
Средь живыхъ людей искалъ;

Что сильнѣй сознательнаго горя
Кипарисовъ благовонный лѣсъ,
Шорохъ листьевъ, шопотъ моря
И безмолвіе небесъ...

1886.

ПОСЛѢДНЯЯ ВОЛЯ.

Мой другъ, умирая, пожалъ мои руки
И тихо промолвилъ въ часъ вѣчной разлуки:
«Прощай, мой товарищъ! Трудись,
Будь вѣренъ свободѣ, люби и надѣйся!
Тамъ, въ небѣ, мы свидимся снова. Не смѣйся:
Я вѣрю въ загробную жизнь...

Я вѣрю: и тамъ, за предѣлами гроба,
Тревожатъ намъ душу надежды и злоба
И радости жизни былой.
Я вѣрю, товарищъ, что въ день годовщины
Душа покидаетъ Эдема равнины,
Чтобъ свидѣться съ грустной землей.

«Исполни предсмертное друга желанье,
И въ день годовщины приди на свиданье
Къ могилѣ моей—и тайкомъ
Шепни, что творится на родинѣ бѣдной:
«Зардѣлось-ли небо зарею побѣдной,
Иль царствуетъ сумракъ кругомъ.

И если, товарищъ, заря одолѣла,
То мѣсто, гдѣ грудь молодая истлѣла,
Живыми цвѣтами покрой!
Склонися пониже тогда надъ могилой,
И пѣсню старинную съ новою силой,
Завѣтную пѣсню пропой...»

Свершилось послѣднее друга желанье:
Я въ день годовщины пошелъ на свиданье,
Но только безъ свѣжихъ цвѣтовъ...
Плакучія ивы шептались сердито,
И долго искалъ я могилы забытой
Среди деревяныхъ крестовъ.

И странно! Гдѣ грудь твоя, другъ мой, истлѣла,
Тамъ, густо разросшись, полынь зеленѣла...
И дрогнуло сердце во мнѣ...
И долго стоялъ я въ безмолвной печали.
— Какъ видно, товарищъ, тебѣ ужъ сказали,
Что̀ стало въ родимой странѣ!

1878.

ЛЮБОВЬ И МЕЧЪ.

Отъ Меча Любовь бѣжала
Цѣлый рядъ вѣковъ тяжелыхъ,
Но вездѣ его встрѣчала—
Въ городахъ и въ дальнихъ селахъ.

И Любовь взмолилась Богу:
«Боже праведный, великій!
Укажи въ тотъ край дорогу,
Гдѣ не избранъ Мечъ владыкой».

Богъ ей молвилъ: «подъ луною
Не найти такого края,
Но, желаешь, предъ тобою
Растворю я двери рая».

И Любовь съ землей простилась
И на небо улетѣла.
Вотъ земля изъ глазъ сокрылась.
Блещутъ звѣзды безъ предѣла.

Вотъ напѣвы неземные
Долетаютъ издалека.
Вотъ и кущи золотыя
Показалися съ востока.

Входъ, какъ огненное море,
И у входа духъ нетлѣнный.
А въ рукѣ его — о горе! —
Мечъ, все тотъ-же Мечъ надменный!

И Любовь, на Мечъ взирая,
Кроткимъ сердцемъ ужаснулась,
Не вступила въ сѣни рая,
И на землю не вернулась.

Но помчалась по эопру,
По невѣдомой пустынѣ,
Гдѣ летитъ отъ міра къ міру,
Безпріютная донынѣ.

1881.

ЗАСУХА.

Я помню: лѣтнею порою
Грозилъ намъ голодъ разъ. Поля
Всѣ были выжжены жарою.
Желтѣя, трескалась земля.
Грозы молили всѣ у неба;
Толпился въ церкви весь народъ.
Кричали дѣти у воротъ:
«Дай, Боже, дождичка, дай хлѣба
Для дѣтокъ маленькихъ твоихъ!»
И Богъ мольбу услышалъ ихъ.
Недаромъ въ скорби непритворной
Упала пахаря слеза:
Примчались тучи стаей черной,
И разразилася гроза.

Когда-же стихнулъ дождь желанный,
Я вышелъ въ садъ благоуханный,
И тамъ нашелъ среди кустовъ
Гнѣздо, размытое грозою.

Надъ нимъ съ безпомощной тоскою
Кружилась мать. Своихъ птенцовъ
Она звала и щебетала,
Ихъ грѣла трепетнымъ крыломъ,
Металась, билась надъ гнѣздомъ
И подлѣ мертвая упала.

И думалъ я: что̀, если-бъ мать
Могла въ тоскѣ своей понять,
Что той грозой неумолимой
Спасенъ весь край?
— Что̀ край родимый,
Когда не стало навсегда
Гнѣзда, родимаго гнѣзда!

1879.

НА МОТИВЪ ИЗЪ ІЕРЕМІИ.

Когда будешь звать ихъ, они тебѣ не отвѣтятъ.
(Іер., гл. 7, 27).

Всталъ онъ бодрый и пошелъ,
Движимъ помысломъ высокимъ,
Къ новой жизни разбудить
Братьевъ, спавшихъ сномъ глубокимъ.

Видишь холмъ? Здѣсь погребли
Вопіявшаго въ пустынѣ.
Кто другихъ будилъ, уснулъ.
Кто-же спалъ, тотъ спитъ донынѣ.

1882.

ВЕСТАЛКИ.

Печально-блѣдныя, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Онѣ задумались вдвоемъ,
На мраморъ опершись. Какъ ропотъ волнъ мятежныхъ,
Къ нимъ доносился смутный громъ
Далекихъ голосовъ, безсильно замирая
Подъ сводомъ низкимъ и глухимъ.
И вотъ одна изъ нихъ промолвила, вздыхая:
«Сестра! Опять безумный Римъ
Затѣялъ оргію по манію солдата
Или наложницы. Растетъ,
Увы, растетъ потокъ неволи и разврата
И, мутно-гнѣвный, съ корнемъ рветъ
Величье древнее. Римъ гибнетъ. Дремлютъ боги.
Кому молиться и о чемъ?
Римъ гибнетъ. Римъ погибъ. Что̀ пользы въ жизни строгой
Въ молитвахъ, въ бдѣніи ночномъ
И въ чистыхъ помыслахъ? Что̀ пользы въ томъ для Рима,
Что шесть безгрѣшныхъ дѣвъ хранятъ
На ветхомъ алтарѣ огонь неугасимо
И стѣны ветхія кропятъ

Святой струей Каменъ? Римъ гибнетъ. Нѣтъ спасенья.
Вотъ шумъ приблизился... Сестра,
Устала грудь моя отъ тайнаго мученья.
Больнѣе пламени костра
Огонь, что душу жжетъ. Томлюсь, изнемогая.
Постыла горестная жизнь...»
И, быстро вспрянувши, воскликнула другая:
«Сестра! Молю, остановись!
Пусть дряхлый Римъ забылъ свой жребій: надъ вселенной
Безсмертнымъ разумомъ царить, —
Ты, жрица, помни свой: небесъ огонь священный
И сердце чистое хранить.
Кругомъ настала ночь?—въ безмолвномъ упованьѣ
Зажги священные огни.
Ты слышишь оргій шумъ?—удвой свое вниманье
И страхъ заботливѣй гони.
И если-бъ міръ опять низпалъ въ хаосъ нестройный,—
Владѣя искрою одной,
Ты изъ послѣдняго обломка съ ней спокойно
Послѣдній жертвенникъ устрой.
И вѣрь, что лучшій міръ изъ искры той родится
И племя лучшее придетъ,
Отыщетъ твой огонь и съ небомъ примирится,
И небу жертвенникъ зажжетъ».
Сказала—и, склонясь, въ огонь кореньевъ новыхъ
Подбросила, и вспыхнулъ храмъ
Предъ взоромъ дѣвственницъ задумчиво-суровыхъ,
Внимавшихъ дальнимъ голосамъ.

1882.

РОБКОМУ СОЛОВЬЮ.

I.

Кротко-лучистая
Въ сумеркахъ теплыхъ зажглася звѣзда.
Льется прохлада душистая,
Въ берегъ звучнѣй ударяетъ вода.
И, убаюканы нѣжной волною,
Дремлютъ сады надъ безсонной рѣкою.

II.

Грустью цѣлительной
Мирно обвѣянъ, я жду, притаясь...
Жду, чтобы пѣсней плѣнительной
Вешняя ночь, изнывая, зажглась.
Чу! Я дождался: изъ темной вершины
Трижды привѣтъ прозвучалъ соловьиный.

III.

Скорбной загадкою
Вылилась пѣсня изъ мрака вѣтвей—
Тихо, какъ будто украдкою...
Что ты такъ робко поешь, соловей?
День миновалъ суетливый и душный.
Громче, смѣлѣй, утѣшитель воздушный!

IV.

Къ ласкамъ свиданія
Друга завешь-ли, страстнѣе зови!
Пой! Не стыдися признанія.
Нѣтъ ничего благодатнѣй любви.
Сила любви всѣмъ, что движется, правитъ.
Счастливъ, кто въ пѣснѣ любовь свою славитъ.

V.

Если-же счастія
Грезу мгновенную жребій унесъ,—
Плачь! Не стыдися участія.
Нѣтъ ничего благотворнѣе слезъ.
Черная скорбь все живущее гложетъ.
Счастливъ, кто скорбь свою выплакать можетъ.

VI.

Міра безбрежнаго,
Вѣчности темной не бойся, пѣвецъ.
Міръ безъ восторга мятежнаго,
Міръ безъ страданій—огромный мертвецъ.
Вѣчность мертва безъ живаго мгновенья,
Жизнь холодна безъ огня вдохновенья.

VII.

Видишь: печальнѣе
Мѣсяцъ склонился челомъ золотымъ,
Небо разверзлося дальнее.
Полночь прислушалась къ стонамъ твоимъ.
Слушаетъ Ночь,—и, эоиръ обжигая,
Звѣзды, какъ слезы, катятся, сверкая...

VIII.

Пѣснь вдохновенная
Громче пусть льется, пѣвецъ красоты.
Вся тебѣ внемлетъ вселенная.
Я тебѣ внемлю—безсмертный, какъ ты.
Міръ этотъ—твой, пока въ мірѣ ты страждешь.
Вѣчность—твоя, пока вѣчности жаждешь...

1883.

ПРЕДЪ ЗАРЕЮ.

Приближается утро, но еще ночь.
(Исаія, гл. 21, 12),

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...

Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ — предъ зарею...

Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ
Или злое ворчаніе псовъ:
Это — сонъ, это — лай предъ зарею...

СЕРЕНАДА.

Тянутся по небу тучи тяжелыя,
Мрачно и сыро вокругъ.
Плача, деревья качаются голыя...
Не просыпайся, мой другъ!
Не разгоняй сновидѣнья веселыя,
Не размыкай своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ.

Счастливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную
Грезятся ласки весны.
Счастливъ, кто спитъ, кто про долю свободную
Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.
Горе проснувшимся! Въ ночь безысходную
Имъ не сомкнуть своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ...

1879.

ВЕЗУВІЙ.

Съ трудомъ дыша, въ золу глубоко увязая,
Взбирался я по голой крутизнѣ.
Остывшая встрѣчалась лава мнѣ, —
Я на нее садился, отдыхая.
Тогда внизу сверкала, будто сталь,
Морская гладь; средь зелени веселой
Помпеи трупъ чернѣлъ, бѣлѣли села;
Каймою горъ, сребрясь, вѣнчалась даль.

Вотъ пройденъ черный скатъ. За мною глубь картины
Покрылась дымкою. Чело горы
Пересѣкаютъ гнѣвныя морщины.
Гой-гдѣ, свистя сквозь трещины, пары
Вздымаются удушливою тучей.
Дыханьемъ ихъ окрашены, блестятъ
Обломки лавы рдѣющею кучей
Увядшихъ листьевъ. Трепетомъ объятъ,
Иду впередъ. Вулканъ глубоко дышетъ,
Дрожитъ земля и воздухъ сѣрой пышетъ.

Вотъ скоро конченъ путь. Пылающимъ вѣнцомъ
Сталъ круто холмъ дымящійся и яркій.
Взбираюсь. Камни сыплются дождемъ.
Спираетъ духъ. Ногамъ сквозь обувь жарко.
Сокрылась даль. Закутанъ небосклонъ.
Багровый дымъ встаетъ со всѣхъ сторонъ.

Усталость вдругъ прошла... Гремя, шипя, свиваясь,
Чу! глубоко бушуетъ ураганъ.
Изъ нѣдръ земли встаетъ онъ, приближаясь.
Вотъ налетитъ... И задрожалъ вулканъ,
И столбъ огня взметался величаво
Надъ кратеромъ, сверкая и блестя
Въ покровѣ черныхъ тучъ. Изъ нихъ, свистя,
Дождь камней мчится внизъ съ кипящей лавой...

— Привѣтъ, привѣтъ тебѣ, губитель городовъ,
Чей скрытый гнѣвъ смертельный страхъ вселяетъ
Въ сердца людей! О, будь всегда таковъ!
Весь міръ тебя за то лишь прославляетъ,
Что ты жестокъ, что въ быстротечный мигъ
Людей сразить ты можешь долгимъ горемъ.
Кто-бъ зналъ тебя, когда-бъ дремалъ надъ моремъ
Среди другихъ и твой безвредный пикъ?
Твои бока изрѣзали бы плугомъ,
До темени сковали бы въ сады,
И сотня поселянъ, быть можетъ, другомъ
Звала-бъ тебя въ награду за плоды...

А нынѣ—кто горы Везувія не знаетъ?
Счастливъ, чей пламень внутренній нашелъ
Исходъ наружу, лавой вытекая.
Но горе тѣмъ, въ комъ сила спитъ нѣмая,
Въ комъ дремлетъ гнѣвъ, какъ раненый орелъ.
Кто знаетъ ихъ? . . . . . .
. . . . . .

И снова столбъ огня взлетѣлъ средь чорной тучи
И, мнилось мнѣ, Везувій отвѣчалъ:
«Ничто вѣка, ничто тысячелѣтья
Для силъ заснувшихъ. Самъ я сто вѣковъ молчалъ.
Какъ рабъ, безропотно былъ осужденъ терпѣть я
Тяжелый гнетъ людей. Везувій—былъ рабомъ!
А люди надо мной глумилися. Идемъ—
Рѣшили—нѣтъ горы на свѣтѣ плодороднѣй.
Идемъ, подѣлимся Везувіемъ. Здѣсь—ты,
Тамъ буду я владѣть. Здѣсь разобьемъ сады,
А выше виноградъ посадимъ благородный.
По склонамъ города и виллы возведемъ.
Здѣсь будетъ мощный циркъ, тамъ—дальній гипподромъ.
Везувій все снесетъ... Онъ—нашъ, слуга радивый,
Онъ нашъ покорный другъ, кормилецъ терпѣливый!—
Я слушалъ рѣчи ихъ, я слушалъ и молчалъ.
Я грудью собственной враговъ своихъ шиталъ,
Но еслибъ видѣлъ кто, что тамъ, въ груди кипѣло!
Тамъ плавился гранитъ, негодованье зрѣло.
Я не дремалъ, о нѣтъ! Но, помня свой позоръ
И чутко суеты людской внимая шуму,
Я къ небу устремлялъ загадочный мой взоръ

И думалъ горькую и пламенную думу...
И мести пробилъ часъ.
Былъ праздникъ. Опьянѣвъ
Отъ дикой радости, толпа рукоплескала
И циркъ, неистово бѣснуясь, колебала:
Предъ нею юношу терзалъ голодный левъ.
И я сказалъ: пора! И громъ рукоплесканій,
Очнувшися, инымъ я громомъ заглушилъ
И циркъ потрясъ и я...
Съ тѣхъ поръ великихъ силъ
Во мнѣ кипитъ гроза. Уже вѣка страданій
Я искупилъ давно и наверсталъ свой сонъ,
Но трудно залечить въ гранитномъ сердцѣ рану
И остудить вулканъ. . . . . .»

Неаполь, 1881.

ГЕНІЙ И ТРУДЪ.

(І. І. Ясинскому).

I.

У священнаго дуба молились они,
Злополучные пасынки неба:
«Сжалься, Зевсъ! Отъ дождей всѣ потухли огни,
Въ шалашахъ мерзнутъ дѣти... Нѣтъ хлѣба...
Сжалься! Въ дерево молніей жгучей ударь!
Дай огня! Очаги засвѣти намъ, какъ встарь».

II.

Такъ молилися люди. А боги
Пировали въ то время у Зевса—отца.
Оглашались ихъ смѣхомъ чертоги,
Въ кубки свѣтлые нектаръ лился безъ конца.
И за шумомъ рѣчей сладкозвучныхъ
Зевсъ не слышалъ моленій докучныхъ.

III.

Между тѣмъ въ отдаленной пещерѣ, трудясь,
Прометей замышлялъ роковое.
Онъ не вышелъ молиться, больнымъ притворясь,
Но его удержало иное:
Быстро старецъ о дерево дерево третъ,—
Ноютъ руки его, по лицу льется потъ.

IV.

И бормочетъ онъ: «Да, ты прекрасно,
О небесное пламя! Изъ тучъ безъ труда
Ты нежданно летишь, но напрасно
Люди долго стрѣлы твоей ждутъ иногда.
Въ мигъ одинъ мощный дубъ одолѣешь,
Но порой и лачугъ не жалѣешь.

V.

Нѣтъ, иной нуженъ людямъ огонь»... И старикъ
Не бросаетъ тяжелаго дѣла.
Вдругъ въ пещерѣ послышался радости крикъ:
Древесина, дымясь, почернѣла.
Дымъ, синѣя, свиваетъ кольцо за кольцомъ,
И упорныя сучья пылаютъ огнемъ!..

VI.

Среди пира огонь этотъ смѣлый
Вдругъ увидѣли боги съ далекихъ небесъ.
Прерванъ пиръ. Зевсъ нашелъ свои стрѣлы,
Наказать дерзновеннаго мчится Гермесъ.
Но ужъ поздно: старикъ восхищенный
Все повѣдалъ толпѣ изумленной...

VII.

Долго въ тяжкихъ цѣпяхъ Прометей изнывалъ,
Искупая свой грѣхъ благотворный.
Но огня, имъ зажженнаго, Зевсъ не сковалъ:
Разгорался огонь непокорный.
И Олимпъ запылалъ, и наказанъ тиранъ,
И пришелъ человѣкъ, и раскованъ титанъ.

VIII.

Будьте-жъ трижды вы благословенны,
Утѣшенья земныя въ скитаньи земномъ:
Трудъ, будящій огонь вдохновенный,
И огонь, разбужѐнный упорнымъ трудомъ,
Слезы замысла, потъ исполненья,
И завѣтная кровь искупленья!

1885.

НАДЪ МОГИЛОЙ К. Д. КАВЕЛИНА.

(7 мая 1885 г.).

Ѣще одинъ свѣточъ погасъ
Средь сумерекъ скорбнаго міра...
Увы! Какъ огни послѣ пира,
Мудрѣйшіе, лучшіе, гаснутъ межъ насъ,
И ночь все темнѣетъ надъ родиной бѣдной.
Да, пиръ миновалъ, пиръ восторженныхъ словъ,
Великихъ надеждъ, безкорыстныхъ трудовъ,
Какъ сонъ миновалъ — и безслѣдно;
Напрасно горѣлъ ослѣпительный свѣтъ,
Безплодно мы рвались куда-то;
Какъ прежде, нѣтъ правды — и счастія нѣтъ!
Россія могилами нынѣ богата!
И тотъ, кто усталъ наболѣвшей душой
Скорбѣть о невзгодахъ отчизны,
Отраду ищи не въ столицѣ большой,
Не въ сонномъ иль суетномъ омутѣ жизни!
Сюда приходи! Здѣсь душой отдыхай!

Есть время, когда утѣшаютъ могилы:
Ужели безсиленъ тотъ край,
Гдѣ выросли эти могучія сплы?!
Вѣрь мертвымъ! Вѣрь тѣмъ, кто, надеждой горя,
Средь насъ возвышался вершиной блестящей,
И къ смутной толпѣ, у подошвы стоящей,
Взывалъ съ возвышенья: «заря!»
Быть можетъ, отъ насъ не на вѣкъ отлетѣли
Былыя надежды, былая весна:
Въ могилѣ того, надъ кѣмъ плачетъ страна,
Грядущее спитъ, какъ дитя въ колыбели...

НА ЧУЖОМЪ ПИРУ.

Я видѣлъ праздникъ на чужбинѣ,
Свободы славный юбилей.
Еще мнѣ грезится донынѣ
Безбрежный океанъ огней,
Толпы восторженные клики.

Признаться, съ завистью глухой
Глядѣлъ на праздникъ я чужой.
Твой образъ кроткій и великій
Въ мечтахъ, о родина! мелькалъ,
И было сердцу такъ же больно,
Какъ если-бъ я попалъ невольно
Къ чужой семьѣ на яркій балъ,
Оставивъ мать больную дома...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Да, я завидовалъ, и было —
Клянусь, завидовать чему!
Донынѣ празднество такое
Едва-ль гремѣло подъ луной.
То было торжество людское
Надъ побѣжденною судьбой,
Восторгъ побѣды горделивый,
Грядущихъ подвиговъ залогъ,
Забвенье распрей и тревогъ,
Гимнъ человѣчества счастливый...

Еще съ утра, какъ предъ грозой,
Толпа кипѣла тайно. Каждый
Томился счастья жгучей жаждой.
Предъ набѣгавшею волной
Въ волненьи сладкомъ замирали
У всѣхъ сердца. Всѣ ночи ждали,
И ночь пришла...
Полна чудесъ
Была та ночь. Не сводъ небесъ —
Земля несчетными огнями
Зажглась, въ мгновенье ока, вся,
И пламенѣли небеса,
Земными облиты лучами.
Въ одинъ сверкающій чертогъ
Столица міра превратилась.
Палата царская свѣтилась,
На мѣстѣ улицъ и дорогъ,
Для пира царскаго. Безпечныхъ
Лился потокъ народныхъ массъ.

Никакъ не вѣрилось въ тотъ часъ,
Что не для наслажденій вѣчныхъ
Неувядаемой весны
На свѣтъ всѣ люди рождены,
Что гдѣ-то горькою заботой
Зачѣмъ-то опечаленъ кто-то...

Но не красою площадей,
Не блескомъ праздничныхъ огней
Въ тотъ вечеръ сердце умилялось.
Средь улицъ, сумрачныхъ всегда,
Гдѣ трудъ ютится и нужда,
Иное празднество справлялось.
. . . . . .
. . . . . .
Похожъ былъ праздникъ на сраженье.
Шумъ, давка, топотъ и смятенье,
Стрѣльба изъ оконъ, лѣсъ знаменъ,
Восторгъ, безумье, опьянѣнье,
И дымъ, и свистъ, и гулъ, и стонъ...

Толпы ликующей потоки
Шумятъ, сливаются, бѣгутъ
И вмѣстѣ далѣе текутъ,
Туда, на площадь, гдѣ высоко
И величава, и стройна,
Стоитъ вѣнчанная жена
Съ мечемъ и съ факеломъ, пятою
Поправъ насиліе и мракъ,
И, какъ надъ бездною маякъ,

Царитъ безмолвно надъ толпою.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Я видѣлъ: старики рыдали,
И матери своихъ дѣтей
Къ тебѣ съ молитвой поднимали.
Чужіе съ радостью друзей
Другъ друга крѣпко обнимали.

Въ избыткѣ чувствъ само собой,
Свободно окрыляясь, слово
Лилось, правдиво и сурово,
Передъ внимательной толпой.
Забылъ народъ былыя раны
И ликовалъ, какъ грудь одна.
Всѣ отъ восторга были пьяны,
И ни единый — отъ вина.

Толпа шумящая сливалась
Въ семью великую гражданъ.
Душа росла и очищалась,
И, словно пламя въ ураганъ,
Далеко пѣсня разливалась.

. . . . . .

. . . . . .

Да, то былъ праздникъ и — сраженье.
Врагамъ свободы пораженье
Одной лишь радостью своей

Нанесъ ты, о народъ великій!
Когда изъ тысячи грудей
Неслись ликующіе клики,
Исчадья злобы вѣковой
Завыли отъ предсмертной боли.
Ты наступилъ на грудь неволи
Своею пляшущей пятой!
Ты въ этотъ день, съ богами сходенъ,
Всѣ блага высшія постигъ:
Ты былъ спокоенъ и свободенъ,
Ты былъ разуменъ и великъ!..

И внемля съ завистью чужихъ восторговъ шуму,
Отчизна, о тебѣ нерадостную думу
Невольно думалъ я...
. . . . . .
. . . . . .
Какъ тайну разгадать твоей судьбы плачевной?
Ни глубиной ума, ни кротостью душевной
Не ниже ты своихъ счастливѣйшихъ подругъ.
Добрѣе нѣтъ, сильнѣе нѣтъ народа
Твоихъ сыновъ богатырей,
И поражаетъ щедростью своей
Твоя богатая природа.
Ты изобильна всѣмъ, чѣмъ красенъ Божій свѣтъ,
Что счастіе людское созидаетъ.
Зачѣмъ же счастія въ тебѣ, отчизна, нѣтъ?

О, родина моя, о, родина терзаній!
Гдѣ тотъ, кто жизни путь откроетъ предъ тобой,

И кто отъ вѣковыхъ скитаній
Твоихъ дѣтей больныхъ вернетъ подъ кровъ родной?
Нѣтъ перепутія, твои гдѣ не блуждали
Мечты высокія и честныя печали.
Нѣтъ громкихъ словъ, нѣтъ свѣтлыхъ грезъ,
За что не пролила ты крови или слезъ.
Нѣтъ тѣхъ чужихъ пировъ, гдѣ ты бы не хмѣлѣла,
Нѣтъ тѣхъ чужихъ скорбей, чѣмъ ты бы не скорбѣла,
Болѣзней нѣтъ чужихъ, чѣмъ ты бы не болѣла!..

О, родина моя! Ты на груди своей,
На любящей груди, и ядовитыхъ змѣй
И кроткихъ голубей не разъ отогрѣвала,
Лишь про дѣтей своихъ всегда ты забывала...
Ты все извѣдала: высокія мечты,
Правдивой совѣсти святыя укоризны,
Паренье въ небеса и жажду красоты.
Когда же ощутишь ты жажду жизни, жизни!
Когда начнетъ народъ твой знаніе любить,
Когда про нужду позабудетъ,
И горя горькаго не будетъ
Ни въ будни наколять, ни въ праздники топить?..

Когда, о, мать моя, твои затихнутъ стоны,
И не дерзнутъ кичиться предъ тобой,
Народы всей земли — какъ честныя матроны
Передъ погибшею женой?
Кичиться — чѣмъ? Не ты-ль оберегала
Чертогъ, гдѣ пиръ себѣ готовили они,
И грудью ураганъ не ты ли задержала,

Грозившій потушить ихъ яркіе огни?
И что-жъ? Когда потомъ и ты въ чертогъ вступила,
Тамъ мѣста не было тебѣ...
Когда отъ свѣточей ты бурю отклонила,
Во тьмѣ осталась ты, подобная рабѣ...
И сталъ твой жребій—скорбь, и имя—слово брани...

О, родина моя! О, родина терзаній!

Парижъ, 14 іюля 1880.

II.

МОЙ ДЕМОНЪ.

Нѣтъ, никогда съ тѣхъ поръ, какъ мрачныя созданья
Сомнѣній и тоски тревожатъ духъ людей
Гордыней гнѣвною иль смѣхомъ отрицанья,
Или отравою страстей,
Съ тѣхъ поръ какъ мудрый Змій изъ праха показался,
Чтобъ демономъ взлетѣть къ надзвѣздной вышинѣ,—
Донынѣ никому онъ въ мірѣ не являлся
Столь мощнымъ, страшнымъ, злымъ, какъ мнѣ...
Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что пламенной печати
Злорадства и вражды не выжжено на немъ,
Что небу онъ не шлетъ угрозъ или проклятій
И не глумится надъ добромъ.
Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, правду отрицая,
Онъ высшей правды ждетъ страстнѣй, чѣмъ Серафимъ,
Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, душу искушая,
Уму онъ кажется святымъ.
Привѣтна рѣчь его, и кротокъ взоръ лучистый,
Его хулы звучатъ печалью неземной;
Когда-жъ его прогнать хочу молитвой чистой,
Онъ вмѣстѣ молится со мной...

ПРОРОКЪ.

Предъ алтаремъ я слезы лилъ,
Рыдалъ и Господа молилъ:

— Зачѣмъ, о Боже, въ людяхъ стану
Я совѣсть спящую будить?
Ты знаешь, Боже: эту рану
Мы можемъ только бередить.
Ты знаешь, Боже: нѣтъ спасенья
Отъ себялюбія, вражды,
Отъ яда зависти и мщенья
И отъ соблазновъ суеты.
Кому-же, Господи, онъ нуженъ—
Мечъ отрезвляющихъ рѣчей?
Какъ тотъ, кто, язвою недуженъ,
Извѣдавъ множество врачей,
Не ждетъ ужъ больше исцѣленья,
Клянетъ пытливый перстъ врача
И, жизнь печальную влача,

Лишь просить болей облегченья,—
Такъ родъ людской сталъ глухъ и нѣмъ
На голосъ истины казнящей,
И язвы совѣсти болящей
Не обнажаетъ ни предъ кѣмъ.
Кчему? Кого спасли пророки?
Иль міръ, какъ прежде, не грѣшитъ?
Онъ знаетъ самъ свои пороки,
Но позабыть о нихъ спѣшитъ...

Предъ алтаремъ я трепеталъ,
И въ слухъ Предвѣчнаго шепталъ:

— Увы! Въ юдоли міра грустной,
Гдѣ Жизнь насъ ловитъ въ сѣть искусно,
А Смерть поспѣшно тянетъ сѣть
На отмель темную забвенья,—
Блаженъ, кто можетъ опьянѣть
Отъ ласки иль грозы мгновенья!
Благословенъ, кто чѣмъ-нибудь—
Затѣйной сказкой, пѣсней звучной—
На мигъ волнуетъ нашу грудь,
Кто создаетъ въ пустынѣ скучной
Миражъ волшебной красоты,
Кто смерти грозное видѣнье
Отъ глазъ скрываетъ на мгновенье
Подъ дымкой радужной мечты.
Паяцъ площадный, гаеръ гибкій,
Согрѣвшій разъ лучемъ улыбки
Лицо усталое одно,

Стократъ желаннѣе пророка,
Чей взоръ глядитъ, какъ божье око,
Кто зла и скорби видитъ дно,
Кто безполезно устрашаетъ,
Кто остовъ смерти обнажаетъ...
Спаси-же, Господи, спаси
Отъ безполезнаго томленья,
И мимо, мимо пронеси
Напитокъ горькій отрезвленья!..

Такъ я молилъ,—но вотъ мнѣ длань
Простеръ Господь и молвилъ: встань!
И чашу совѣсти немолчной
И отрезвляющей тоски
Мнѣ подалъ изъ Своей руки.
И принялъ я напитокъ желчный,
И чаша имъ была полна,
И я испилъ ее до дна...

КАЗБЕКУ.

Ни одиночество, ни вѣчное молчанье
Твой гордый духъ сковать испугомъ не могли.
Ты рвался къ небесамъ изъ темныхъ нѣдръ земли,—
Быть къ солнцу ближе всѣхъ влекло тебя желанье.

И вдругъ ты вырвался, весь пламенемъ объятъ,
Кипучій, радостный, какъ рабъ, порвавшій цѣпи.
Сбылась твоя мечта: съ высотъ небесъ твой взглядъ
Два моря озиралъ, холмы, долины, степи.

Ты суеты земной услышалъ вѣчный гулъ
И безпріютныхъ звѣздъ увидѣлъ ходъ безцѣльный,
Но, вмѣсто радости, въ познаньѣ почерпнулъ
Безвыходную скорбь и ужасъ безпредѣльный.

Съ тѣхъ поръ среди небесъ томишься ты одинъ,
Безмолвный, сумрачный, какъ въ скорби царь могучій.
Не посягнетъ орелъ, едва дерзаютъ тучи
Подняться до твоихъ нетронутыхъ сѣдинъ.

Но не безплодна скорбь титана.
Лишь только вешнее тепло
Твое суровое чело
Начнетъ лобзать, и солнце, рано
Зажегшись въ яркой синевѣ,
Прильнетъ къ сѣдой твоей главѣ,—
Ты, скрывшись пологомъ тумана,
Тихонько плачешь... И, родясь
Отъ слезъ твоихъ, бѣгутъ потоки
И въ грудь земли, какъ жизни соки,
Путями тайными струясь,
Плодотворятъ холмы и долы.
Земля готовитъ ширъ веселый.
А ты, создавшій этотъ пиръ
Своими чистыми слезами,
Стоишь, всѣмъ чуждый, и на міръ
Взираешь скорбными очами...

1886.

СКОРБЬ.

Надо мной заря зарю смѣняетъ,
Небеса темнѣютъ и горятъ.
Міръ кругомъ цвѣтетъ и отцвѣтаетъ,
Жизнь и смерть чредою въ немъ царятъ.

А въ душѣ свинцовою волною
Скорбь растетъ, растетъ, не зная сна.
Шумомъ дня и ночи тишиною—
Жадно всѣмъ питается она.

Притаясь у родниковъ желаній,
Ихъ кристалъ мутитъ она въ тиши,
И толпу несмѣлыхъ упованій
Сторожитъ на всѣхъ путяхъ души.

Къ небесамъ-ли звѣзднымъ я взираю,
Въ ясный день гляжу-ль въ нѣмую даль,—
На землѣ я грусть свою встрѣчаю,
Изъ небесъ я пью свою печаль.

И когда, волнуемый любовью,
Я къ груди прижмуся дорогой,—
Тутъ-же Скорбь, приникнувъ къ изголовью,
Мнѣ, какъ другъ, киваетъ головой.

О, когда окончатся мученья?
О, кому повѣдать сердца гнеть?
Гдѣ найти для тайны выраженья?
Кто мой вопль услышитъ и пойметъ?

Есть Одинъ—природы скрытый геній,
Мощный духъ, что совмѣстилъ въ Себѣ
Жизнь и смерть и вѣчный кругъ явленій
И слѣпой не подчиненъ судьбѣ...

Лишь Тебѣ, спокойному, я-бъ ввѣрилъ
Пестрый шумъ душевной суеты.
Ты-бъ одинъ, кто скорби чуждъ, измѣрилъ
Скорбь мою, великую, какъ Ты.

Но увы! увы! Мечтой послушной
Облетѣлъ весь міръ я, какъ орелъ,
И вездѣ искалъ Твой тронъ воздушный,
Но нигдѣ донынѣ не нашелъ.

А вдали—ужъ слышу—кто-то рѣетъ...
На меня полетъ онъ устремилъ.
Все сильнѣй могильный холодъ вѣетъ
Отъ его неотвратимыхъ крылъ.

И опять заря зарю смѣняетъ,
Небеса темнѣютъ и горятъ.
Міръ кругомъ цвѣтетъ и отцвѣтаетъ,
Жизнь и смерть чредою въ немъ царятъ...

1884.

ФОНТАНЪ.

(Съ восточнаго).

Подъ солнцемъ лѣтнимъ, въ часъ полдневный,
Въ пескѣ горючемъ я шагалъ.
Тяжелый зной, недвижный, гнѣвный,
Лицо пустыни сожигалъ.
Объяты ужасомъ, застыли
Утесы мглистою грядой,
На нихъ, сквозь дымку ѣдкой пыли,
Кой-гдѣ виднѣлся мохъ сѣдой
И росъ бурьянъ мертворожденный.
Блестѣлъ сводъ неба раскаленный,
И блескъ, и зной, и мгла, и сонъ,
Казалось, въ душу проникали.
Я шелъ, въ забытье погруженъ,
Исполненъ страха и печали.

И вдругъ какихъ-то близкихъ струй
Въ тиши послышалось журчанье,—

Нѣжнѣй, чѣмъ дѣтскій поцѣлуй,
Звучнѣй, чѣмъ гуріи лобзанье.
И въ тѣлѣ немощномъ моемъ
Проснулась бодрость и веселье,
Когда сокрытый водоемъ
Передо мной блеснулъ въ ущельѣ.
Бѣжалъ изъ камня ключъ живой,
А надъ живымъ ключемъ фонтана
Глаголъ незыблемый корана
Былъ врѣзанъ набожной рукой.

Молитву небу прошептавши,
Къ студеной влагѣ я приникъ:
— Благословенъ Господь, создавшій
Въ груди скалы живой родникъ.
Благословенъ, кто въ духъ мой мрачный,
Сухой, какъ груды этихъ скалъ,
Внѣдрилъ источникъ слезъ прозрачный
И письмена любви вписалъ!

1886.

ХЕРСОНЕСЪ.

Печальнѣй никогда не видѣлъ я руинъ.
Разрытые дома зіяютъ, какъ могилы.
На пыльныхъ насыпяхъ ростетъ бурьянъ унылый
И съ вѣтромъ плачущимъ бесѣдуетъ одинъ.
Ютится мохъ на днѣ разрушенной цистерны.
Низринутъ мавзолей и спитъ, какъ стражъ невѣрный.

И тихо межъ руинъ бродилъ я, какъ больной.
Холодный страхъ въ душѣ смѣнялся скорбью жгучей.
И наконецъ я сталъ надъ каменистой кручей,
Откуда моря даль открылась предо мной.
Жемчужные валы къ подножью припадали
И, безутѣшные, метались и рыдали...

Межъ тѣмъ закатъ разлилъ кровавые ручьи
На море зыбкое, и тучекъ вереницы
Поднялись въ глубь небесъ, какъ огненныя птицы,
И день имъ посылалъ послѣдніе лучи.

Проснулся колоколъ въ беззвучномъ отдаленьѣ
И слилъ съ рыданьемъ волнъ торжественное пѣнье.

Но вскорѣ отблескъ розъ на жемчугѣ волны
Сталъ быстро угасать. Кой-гдѣ огни мелькнули.
Проснулись небеса и берега заснули.
Лишь пѣнистый прибой рыдалъ средь тишины,
Да у меня въ душѣ молитвенно звучали
Аккорды нѣжные восторга и печали...

1886.

Напрасно надъ собой я дѣлаю усилья,
Чтобы съ души стряхнуть печали тяжкій гнетъ.
Нѣтъ, не проходятъ дни унынья и безсилья,
Приливъ отчаянья растетъ.

Безъ образовъ, какъ дымъ, плывутъ мои страданья,
Беззвучно, какъ туманъ, гнететъ меня тоска.
Не стало слезъ въ глазахъ, въ груди—негодованья.
Какъ смерть, печаль моя тяжка.

И самъ я не пойму, зачѣмъ, для чьей забавы
Ряжу ее теперь въ цвѣтной уборъ стиховъ.
Ужель страданьями гордиться я готовъ?
Ужель взамѣнъ я жажду славы?

Какъ радости людей, и скорби ихъ смѣшны.
Забвенья! Сумрака! Безлюдья! Тишины!..

1885.

Наставники мои! О Пушкинъ величавый,
Мятежный Лермонтовъ! Давно-ль васъ геній славы
Безсмертьемъ увѣнчалъ, а между тѣмъ вы мнѣ
Пѣвцами кажетесь счастливѣйшихъ столѣтій,
Простыми, страстными, безпечными, какъ дѣти.
Съ какой отрадою люблю наединѣ
Раскрыть истертый томъ—и вотъ, какъ съ вѣтокъ птицы,
Вдругъ рѳомы звонкія вспорхнутъ со всѣхъ стиховъ,
И потечетъ, блестя, ручей правдивыхъ словъ,
И чувства стройныя, какъ древнія царицы,
Нисходятъ къ зеркалу его прозрачныхъ водъ,
И образовъ толпа за ними вслѣдъ идетъ,
Готовясь ихъ облечь въ роскошныя одежды...
Какъ сказка, стихъ вашъ простъ, горячъ, какъ сердца
кровь.
Мудрецъ упьется имъ, его поймутъ невѣжды.
Пѣвцы прекраснаго, влюбленные въ любовь!
Вы даже демона, могучаго враждою,

Признанья кроткія заставили шептать,
Изгнанника небесъ сроднили вы съ толпою,
И стали дѣвушки о демонѣ мечтать!
О, нѣжныхъ чувствъ пѣвцы! съ какимъ волненьемъ
страннымъ
Я въ вашихъ пѣсняхъ пью отраву красоты,
И жалокъ я себѣ съ своимъ стихомъ туманнымъ,
И грустно мнѣ, что въ немъ такъ мало простоты...

Увы, мнѣ чуждъ языкъ поэзіи привольной,
Мой демонъ нѣжныхъ словъ не шепчетъ никогда.
Мой демонъ слезъ не льетъ, когда слезой невольной
Туманитъ мнѣ глаза любовь иль красота.
Его не ослѣпитъ Тамары взоръ горящій,
Алмазный снѣгъ вершинъ, пѣвучій валъ морей.
Мой демонъ шепчетъ мнѣ, что этотъ міръ блестящій
Похожъ на древній храмъ египетскихъ царей.
Порфиръ и хризолитъ... Сіяніе чертога...
Молящихся толпа... Жрецовъ поющихъ рядъ...
Но тамъ, въ святилищѣ, но тамъ, на мѣстѣ бога,
Стоитъ священный быкъ и спитъ священный гадъ...

Въ душѣ, въ людской душѣ, въ прекрасномъ храмѣ міра,
Нѣтъ больше божества—и даже нѣтъ кумира!..

1885.

ВЪ МИНУТУ СКОРБИ.

Полночь бьетъ... Заснуть пора...
Отчего-то страшно спать.
Съ другомъ что-ли до утра
Вслухъ теперь-бы помечтать.

Вспомнить счастье дѣтскихъ лѣтъ,
Дѣтства ясную печаль...
Ахъ, на свѣтѣ друга нѣтъ,
И что нѣтъ его,—не жаль!

Если души всѣхъ людей
Таковы, какъ и моя,
Не хочу имѣть друзей,
Не могу быть другомъ я...

Никого я не люблю,
Всѣ мнѣ чужды, чуждъ я всѣмъ,
Ни о комъ я не скорблю
И не радуюсь ни съ кѣмъ.

Есть слова... Я всѣ ихъ зналъ.
Отъ высокихъ словъ не разъ
Я скорбѣлъ и ликовалъ,
Даже слезы лилъ подчасъ.

Но усталъ я лепетать
Звучный лепетъ дѣтскихъ дней.
Полночь бьетъ... Мнѣ страшно спать,
А не спать еще страшнѣй...

1885.

По взморью бродилъ я—и морю внималъ.
О чемъ-то печально и важно
Волна вопрошала—и ей отвѣчалъ
Разсыпчатый берегъ протяжно.

Весь вечеръ ихъ рѣчи внималъ я одинъ,
Объятый тоской безпредѣльной.
Всплылъ мѣсяцъ—и глетчеры дальнихъ вершинъ
Зажглись красотою безцѣльной.

Раскрылся сводъ неба—прекраснъ и нѣмъ,
Подобно пустынному раю.
И волны въ тиши вопрошали: зачѣмъ?..
И берегъ шепталъ имъ: не знаю...

Батумъ, 1886.

Была пора вражды. Какъ нынѣ, міръ влачился
Въ развратѣ и цѣпяхъ, забывъ своихъ боговъ.
И блѣдный юноша возсталъ и ополчился
На цѣпи и развратъ. Изъ шума городовъ
Въ пустыню онъ бѣжалъ, къ рѣкѣ, съ тѣхъ поръ священной.
Но, ополчась на міръ, онъ избѣгалъ борьбы.
Казалося ему, что властелинъ надменный
Томится въ той-же тьмѣ, какъ и его рабы.
И онъ въ пустынѣ жилъ, предтеча правды новой.
Онъ зналъ, что есть оно—спасительное слово,
Но слова онъ не зналъ. Когда-жъ, привлечены
Молвой, къ нему рабы сходились издалека,
Онъ повторялъ имъ вслухъ свои мечты и сны
И вѣрой окрылялъ въ грядущаго пророка.
И жданный часъ насталъ. Вдали, передъ толпой,
Явился другъ людей, печальный и простой...

Въ пустынѣ я живу. Кругомъ звучатъ оковы.
Увижу-ль я тебя, о искупитель новый?...

1884.

ДУМА.

Отрады нѣтъ ни въ чемъ. Стрѣлою мчатся годы,
Толпою медленной мгновенія текутъ.
Какъ прежде, въ рай земной насъ больше не влекутъ
Ни солнце знанія, ни зарево свободы.

О, кто пойметъ болѣзнь, сразившую нашъ вѣкъ?
Та связь незримая, которой человѣкъ
Былъ связанъ съ вѣчностью и связанъ со вселенной,
Увы, порвалась вдругъ! Тотъ свѣточъ сокровенный,
Что глубоко въ душѣ мерцалъ на самомъ днѣ—
Какъ называть его: невѣдѣньемъ иль вѣрой?—
Померкъ, и мечемся мы всѣ, какъ въ тяжкомъ снѣ,
И стала жизнь обманчивой химерой.

Отрады нѣтъ ни въ чемъ—ни въ грезахъ дѣтскихъ лѣтъ,
Ни въ скорби призрачной, ни въ мимолетномъ счастьи.
Даетъ-ли юноша въ любви святой обѣтъ,
Не вѣрь: какъ зимній вихрь, безплодны наши страсти.

Кричитъ-ли гордо мужъ о жертвахъ и борьбѣ,
Не вѣрь—и знай, что онъ не вѣритъ самъ себѣ!
. . . . . .
. . . . . .
Бороться—для чего? Чтобъ труженикъ злосчастный
То терніямъ прошелъ къ вершинѣ нашихъ благъ,
И водрузилъ на ней печали нашей стягъ
Иль знамя ненависти страстной!..
Любить людей—за что? Любить слѣпцовъ, какъ я,
Случайныхъ узниковъ въ случайномъ этомъ мірѣ,
Попутчиковъ за цѣпью бытія,
Соперниковъ на ненавистномъ пирѣ...
И стоитъ-ли любить, и можно-ли скорбѣть,
Когда любовь и скорбь и все—лишь сонъ безцѣльный?
О, страсти низкія! Сомнѣній ядъ смертельный!
Вопросы горькіе! Противорѣчій сѣть!

Хаосъ вокругъ меня! Надъ бездною глубокой
Послѣдній гаснетъ лучъ, плыветъ, густѣетъ мракъ...
Нѣтъ, не потокъ любви или добра изсякъ,—
Изсякли родники, питавшіе потоки!
Добро и зло слились. Опять хаосъ царитъ,
Но божій духъ надъ нимъ, какъ прежде, не паритъ...

1885.

Кто-бъ ни былъ ты, чей взоръ съ участьемъ
На грустные стихи мои падетъ,
Кто обо мнѣ слезу тайкомъ прольетъ,—
Знай: не усталостью, не злобой иль несчастьемъ
Моя печаль зарождена.

Еще кипучихъ силъ душа моя полна.
Но Совѣсть блѣдная, какъ строгая Сивила,
Въ нее, какъ въ темный храмъ, торжественно вошла,
И яркій факелъ въ ней зажгла
И чувства всѣ мои, и мысли освѣтила...
Съ тѣхъ поръ не властны надо мной
Случайныхъ словъ и дѣлъ обманчивыя чары,
Съ тѣхъ поръ меня гнетутъ тяжелые кошмары,
И нѣтъ забвенья мнѣ средь суеты земной.
И я взываю къ вамъ, небесныя пустыни,
Къ тебѣ, земля—моихъ страданій колыбель:
Откройте сердцу жизни цѣль,
И, если гдѣ-нибудь мерцаетъ лучъ святыни,—

О, дайте этотъ лучь увидѣть мнѣ хоть разъ!
Я сохраню его! Какъ въ золото алмазъ,
Я въ гимны свѣтлые его съ восторгомъ вправлю
И людямъ подарю, и души ихъ избавлю
Отъ ужаса предъ бездной бытія,
Которымъ всѣ они истомлены, какъ я.

1885.

ДРУГУ.

Не утѣшай меня въ моей святой печали.
Зари былыхъ надеждъ она—послѣдній лучъ,
Послѣдній звукъ молитвъ, что въ юности звучали,
Завѣтныхъ слезъ послѣдній ключъ.

Какъ блѣдная луна румяный день смѣняетъ
И на уснувшій міръ струитъ холодный свѣтъ,
Такъ страстная печаль свой мертвый лучъ роняетъ
Въ ту грудь, гдѣ солнца вѣры нѣтъ.

А солнца вѣры нѣтъ... Безсильная тревога
Проснулася въ сердцахъ, какъ въ пропасти змѣя.
Мы потеряли все: безсмертіе и бога
И цѣль, и разумъ бытія.

Кумиры прошлаго развѣнчаны безъ страха,
Грядущее темно, какъ море предъ грозой,
И родъ людей стоитъ межъ гробомъ, полнымъ праха,
И колыбелію пустой.

И если-бъ въ наши дни поэтъ не ждалъ святыни,
Не изнывалъ по ней, не замиралъ отъ мукъ,—
Тогда послѣдній лучъ погасъ-бы надъ пустыней,
Послѣдній замеръ-бы въ ней звукъ!..

1885.

МОЛИТВА.

Усталъ горѣть янтарными огнями
И спитъ ручей, дыханье затаивъ.
Надъ нимъ сплелись душистыми вѣтвями
И также спятъ вершины грустныхъ ивъ.
Какъ лепестокъ цвѣтка по влагѣ сонной,
Скользитъ луна по синевѣ бездонной.
Сосновый боръ темнѣетъ и ростетъ,
И Ночь сошла—и Ночь меня зоветъ...

Зоветъ—и я иду въ просторъ полей росистыхъ,
На встрѣчу сумраку, въ объятья тишины.
О, быстрый взглядъ зарницъ! О, трепетъ звѣздъ лучистыхъ!
О, кроткое лицо рожденной вновь луны!
Какъ робкій пилигримъ вступаетъ въ храмъ обширный,
Я плачущей душой стремлюсь въ чертогъ вашъ мирный.
И страстно васъ молю, какъ скорбный братъ и другъ:
— Примите всѣ меня въ торжественный свой кругъ!

— О, дайте вѣрить мнѣ, что бурное мгновенье
Моихъ земныхъ страстей безцѣльно не совсѣмъ;
Что совѣсти моей безплодное томленье,
Что скорбь моей души и вамъ не чужды всѣмъ;
Что къ жизни призванъ я семьею звѣздъ великой,
Какъ толкователь сновъ—забывчивымъ владыкой;
Что долженъ въ мигъ одинъ я разгадать тотъ сонъ,
Который снится вамъ съ рожденія временъ.

— О, дайте вѣрить мнѣ, что если срокъ настанетъ,
И мысли гордый лучъ погаснетъ на землѣ,
Вновь гдѣ-нибудь средь васъ изъ праха смертный встанетъ,
И свѣточъ разума опять зажжетъ во мглѣ;
Что нашихъ слезъ ручьи должны опять пролиться;
Что будутъ гдѣ-нибудь опять богамъ молиться,
Иль, вѣру потерявъ, какъ я, въ полночный часъ
Искать сочувствія, о сонмы звѣздъ, у васъ.

— Еще я васъ молю: пролейте, о созвѣздья,
Мнѣ въ душу кроткій лучъ сіянья своего,
Чтобъ могъ бѣжать я зла, хоть нѣтъ за зло возмездья,
Чтобъ могъ творить добро, не зная, для чего;
Чтобъ я свой путь земной, какъ вы—свой путь эонный,
Безъ думы о концѣ свершилъ, трудяся мирно;
Чтобъ взоръ моихъ очей всю жизнь горѣлъ свѣтло;
Чтобъ было ихъ сомкнуть не слишкомъ тяжело...

Темнѣетъ ночь. Великой тишиною,
Вкушая сонъ, объятъ просторъ полей.
Потоки звѣздъ струятся надо мною,

Потоки слезъ текутъ въ душѣ моей.
Зарница-ль тамъ на небѣ заблистала?
Моя-ли грусть зарницей свѣтлой стала?
Безмолвный міръ и духъ мой обнялись
И въ пламенномъ лобзаніи слились...

1885.

ПѢСНЯ.

Черезъ пучину житейской невзгоды
Въ гавань, гдѣ плещутся тихія воды,
Съ пѣсней плыву я сквозь бурю и мракъ.
Не устрашаютъ меня испытанья.
Вѣтромъ попутнымъ мнѣ служатъ страданья,
Совѣсть—мой кормчій, и правда—маякъ.

Въ гавани дальней есть храмъ сокровенный.
Слышу изъ храма я голосъ священный,—
Не заглушитъ его ропотъ валовъ.
Знаю: съ тѣхъ поръ, какъ хаосъ миновался,
Онъ надъ землею всегда раздавался.
Голосъ священный! Я слышу твой зовъ!

Люди на встрѣчу во мракѣ мелькаютъ,
Стонутъ и тонутъ, кричатъ и смолкаютъ...
Нѣтъ, не случайно мы въ свѣтъ родились!
Гдѣ-то земные, нестройные крики
Въ гимнъ ликованья сольются великій.
Здѣсь, въ моемъ сердцѣ, они ужъ слились!

1886.

III

ПОЭМЫ.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

(С. А. Венгерову).

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Румянцемъ чахоточнымъ слабо горя,
Вечерняя медленно гаснетъ заря,
Болѣзненно гаснетъ — и не угасаетъ...
На западѣ отблескъ еще не исчезъ,
И бѣлая ночь среди блѣдныхъ небесъ
Больную зарю обнимаетъ.

Съ той ночью не свыкшись съ младенческихъ лѣтъ,
Заснуть не легко въ часъ урочный.

На землю струится безжизненный свѣтъ,
Всѣ краски подернуты дымкой молочной.
Свѣтло. Не бросаютъ предметы тѣней.
Нѣтъ блеска въ цвѣтахъ. Всѣ слились переливы.
Лучи не мерцаютъ игрой прихотливой,
И ближе все кажется, больше, бѣлѣй...

Свѣтло, будто днемъ, и знакомой картины
Кругомъ различаются ясно черты:
Цвѣтущія, въ бѣлыхъ букетахъ, рябины,
Березы растрепанной кудри-листы,
Веселый нарядъ разодѣтой сирени,
Акаціи женственной желтый цвѣтокъ,
Высокія сосны и низкій дубокъ,
И тополь случайный, а тамъ, въ отдаленьи,
Туманъ или пыль на безплодныхъ лугахъ.
Все то-же, какъ днемъ, только въ прежнихъ чертахъ
Иное сквозитъ выраженье. Природа
Знакомымъ покойникомъ кажется мнѣ...

Щемящая боль и тупая невзгода
Незримо разлиты въ больной тишинѣ
И въ бѣломъ мерцаніи сѣверной ночи.
Уставивъ на землю открытыя очи,
Со скорбью, застывшей на блѣдныхъ устахъ,
Таинственно молча, съ лицомъ помертвѣлымъ,
Широко закутана саваномъ бѣлымъ,
Безстрастно лежитъ эта ночь въ небесахъ,
Какъ будто въ гробу...
Эти ночи пугаютъ
Всѣхъ жизнью довольныхъ. Они убѣгаютъ
Въ тѣ страны, гдѣ тѣни къ лобзаньямъ манятъ,
Гдѣ страстью и нѣгою звѣзды горятъ.

Но я полюбилъ тебя, мнѣ ты — подруга,
О, сѣвера ночь! Мнѣ отрадно встрѣчать
Твой призрачный взоръ: въ немъ я вижу печать,

Въ немъ повѣсть читаю иного недуга,
Страданій иныхъ...
Этотъ свѣтъ безъ свѣтилъ,
Безъ звѣздъ небеса, тяжкій сонъ безъ видѣній,
Объятья безъ ласкъ и печаль безъ волненій,
Безъ тайнъ красота, жизнь безъ жизненныхъ силъ
И смерть безъ боязни — увы! мнѣ знакомы
Черты этой вялой, безсильной истомы...

Бѣжитъ отъ усталыхъ очей моихъ сонъ,
Въ усталую душу тревога стучится,
И скорби родникъ снова въ сердцѣ сочится,
Завѣтной струны снова слышится звонъ.
Давно она тайно звенитъ. Ея звуки
Въ душѣ безъ исхода тѣснятся давно.
Пора! Хоть въ словахъ изолью свои муки,
Коль въ дѣло мнѣ ихъ воплотить не дано!
И, можетъ быть, стройное пѣсенъ теченье
Великую скорбь усыпитъ на мгновенье...

Въ тѣхъ пѣсняхъ скорблю не о горѣ большомъ,—
О горѣ сермяжномъ земли неоглядной:—
Страданій народныхъ, какъ моря ковшомъ,
Нельзя исчерпать нашей пѣсней парядной.
. . . . . .
О тѣхъ я скорблю, чью любовь осмѣяли,
Кто злобы не могъ въ своемъ сердцѣ найти,
Кто, полонъ сомнѣній и полонъ печали,
Стоитъ на распутьи, не зная пути.
Пою и скорблю о больномъ поколѣньи,

Чьи думы умомъ я согласнымъ ловилъ,
Чье сердцемъ подслушивалъ сердцебіенье,
Кому я и пѣсни, и жизнь посвятилъ...

Къ тѣмъ пѣснямъ не муза меня вдохновляла:
Что̀ сердце терзало, рука написала.
То — пѣсни, что долго въ душевной тѣни
Таилъ я, покуда таить было мочи;
То — пѣсни, зачатыя въ черные дни,
Рожденныя въ бѣлыя ночи...

НОЧЬ ВТОРАЯ.

Какъ гробницы свинцовыя въ склепѣ фамильномъ,
Вспоминанья таятся во мракѣ души.
Въ нихъ останки былого покоемъ могильнымъ
Цѣпенѣютъ — и спятъ въ непробудной тиши.
Лишь въ безсонную ночь — ночь борьбы и разлада—
Сходитъ память-волшебница въ душу порой
И стучитъ по гробницамъ костлявой рукой,
Какъ поетъ дней старинныхъ баллада.
Разверзаются гробы, видѣнья встаютъ...
Позабытые образы, чувства и лица,
Торопясь, покидаютъ свой тѣсный пріютъ
И кружатся въ душѣ, какъ тѣней вереница.
А съ зарею они исчезаютъ, спѣша,
И опять, какъ кладбище, пустынна душа...

И когда предо мною въ мечтахъ промелькаютъ
Эти пестрыя сонмища лицъ и картинъ,
Среди образовъ свѣтлыхъ, что взоръ мой ласкаютъ,
Всѣхъ свѣтлѣе сіяетъ одинъ.
Это—ты, бѣдный другъ, лучшей доли достойный...
Какъ живой, ты отлился въ душѣ у меня:
Озабоченный видъ, взглядъ всегда безпокойный,
Разговоръ неискусный, но полный огня...
Ни глубокимъ умомъ, ни талантомъ счастливымъ
Средь плѣненныхъ тобою друзей ты не слылъ.

Чѣмъ-то вѣяло дѣтскимъ и строго стыдливымъ
Отъ черты твоей всякой: ты—искрененъ былъ.
Ты страдалъ, какъ и всѣ мы, болѣзнью одною,
Но сильнѣе и глубже страдалъ. То, что насъ
Мимолетною болью задѣло-бъ на часъ,
То тебя заливало могучей волною.

Кто тоскою по правдѣ изъ насъ не болѣлъ?
Кто спасти родъ людской не пытался украдкой?
Всякій думалъ надъ жизни тяжелой загадкой,
А когда разгадать не умѣлъ,
Примирялся съ непонятой жизнью невольно,
Хотя было и стыдно, и больно.
Но невѣдомы сдѣлки для честной души.
Ты умомъ не лукавилъ и сердцемъ не гнулся,
И въ тотъ мигъ, какъ ты съ жизненнымъ сфинксомъ
столкнулся,
Жребій брошенъ былъ твой: иль умри, иль рѣши...
И ты умеръ, товарищъ, любя человѣка,
Палъ незлобивой жертвою злобнаго вѣка.

Помню: вечеръ осенній стоялъ за окномъ.
Въ тѣсной комнаткѣ свѣчи горѣли.
Молчаливо товарищи жались кругомъ
И на трупъ твой, съ зіяющей раной, глядѣли.
Всѣ казались спокойны; по блѣднымъ щекамъ
Не катился слезы, хоть горло давили.
Невеселыя думы по лицамъ бродили,
И предсмертныя строки твои по рукамъ,
Словно чаша на тризнѣ, ходили.

Ты писалъ:

«Я не знаю, гдѣ правда и свѣтъ,
Я не знаю, какому молиться мнѣ богу....
Я, какъ въ сказкѣ царевичъ, блуждалъ съ юныхъ лѣтъ,
Въ край завѣтный искалъ я дорогу—
И къ распутью пришелъ наконецъ... Впереди
Съ тайной надписью камень стоялъ одинокій—
И прочелъ я на немъ приговоръ свой жестокій.
Я прочелъ: «Здѣсь лежатъ предъ тобой три пути,
Здѣсь раскрыты три къ жизни ведущія двери.
Выбирай, что̀ твоимъ отвѣчаетъ мечтамъ:
Пойдешь вправо,—жди совѣсти тяжкой потери,
Пойдешь прямо—съѣдятъ тебя лютые звѣри,
А налѣво пойдешь—станешь звѣремъ ты самъ»...

— И заснуть о друзья, предпочелъ я въ преддверьи»...

НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

Въ шумный досугъ, за работой нѣмою,
Въ тихую ночь и въ рокочущій день—
Вѣчно мелькаетъ, паритъ предо мною
Чья-то воздушная тѣнь.

Кто она? Чья она? Добрая, блѣдная,
Съ ласковой скорбью на тонкихъ устахъ,
Свѣтитъ—лучится любовь всепобѣдная
Въ дѣвственно-скромныхъ глазахъ.

Всѣ мои думы, глубоко хранимыя,
Всякій порывъ сокровенныхъ страстей,
Тайны молитвъ моихъ, пѣсни любимыя—
Все это вѣдомо ей.

Вѣчно мнѣ въ сердце глядитъ она, нѣжная...
Если покой въ этомъ сердцѣ царитъ,
Кроткій покой и любовь безмятежная—
Взоръ ея счастьемъ горитъ.

Если же сердце враждой зажигается,
Если мой стихъ превращается въ мечъ,
Плача, она надо мной наклоняется,
Шепчетъ мнѣ кроткую рѣчь...

Кто ты? Уйди, о, подруга воздушная!
Въ грозный нашъ вѣкъ развѣ кротость нужна?
Видишь: враговъ безпощадно-бездушная
Насъ обступила стѣна.

Полно шептать мнѣ слова безполезныя!
Намъ безъ вражды невозможно любить,
Какъ невозможно оковы желѣзныя
Кроткой слезою разбить.

Дай ненавидѣть мнѣ! Въ битвѣ пылающей
Муки дай сѣять и муки принять!...
—Что-же ты снова глядишь умоляюще,
Что-же ты плачешь опять?...

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Льется, льется дождикъ медленно и ровно,
Тягостный, какъ голосъ совѣсти виновной,
Долгій, какъ изгнанье, мощный, какъ судьба,
Терпѣливый, будто старая раба.

И какъ дождикъ въ окна, крылья скорби черной
Въ сердце ударяютъ тихо и упорно.
Ноетъ сердце, ноетъ—тяжело вздохнуть,
Камнемъ тяжкимъ слезы падаютъ на грудь.

Я дремлю тревожно. Въ памяти сонливой
Праздные вопросы тянутся лѣниво.
Хочется припомнить, много-ль дней прошло,
Какъ все плачетъ небо? Вспомнить тяжело...

Нѣтъ, не дни, не сутки—дождикъ безконечный
Льется ужъ вѣками, будетъ литься вѣчно.
Какъ проклятье свыше, какъ зловѣщій сонъ,
Надъ страной родимой тяготѣетъ онъ.

Льется, льется дождикъ, будто по-неволѣ...
Истомилось сердце... Силъ страдать нѣтъ болѣ...
Струны напряглися, струны порвались,
И въ одно желанье силы всѣ слились:

Почернѣй, о небо! Заклубитесь, тучи!
По небу помчитесь вы грядой могучей.
Громомъ разбудите вѣковѣчный сонъ,
Молніей зажгите черный небосклонъ...

Пусть грохочетъ буря, пусть гроза бушуетъ!
Сердце встрепенется, сердце заликуетъ.
Громъ я встрѣчу пѣсней, радостной, какъ громъ,
Въ ураганъ взовьется мысль моя орломъ...

Пусть стволы деревьевъ ураганъ ломаетъ,
Пусть весь лѣсъ отъ молній ярко запылаетъ.
Жизни! Жизни! Жизни! Истомилась грудь,
Разъ хоть полной грудью хочется вздохнуть!

Знаю: громъ ударитъ и въ мое жилище,
Можетъ быть, я первый стану грома пищей...
Лишь могло-бы только дерево ожить,—
Объ упавшихъ листьяхъ нечего тужить!..

НОЧЬ ПЯТАЯ.

Прочелъ я свой безумно-изступленный
Вчерашній бредъ—и ужасъ, точно льдомъ,
Сковалъ мнѣ грудь—лицо горитъ стыдомъ,
И горькій смѣхъ звучитъ въ душѣ смущенной.

«Ты-ль о грозѣ взываешь роковой,
Ты, кротости родникъ неистощимый?
Грянь первый громъ изъ тучи грозовой,
Кто первый бы взмолился: мимо! мимо!
И разразись нещадная гроза,
Чьи непрестанно плакали-бъ глаза,
Кто-бъ горевалъ возвышенно-умильно
Надъ каждымъ чуть придавленнымъ цвѣткомъ,
Надъ каждымъ чуть затронутымъ гнѣздомъ?
Дитя душой, жрецъ кротости безсильной...
. . . . . .
— Жрецъ кротости! дитя!.. Да, я—таковъ,
Но были дни,—и этимъ я гордился;
Сонъ золотой тѣхъ золотыхъ годовъ
Еще въ душѣ моей не испарился.
Давно-ль, давно-ль... О, грезы дѣтскихъ дней,
Зачѣмъ вы вдругъ такъ ярко засверкали?
Печальна повѣсть юности моей.
Заботы колыбель мою качали.

Раздоръ въ семьѣ, сиротство съ юныхъ лѣтъ
Лишили рано умъ безпечности свободной.
Я жизнь влачилъ въ толпѣ униженно-холодной,
И непривѣтенъ край, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ.
Я выросъ въ ужасахъ годины безотрадной,
Я видѣлъ, какъ народъ, сраженный, ницъ упалъ,
Какъ храмы Божіи ломались безпощадно,
Какъ побѣдитель ихъ въ казармы превращалъ.
Изъ дѣтскихъ лѣтъ я помню образъ дикій:
Билъ барабанъ... Съ телѣгъ носились крики
И стоны раненыхъ. Струилась кровь съ колесъ,
И эту кровь лизалъ голодный песъ...

Но ужасы, раздоръ и униженья
Враждой довременной мнѣ сердца не зажгли.
Восторги чистые любви и вдохновенья
Въ младенческую грудь, Богъ вѣсть, какъ забрели.
Знать, въ воздухѣ тогда, какъ сѣмена, незримо
Мечты высокія носилися. Дитя,
Я чутокъ былъ душой—и свѣжая струя
Надъ сердцемъ дѣвственнымъ не пронеслася мимо...

О, будь благословенъ тотъ день, какъ въ первый разъ
Я обнялъ всѣхъ людей любовью необъятной,
И сладко сжалась грудь тоскою непонятной,
И первая слеза упала съ дѣтскихъ глазъ!..

— Дитя душой!.. Жрецъ кротости безсильной!..
Да, кротостью въ тѣ дни любовь моя была.
Богиней ласковой и страждущей обильно,

Учащею добру, не помнящею зла,
Любовь являлась мнѣ—и, полныя печали,
О всепрощеніи слова ея звучали.
Отъ жизненныхъ заботъ и жизни суеты
Моихъ очей она не отводила...
О, нѣтъ! Не разъ она съ собой меня водила
Въ жилища грязныя труда и нищеты—
И почитать велѣла ихъ, какъ храмы.
И поднималася потомъ она со мной
Въ жилища роскоши и праздности людской,
И съ яркой мишуры позолоченой рамы
Срывая блещущій обманчивый покровъ,
Картину тайныхъ мукъ моимъ очамъ чертила,
И нищихъ-богачей, какъ нищихъ-бѣдняковъ,
Любовью равною любить меня учила.
Учила, ставъ со мной среди толпы вдоемъ
Передъ голгоѳами, излюбленными вѣкомъ,
Скорбѣть надъ жертвою, скорбѣть надъ палачомъ—
Надъ губящимъ и надъ погибшимъ человѣкомъ.
Она ввела меня въ священный храмъ вѣковъ,
Но съ ветхихъ стѣнъ его заботливо стирала
Лозунги ветхіе, и вмѣсто прежнихъ словъ
Лишь слово «человѣкъ» лучисто начертала...

За этотъ дивный сонъ, о молодость моя,
Не помню я твоихъ печалей и страданій.
Какъ утренній востокъ, въ безоблачномъ сіяньи,
Стоишь ты предо мной, сверкая и маня.
И словно сгнившій стволъ вершиною зеленой,
Какъ черный прахъ земли небесной синевой,

Какъ мрачная скала нетающей короной—
Такъ жизнь печальная увѣнчана тобой.
На небесахъ твоихъ горятъ воспоминанья,
Какъ звѣзды яркія—чѣмъ дальше, тѣмъ свѣтлѣй,
И кротко смотрятъ внизъ, и въ ночь души моей
Струится чистый свѣтъ ихъ дальняго мерцанья...

Да, ночь—теперь въ душѣ, и ночь стоитъ вокругъ,
И воздухъ напоенъ отравой злобы дикой...
Что̀ сталося со мной! Какъ могъ забыть я вдругъ
Уроки кроткіе наставницы великой!
Зачѣмъ Любовь теперь является ко мнѣ
Сурово-страстная, съ кровавыми руками
И, задыхаяся въ горячечномъ огнѣ,
Все бредитъ битвами, и местью, и бойцами?
О, какъ душа скорбитъ! Какъ сталъ я одинокъ!
Я-ль это!.. Я—грозы, я—жаждалъ разрушенья!..
Стыдомъ горитъ лицо, въ груди горитъ упрекъ,
Меня преслѣдуютъ зловѣщія видѣнья...
Мнѣ снится мрачный духъ—я самъ къ нему взывалъ
Духъ мести и грозы. Чрезъ весь мой край родимый
Промчится бурно онъ, какъ разъяренный шквалъ—
И вскрикнетъ родина отъ боли нестерпимой...
Онъ, какъ пожаръ, пройдетъ... Сперва сердца людей,
Потомъ испепелитъ людскія онъ жилища...
Онъ когти обострить у дремлющихъ страстей...
На мѣстѣ городовъ воздвигнетъ онъ кладбища...
И тамъ, въ тиши полей, въ безмолвіи лѣсовъ,
Гдѣ нынѣ труженикъ покорно и безъ словъ
Гнетъ выю крѣпкую подъ иго вѣковое,—

Тамъ пламя злобы онъ раздуетъ роковое,
И вившуюся сталь заржавленныхъ цѣпей
Изъ тѣла узника онъ вырветъ съ тѣломъ вмѣстѣ,
И жертвы кроткія отравой сладкой мести
Злорадно превратитъ онъ въ грозныхъ палачей...
А кровь невинная... А мрачная свобода,
Что кровью добыта... А грознаго народа
Горячей крови разъ вкусившіе мечи...

Скорбитъ душа моя... Исхода, о, исхода!
Учитель, гдѣ ты, гдѣ? Приди и научи!

Не мимолетна скорбь, сомнѣнья не случайны,
Что давятъ грудь мою. Ихъ грозовая тѣнь
Легла на всѣ сердца, сгущаясь каждый день.
И съ каждымъ днемъ въ душѣ все громче голосъ тайный
Рыдаетъ и зоветъ: «Возстань, очнись, поэтъ!
Забудь сомнѣнія! Въ безмолвіи суровомъ
Въ сердцахъ скопляется гроза—источникъ бѣдъ...
Возстань, гони ее Любви могучимъ словомъ,
Зови: да будетъ миръ! Зови: да будетъ свѣтъ!
И тихій возгласъ твой, другими повторенный,
Быть можетъ, прозвучитъ побѣдною трубой,
Какъ слабый звукъ средь скалъ, встревоживъ камень сонный,
Обвала грохотомъ разносится порой...»

1879 г.

ПѢСНИ О РОДИНѢ.

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

I.

Не ждалъ меня корабль на лонѣ синихъ водъ,
Не плакалъ горько пажъ любимый,
И вѣрный песъ не вылъ предъ замкомъ, у воротъ,
Когда «прости» странѣ родимой
Печально я шепталъ.—Висѣло надъ землей
Тумановъ сѣрыхъ покрывало.
То было вешнимъ днемъ, и съ неба дождикъ злой
Чуть моросилъ бездушно-вяло.
Я засмѣялся вслухъ, припомнивъ, что весной
Зовемъ мы этотъ адъ суровый.
Весна, весна!... Увы, въ моей странѣ родной
Звучитъ пасмѣшкой это слово.
Весна!.. Но нѣтъ весны въ отчизнѣ у меня—
Ни у людей, ни у природы.
И, глядя на тоску рыдающаго дня,
Невольно дѣтства вспомнишь годы...

II.

Я у окна стоялъ... Кругомъ сгущалась тьма
И подъ покровомъ тьмы кромешной,
Какъ люди, мрачные, тянулися дома,
Какъ тѣни, люди шли поспѣшно.
Я думалъ: вотъ прошло пять лѣтъ, пять лучшихъ лѣтъ,
Въ пылу надеждъ, въ чаду сомнѣній.
Но гдѣ священный прахъ, гдѣ въ сердцѣ тайный слѣдъ
Отъ тѣхъ восторговъ и томленій?
Съ отчизной отчего проститься мнѣ не жаль,
И отчего поля чужбины,
Какъ прежде, не влекутъ въ таинственную даль?
Увы, дрожащій листъ осины
Сильнѣе прикрѣпленъ къ родной землѣ, чѣмъ я;
Я—листъ, оторванный грозою.
И я-ль одинъ?... Васъ всѣхъ, товарищи-друзья,
Сорвало бурею одною.
Кто скажетъ: почему? Мы-ль не громили ложь,
Мы-ль жертвъ не жаждали?... Нѣтъ края,
Такого въ мірѣ нѣтъ угла, гдѣ-бъ молодежь,
Всѣ блага жизни презирая,
Такъ честно, какъ у насъ, такъ рано обрекла
Себя служенью правдѣ строгой.
Жизнь чуть ли не дѣтьми насъ прямо повела
Тернистой подвиговъ дорогой.
Намъ сжалъ впервые грудь не женскихъ ласкъ восторгъ,
Не сладкій трепетъ страсти новой,

И первую слезу изъ дѣтскихъ глазъ исторгъ
Не взглядъ красавицы суровой.
Надъ скорбной родиной скорбѣвшія уста
Шептали первыя признанья;
Надъ прахомъ дорогимъ товарища-бойца
Звучали первыя рыданья.
Взамѣнъ безпечныхъ словъ бесѣды молодой
Мы совѣсть раскрывали нашу;
Взамѣнъ хмѣльной струи изъ чаши круговой
Мы испытаній пили чашу.
И что же? Гдѣ плоды всѣхъ подвиговъ? Кого
Нашъ пламень грѣлъ, кому онъ свѣтитъ?
Нѣтъ насъ честнѣй и нѣтъ злосчастнѣй никого...
Но почему?... О, кто отвѣтитъ!?..

III.

Напрасно надъ тобой, родимая страна,
Промчался правды свѣтлый геній.
Напрасно сѣялъ онъ живыя сѣмена
Высокихъ думъ, святыхъ стремленій.
Напрасно онъ сердца дремавшія будилъ,
Росой надежды окропляя.
Напрасно молодость на зло онъ ополчилъ
И въ битву велъ, благословляя.
Во слѣдъ за геніемъ желаннымъ надъ тобой
Другой промчался мрачный геній.
Какъ вихорь, посланный завистливой судьбой,
Онъ все губилъ въ своемъ стремленьи;

И тамъ, гдѣ падали живыя сѣмена,
Кропилъ онъ мертвою водою;
И тамъ, гдѣ молодость цвѣла, надеждъ полна,
Чертилъ онъ гробъ своей клокою;
И тамъ, гдѣ слышалась благословенья рѣчь,
Шепталъ проклятья онъ сурово,
Чтобъ кровь безцѣльная багрила братскій мечъ,
Чтобы безплодно было слово...
Сбылись проклятія!... Порывы и мечты
Изъѣла ржавчина безсилья;
Тоскливо жаждетъ грудь добра и красоты;
Не поднимая, бьются крылья...

IV.

О, въ этотъ грустный часъ, когда прощальный взглядъ
На край родимый я бросаю,
Когда и словъ, и дѣлъ, и лицъ нестройный рядъ
Тревожной мыслью воскрешаю,—
Какая скорбь и желчь мнѣ заливаютъ грудь!...
Какъ страшно вдругъ обнять мечтою,
Что видѣлъ я въ пять лѣтъ и что, сбираясь въ путь,
Я покидаю за собою. . . . . .
. . . . . .
Дѣтей толпу,—больныхъ, озлобленныхъ дѣтей,
Или мятущихся безцѣльно,
Иль тихо гибнущихъ безъ воли и страстей,
Съ тоскою въ сердцѣ безпредѣльной.
И старцевъ робкій сонмъ... Запуганы давно,
Безъ добродѣтелей, безъ вѣры,

Собою лишь живя, они всѣмъ льстятъ равно,
Гражданской немощи примѣры.
А тамъ, вдали—его, титана, что къ землѣ
Прикованъ мстительной судьбою
И, вмѣсто коршуновъ, снѣдаемъ въ сонной мглѣ
Невѣжествомъ и нищетою.
Кто знаетъ, можетъ-быть уже давно титанъ
Забылъ свое происхожденье,
И жалобы забылъ и, ослабѣвъ отъ ранъ,
Дряхлѣетъ молча въ заточеньи...
Но нѣтъ, о скорбное перо, остановись,
И сердце, въ грусти безъисходной,
Предъ тайной высшею смиренно преклонись,
Когда безсиленъ умъ холодный . . .
. . . . . .

V.

Прощай, прощай, страна невыплаканныхъ слезъ,
Страна порывовъ неоглядныхъ,
Силъ неразбуженныхъ, неисполнимыхъ грезъ,
Страна загадокъ неразгадныхъ:
Страна безмолвія и шумной болтовни,
Страна испуга и задора,
Страна терпѣнія и дѣтской хлопотни,
Страна неволи и простора;
Страна больныхъ дѣтей, безпечныхъ стариковъ,
Веселья, мрачнаго, какъ тризна,
Непужныхъ слезъ и жертвъ . . . . . .
Прощай, о сфинксъ! Прощай, отчизна!...

ПѢСНЯ ВТОРАЯ.

I.

На Рейнѣ.

Холмы за холмами тѣснятся кругомъ;
Въ туманахъ синѣютъ вершины;
Вдали, за рѣкой, на утесѣ крутомъ,
Сверкаютъ на солнцѣ руины.
Сверкая, извилистый Рейнъ предо мной,
Какъ озеро, тихо струится
И въ берегъ отзывчивый мутной волной
Съ задумчивой лѣнью стучится.
И долго надъ Рейномъ сѣдымъ я сижу
Въ объятіяхъ сладкой истомы.
Вдругъ образъ мелькнулъ... Я невольно дрожу,—
Мнѣ слышится голосъ знакомый.
Не берегъ то шепчется съ сонной рѣкой,
Не вѣтеръ кустами играетъ:
То совѣсти голосъ—и жгучей тоской
Объята, душа замираетъ...

«Быстро рѣка многоводная
Въ краѣ полночномъ течетъ,
Волны лазурно-холодныя
Въ море чужое несетъ.

. . . . . .

«Скованъ языкъ негодующій,
Скованы крылья мечты...
Что-же, о странникъ тоскующій,
Тамъ не томишься и ты?...»

Въ туманы закутавшись, дремлютъ холмы.
Играетъ свѣтъ мѣсяца съ тучкою бѣлой.
Въ сосновую рощу, въ объятія тьмы,
Вхожу я стопою несмѣлой.
Высокія сосны безмолвно грустятъ,
О чемъ?—можетъ, мѣсяцъ провѣдалъ украдкой.
Какія-то тѣни кругомъ шелестятъ.
И тихо, и жутко, и сладко...
Иду—замираютъ шаги. Впереди—
Чу!—шорохъ привѣтный: лепечутъ березы.
Иду и молчу. Накипаютъ въ груди
Счастливыя, дѣтскія слезы.
Но голосъ раздался—исчезли мечты...
Не вѣтеръ играетъ съ вершиной высокой:
То совѣсть, грозя изъ ночной темноты,
Мнѣ жгучіе шепчетъ упреки:

«. . . . . .
«Дни, словно тучи безцвѣтныя,
Тянутся въ снѣжной глуши...
Гдѣ вы, мечтанья привѣтныя,
Гдѣ вы, друзья беззавѣтные,
Гдѣ вы, о силы души?—

«Стынутъ мечты животворныя,
Дремлетъ душа... А друзья?—
Спятъ по гробамъ непокорные;
А малодушно-притворные
Рейнъ воспѣваютъ, грустя...»

II.

Страшный день сегодня.... Тамъ, въ душѣ смущенной,
Раздаются звуки пѣсни похоронной.
Кто-то безпощадный приговоръ читаетъ...
Кто-то плачетъ тихо... Кто-то умираетъ...

Самъ ли виноватъ я, рокъ ли такъ сложился,
Но клянусь, что къ правдѣ я всю жизнь стремился.
Что-жъ брожу безъ цѣли, какъ старикъ отжившій?...
О, прости, товарищъ—ты, свой долгъ свершившій!

Страшный день сегодня... Тамъ, въ душѣ смущенной,
Раздаются звуки пѣсни похоронной.
Знаю: это совѣсть приговоръ читаетъ...
Это юность плачетъ, счастье умираетъ...

ПѢСНЯ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ Римѣ.

(Монологъ).

Я цѣлый день бродилъ среди руинъ,
Читалъ вѣковъ истертыя страницы,
Смотрѣлъ въ глаза слѣпой, безмолвной Смерти
И въ нихъ искалъ разгадку прошлой жизни.
И всякій разъ, какъ легкій вѣтерокъ
Усталаго лица касался нѣжно,
Казалось мнѣ, что слышу я дыханье
Исторіи, подкравшейся незримо.
Я съ камнями бесѣдовалъ. Клянусь,
Что ни одинъ арабъ подвижно-пылкій
И ни одна медлительная няня
Не вѣдаютъ такъ много сказокъ страшныхъ.

Взволнованный, усталый, подошелъ
Я подъ-вечеръ къ руинамъ Колизея,
Въ лучахъ зари привѣтно трепетавшимъ.
Въ его стѣнахъ, въ забытомъ переходѣ,
Я легъ въ траву и, головой склонившись
На капитель поверженной колонны,
О видѣнномъ задумался глубоко.

И чуткій сонъ ко мнѣ подкрался тихо,—
Тотъ чуткій сонъ, когда душа порхаетъ
Межъ двухъ міровъ, однимъ крыломъ объемля
Міръ смутныхъ грезъ, дѣйствительность—другимъ,
Сливая ихъ въ гармоніи чудесной.
И видѣлъ я: печальный, блѣдный призракъ
Изъ глубины развалинъ показался
И, надо мной склонясь, промолвилъ тихо:

«Въ моихъ чертахъ, ты видишь, скорбь разлита.
Какъ не скорбѣть! Я—духъ развалинъ этихъ.
И тамъ, гдѣ ты нашелъ обломки камней—
Не трупа прахъ, а прахъ гробницы трупа—
Тамъ видѣлъ я свободу, блескъ и силу.
Вотъ, посмотри, у статуи безрукой
Разбитый ликъ какъ черенъ и уродливъ!
Богиней былъ обломокъ этотъ. Видѣлъ
Я дивныя черты ея, когда
Онѣ, еще не воплотившись въ мраморъ,
Лишь рѣяли предъ взоромъ ослѣпленнымъ
Художника, рыдавшаго отъ счастья.
Въ тотъ мигъ я самъ въ его безсмертье вѣрилъ...
Здѣсь видѣлъ я по мраморнымъ ступенямъ,
Которыхъ слѣдъ исчезъ, какъ разливались
Народа волны шумно. Кто-бъ сказалъ,
Что навсегда онѣ изсякнуть могутъ?...
Мой взоръ всегда къ былому обращенъ.
Оно прошло и—не вернется снова,
Какъ въ душу старца первой страсти трепетъ,
Какъ на мои уста улыбка счастья...

«Но ты, скажи, о чемъ и ты скорбишь?
Зачѣмъ вдали отъ родины блуждаешь,
Зачѣмъ о ней ты плачешь безутѣшно?...
Гдѣ ты нашелъ въ своей странѣ родимой
Развалины минувшаго величья,
Гробницы силъ изжитыхъ, думъ погасшихъ,
Священный прахъ свободы умерщвленной,
Иль красоты, иль славы отгремѣвшей?...
Къ минувшему-ль ты взоръ свой обращаешь?
Иль ты-бъ хотѣлъ, чтобъ прошлое вернулось?...
Не первый ли его ты-бъ испугался,
Какъ мертвеца, возставшаго изъ гроба?...

«Когда гроза весенняя порвала
Желаннымъ громомъ зимнюю дремоту
И весело взыгралъ, ломая сучья
И старый прахъ взметая, буйный вихорь,—
Ты оробѣлъ, цвѣтовъ не видя тотчасъ...
Иль ты-бъ желалъ сковать вѣнецъ грядущій
Безъ молота, безъ пламени, безъ стука,
И новый храмъ построить безъ деревьевъ
Поверженныхъ, безъ топоровъ, безъ камней?

«Ты устрашенъ, разочарованъ—въ чемъ?
Гдѣ тотъ алтарь жестокій, на которомъ
Ты приносилъ отвергнутыя жертвы?
Въ какой борьбѣ боролся ты напрасно?
Кто обманулъ довѣрчиваго агнца
Твоихъ надеждъ, запечатлѣнныхъ кровью?
Смѣшна, жалка мнѣ скорбь твоя пустая,

Какъ старику на ложѣ смерти жалокъ
Ребенка плачъ, разбившаго игрушку...
О, нѣтъ, сперва облей кровавымъ потомъ
Родной страны чуть вспаханную ниву.
Пускай затѣмъ твой сынъ, и внукъ, и правнукъ
Надъ нивой той священной потрудятся;
Пускай она заколосится пышно
И цѣлый міръ накормитъ новымъ хлѣбомъ;
Пусть наконецъ мертвящее дыханье
Вѣковъ ее въ пустыню превратитъ:
Тогда, тогда, коль твой потомокъ дальній
Придетъ подъ сѣнь моихъ нѣмыхъ развалинъ,
Чтобы скорбѣть о томъ, чего ужь нѣтъ,—
Его приму я ласково въ объятья
И вмѣстѣ съ нимъ на камень я усядусь,
И вмѣстѣ съ нимъ тихонько буду плакать...»

И призракъ смолкъ, и вздохъ его пронесся
Надъ спящими руинами чуть слышно.
Потомъ, опять склонившись надо мною,
Онъ прошепталъ безкровными устами:

«Какъ счастливъ ты! Какъ скорбь твоя завидна!
Вечернему подобная туману,
Моя печаль сгущается, чернѣя;
Твоя же грусть и грусть твоей отчизны,
Какъ легкій дымъ въ лучахъ пурпурныхъ утра,
Разсѣется безслѣдно. Ты иль сынъ твой
Великое увидите. Но внемли:
Ужь въ грудь твою ликующей волною

Врывается весны живящій лепетъ
И бодрый гость живыхъ надеждъ стучится.
Онъ лишь того, кто молодъ, посѣщаетъ,
И никогда старикъ не слышитъ въ сердцѣ
Его призывъ стыдливый и кипучій.
Проснись душой,—не ты одинъ проснешься.
Великое свершается... Я знаю
И боль родовъ, и муки агоніи...»

И я вскочилъ, видѣньемъ пораженный.
Лобзанья солнца быстро угасали
На каменныхъ развалинахъ, и вѣтеръ
Заботливо изъ сумерекъ покровъ
Набрасывалъ на дрогнущую землю;
На небесахъ темнѣвшихъ проступали
Узоры звѣздъ все ярче и лучистѣй,
Какъ въ старости, сквозь тьму могилы близкой,
Все ярче и отчетливѣе свѣтятъ
О прожитыхъ годахъ воспоминанья.
Стрѣлою ночь летѣла мнѣ на встрѣчу.

А у меня въ душѣ всходило солнце...

II.

Возвращеніе.

Надъ моремъ голубымъ прекрасная Весна
Въ тѣни зеленыхъ пальмъ задумчиво стояла.
Печалью взоръ ея туманился. Она
Устами блѣдными шептала:

«Пора! Мнѣ душно здѣсь. Все разцвѣло кругомъ
Самодовольною, безстыдной красотою:
Вотъ кипарисъ застылъ въ величіи нѣмомъ,
Одѣлись кактусы бронею;

«Вотъ жирныхъ маслинъ спитъ лѣнивая семья;
Вонъ померанцевъ лѣсъ зардѣлся горделиво...
Я—лишняя средь нихъ. На что теперь имъ я
Съ моею ласкою стыдливой,

«Съ моими чарами безплотными, какъ сонъ,
Съ моими грезами, воздушными, какъ тѣни?
Что въ тайнахъ призрачныхъ тому, кто опьяненъ
Восторгомъ знойныхъ наслажденій?

«Пора! Манитъ меня иная сторона.
Подъ бѣлымъ пологомъ лежитъ она стыдливо
И первой ласки ждетъ, и грудь ея полна
Любви тоской нетерпѣливой...

«Пройдусь я по снѣгамъ,—растаетъ гладь снѣговъ;
Взгляну на голый лѣсъ,—лѣсъ зашумитъ привѣтно,
И дремлющій ручей на ласковый мой зовъ
Очнется съ ласкою отвѣтной.

«Пора! Тамъ ждутъ меня... Повсюду притаясь,
Трепещутъ юныя, зиждительныя силы...»
Сказала и, взмахнувъ крылами, понеслась
На сѣверъ дремлющій и милый.

ФАНТАЗІЯ.

I.

Онъ былъ богатъ,—огонь пожралъ богатство.
Любилъ жену,—сразилъ ее недугъ.
Имѣлъ друзей,—но холодъ и злорадство
Въ нихъ встрѣтилъ обнищавшій другъ.

Сказалъ: прости! онъ людямъ безсердечнымъ
И въ глушь пустынь бѣжалъ отъ нихъ, какъ звѣрь.
Людская жизнь безцѣльнымъ зломъ и вѣчнымъ
Ему казалася теперь.

Смѣялся онъ надъ счастьемъ и надъ славой
И проклиналъ всю землю, какъ тюрьму.
Его душа питалася отравой,
Онъ жаждалъ мести—но кому?...

Однажды ночь спускалась надъ пустыней.
Бѣглецъ лежалъ подъ пальмами, въ тѣни,
И праздный взоръ по тверди темно-синей
Считалъ несчетные огни.

И думалъ онъ: «Далеки-ль звѣзды эти?—
Когда-бъ на стволъ той пальмы взгромоздить
Другой, на тотъ—еще одинъ, то третій
До неба долженъ доходить.

«А тамъ что? Тамъ, на голубой полянѣ
Горитъ, какъ жаръ, изъ золота дворецъ.
Кругомъ него вращается ва туманѣ
Свѣтилъ негаснущій вѣнецъ.

«А во дворцѣ благоуханьемъ вѣетъ;
Куреній дымъ змѣится вдоль столбовъ,
И серебро фонтанныхъ брызгъ бѣлѣетъ
На пестромъ золотѣ ковровъ.

«Но гдѣ-же онъ, гдѣ Митрасъ? *) Пресыщенный
Красой дворца и блескомъ звѣздъ ночныхъ,
Уже давно душой ожесточенной
Восторговъ жаждалъ онъ иныхъ...

И правитъ онъ землею для забавы
И на людей съ высотъ своихъ глядитъ.

---

*) Такъ древніе язычники называли злаго демона, по ихъ понятіямъ, управлявшаго міромъ. Примѣчаніе автора

Ихъ жизни путь, тернистый и кровавый,
Въ немъ духъ жестокій веселитъ.

«Когда же гдѣ онъ видитъ призракъ счастья,
Скорѣй въ него онъ хлещетъ съ облаковъ
Бичемъ огня, болѣзней и ненастья,
Желаній злыхъ и мрачныхъ сновъ.

«Когда же кто, какъ я, въ бою суровомъ
Раздавленный, клянетъ его съ тоски,
Смѣется онъ надъ слабымъ нашимъ словомъ,
Онъ, неприступный для руки.

«А если вдругъ... Ужели неприступный?!..
А если мы сильнѣй; чѣмъ онъ хотѣлъ?!.
И человѣкъ, какъ мститель неподкупный,
Взобраться-бъ на небо съумѣлъ?..»

. . . . . .

Нѣмую ночь встревожилъ крикъ безумный.
Бѣглецъ вскочилъ и, ввѣрившись звѣздамъ,
Отъ сна пустынь пошелъ въ свой городъ шумный
Свершить угрозу небесамъ...

II.

Вблизи эвфратскихъ водъ, среди святой поляны,
Собрались къ празднику сыны долинъ и горъ,
И смуглыя тѣла, и красные тюрбаны,
И бѣлые плащи слились въ цвѣтной узоръ.

Кумиренъ яркій рядъ средь сонныхъ рощъ мелькаетъ;
Надъ пестрою толпой поднялся пестрый гулъ.
Здѣсь обнаженный рабъ товары выкликаетъ;
На тюкѣ сѣлъ купецъ; въ сторонкѣ дремлетъ мулъ.

Тамъ пляшетъ женщина въ одеждѣ разноцвѣтной:
Воздушныя стопы по камышу скользятъ;
Движенія, какъ страсть, сначала чуть замѣтны,
Но, разгораясь все, вдругъ бѣшенствомъ горятъ.

Стремится мать въ шалашъ, грудному внявъ ребенку,
А мужъ торгуетъ женъ, и сыновья—невѣстъ.
Наѣздники летятъ другъ съ другомъ въ перегонку,
И ржанье конское разносится окрестъ.

Но вотъ призывныхъ трубъ раздался звукъ протяжный.
Изъ темной храмины выходитъ рядъ жрецовъ.
Межъ ними бѣлый быкъ, медлительный и важный,
Киваетъ головой подъ тяжестью цвѣтовъ.

Насталъ для жертвы часъ. И смолкъ народъ мгновенно
И ницъ, молясь, упалъ. Уже алтарь зажженъ:
Встаетъ пахучій дымъ; звучитъ напѣвъ священный,
Блистающій топоръ надъ жертвой занесенъ;

И вдругъ всѣ обмерли... Подъ шкурою звѣриной
И съ лукомъ за спиной невѣдомый дикарь
Мелькнулъ среди жрецовъ, мелькнулъ и въ мигъ единый
Освободилъ быка и разметалъ алтарь.

И, руки вверхъ воздѣвъ, онъ бросился къ народу:
«Кому вы молитесь?! Я былъ богатъ, друзья,
И множество быковъ я небу сжегъ въ угоду,—
И вотъ, что я теперь! И вотъ награда вся!

«А вы!.. Вы годъ назадъ молились здѣсь, какъ нынѣ,
Но кто за этотъ годъ не плакалъ? Гдѣ онъ, гдѣ?
Тотъ потерялъ жену, другой груститъ о сынѣ,
Того сразилъ недугъ, а тотъ скорбитъ въ нуждѣ.

«И кто всему виной? Не онъ ли, кто владыкой
Слываетъ средь всѣхъ племенъ? кому всѣ—жертвы жгутъ?
Владыка ярости! Мучитель! Демонъ дикій!
Ему алтарь? Ему молитвы? Тщетный трудъ!

«Смягчается-ль хоть разъ онъ матери слезами,
Когда дитя ея онъ смерти отдаетъ?
Мольбами путниковъ, засыпанныхъ песками?
Голодныхъ воплями? Молитвами сиротъ?

«А онъ на все глядитъ,—глядитъ, но не съ участьемъ,
А какъ палачъ, душой жестокой веселясь,
И то, что мы зовемъ добромъ, надеждой, счастьемъ,
Онъ сотворилъ лишь съ тѣмъ, чтобъ насъ дразнить, смѣясь.

«И смотритъ онъ, смѣясь, какъ человѣкъ, гонимый
Суровымъ голодомъ и полчищемъ заботъ,
Бѣжитъ за собственной мечтой неуловимой,
Бѣжитъ и падаетъ, бѣжитъ, пока падетъ...

«А чуть забудешься,—гляди, уже готовы
Друзья, чтобы предать,—враги, чтобъ погубить,—
Глупцы, чтобъ наложить на гордый духъ оковы,—
Болѣзнь, чтобы терзать,—земля, чтобъ проглотить»...

Такъ странникъ вопіялъ. Тревожная сначала,
Толпа, по манію двухъ къ ней простертыхъ рукъ,
Смирилась, замерла и снова задрожала,
Могучимъ трепетомъ охваченная вдругъ.

Поникли старики сѣдыми головами,
Съ угрозой юноши взирали къ небесамъ,
Рыдали женщины, покрывшися чадрами,
Рыдали, волю давъ скопившимся слезамъ.

А странникъ все гремѣлъ: «Нѣтъ, братья, не устанетъ
Онъ мучить насъ, пока его не побѣдимъ.
Мы не страшны ему? Такъ пусть средь насъ предстанетъ!
Зачѣмъ онъ прячется, когда неуязвимъ?

«Въ чертогѣ золотомъ сидитъ онъ, старъ и жиренъ,
Жестокъ и пресыщенъ... Какъ близко отъ людей!
Вотъ тамъ, гдѣ твердь небесъ... Когда-бъ взамѣнъ кумиренъ,
Ненужныхъ идоловъ, ненужныхъ алтарей, —

«Всѣ камни, что на нихъ истрачены, умѣло
Сложить въ могучій столпъ, давно бы столпъ достигъ
Вершиною небесъ.—Что-же медлимъ мы?.. За дѣло!
Гдѣ камни? кирпичи? Скорѣе!.. дорогъ мигъ!..»

III.

И пронесся въ край изъ края
Кличъ безумный: «На Эвфратъ!
Тамъ, на небо посягая,
Люди, мщеніемъ пылая,
Столпъ незыблемый творятъ».

И откликнулись всѣ страны.
Отовсюду, средь степей,
Потянулись караваны.
Основался вкругъ поляны
Цѣлый городъ шалашей.

Что за радостные крики
И лобзанья безъ конца!
Примирился рабъ съ владыкой;
Предъ надеждою великой
Всѣ сплотилися сердца.

А пустынникъ средь почета
Надъ толпою всей царитъ.
Цѣлый день кипитъ работа,
Камни сложены безъ счета...
Отъ блаженства онъ молчитъ.

Иль, не выдержавъ молчанья,
Ночью плачетъ въ тишинѣ.
Эти слезы безъ названья,—
Мести, счастья, упованья,—
О, какъ сладостны онѣ!...

IV.

Шли дни и мѣсяцы. Поднялся столпъ мятежный
Превыше облаковъ, но не достигъ небесъ.
И мраченъ сталъ народъ. Былой раздоръ воскресъ,—
Несчастья спутникъ неизбѣжный.

Одни, уже остывъ, убрали шалаши,
Другихъ же тронули пустынника моленья.
Онъ сохранилъ одинъ средь общаго томленья
И гордость думъ, и пылъ души.

Онъ больше не молчалъ. Снѣдаемый заботой,
Весь день онъ убѣждалъ, молилъ и укорялъ,
Примѣромъ собственнымъ лѣнивцевъ ободрялъ,
Но тяготились всѣ работой.

Когда-жъ сходила ночь, и столь желанный сонъ
Въ постылыхъ шалашахъ вкушалъ народъ усталый,
Одинъ, не зная сна, отъ горя одичалый,
На верхъ столпа взбирался онъ.

Внизу вился Эвфратъ змѣею серебристой
И полночь усыплялъ журчаньемъ свѣтлыхъ водъ,
И въ сумеркахъ сѣдыхъ съ пустынею душистой
Вдали сливался неба сводъ.

А блѣдный человѣкъ вперялъ свой взоръ въ созвѣздья,—
Былъ взоръ безсонницей и горемъ воспаленъ.
«Да, вижу», онъ шепталъ, «далекъ твой звѣздный тронъ...
Но не спасешься отъ возмездья!..»
. . . . . .

Былъ знойный день. Народъ въ палаткахъ изнывалъ,
Въ зловѣщей тишинѣ пустыня цѣпенѣла.
Въ Эвфратѣ плавился сверкающій металлъ,
Надъ всей землею мгла висѣла.

А къ вечеру, свистя, пронесся ураганъ
И дико завертѣлъ песчаными столбами,
И, грознымъ заревомъ клубясь подъ небесами,
Вдругъ тучь примчался караванъ.

Но вотъ сгустился мракъ. Изломанной стрѣлою
Блеснула молнія и тучѣ въ грудь вонзилась.
И туча, застонавъ надъ дрогнувшей землею,
Горячимъ ливнемъ пролилась.

А люди?.. Предъ лицомъ разгнѣванной святыни
Рыдали, каялись, молились богу силъ,
И будь межъ ними онъ, виновникъ ихъ гордыни,
Онъ смерть бы горькую вкусилъ.

Но не было его. Среди стихій стенящихъ
На башнѣ онъ стоялъ съ открытой головой,
И съ воплями грозы и съ трескомъ тучъ гремящихъ
Сливалъ безсильный голосъ свой.

«А!—дико онъ кричалъ:—ты, наконецъ, разсерженъ!
Предъ близкою бѣдой всѣ силы ополчилъ.
Ты ураганъ послалъ, чтобъ былъ мой столпъ поверженъ,
Всѣ стрѣлы молній расточилъ!..

«Греми, бушуй и злись! Я здѣсь одинъ—ты видишь—
Но ты не страшенъ мнѣ, ты—съ яростью своей.
Не страшенъ потому, что я люблю людей,
А ты ихъ только ненавидишь...

«Умру,—моя любовь затеплится во мглѣ,
И въ шопотѣ руинъ мой голосъ будетъ громокъ.
Сквозь вихорь и грозу услышь меня, потомокъ!
Услышь: намъ тѣсно на землѣ!...»

Но тутъ пустынникъ смолкъ. Внезапно, пламенѣя,
Какъ будто надвое распался неба сводъ.
На мигъ одинъ сверкнулъ потокъ вспѣненныхъ водъ,
Сверкнули шалаши, бѣлѣя,

Верблюды, рощи, столпъ высокій, а на немъ
Безумный человѣкъ съ простертыми руками...
Сверкнули,—въ тотъ же мигъ ударилъ мощный громъ
Между землей и облаками,

И рухнулъ гордый столпъ, и тяжестью столпа
Убитъ его творецъ—съ своей надеждой вмѣстѣ...
Потомъ гроза прошла,—и храмъ на этомъ мѣстѣ
Воздвигла робкая толпа...

V.

Минулъ столѣтій рядъ. Тотъ храмъ давно сталъ пылью.
Но былъ пустынникъ правъ: жива его любовь.
Легенда смутная становится вдругъ былью,
И древній столпъ творится вновь.

Не противъ неба, нѣтъ. Сводъ неба безконечный
Созрѣвшій человѣкъ мечтой давно проникъ,
Узналъ, что онъ одинъ съ своей тоскою вѣчной
И самъ—скорбей своихъ родникъ.

Узналъ, что мрачный духъ вражды и лжи тлетворной,
Людскаго счастья врагъ, людскихъ виновникъ слезъ,
Изъ неба прогнанный, на землю тронъ свой черный,
Въ сердца людскія перенесъ.

И, словно вешній громъ, чарующій и властный,
На новую борьбу кличъ новый прозвучалъ.
И міръ откликнулся съ восторженностью страстной,
И столпъ—не каменный—возсталъ:—

Изъ чистыхъ помысловъ, святаго состраданья,
Изъ подвиговъ любви, изъ безкорыстныхъ думъ.
Герой принесъ свой пылъ, поэтъ – свои мечтанья,
Мудрецъ—испытанный свой умъ.

И дышетъ міръ опять надеждою единой;
Въ какой-то чудный край могучій столпъ растетъ:
—Достигнешь ли его ты гордою вершиной,
Иль вновь гроза тебя смететъ?..

1884 г.

ПРОКАЖЕННЫЙ.

... Богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, какъ скорбь и радость, срастилъ ихъ вершины.

Платонъ.

Чуть прикрывъ наготу, съ головой обнаженной,
Въ сторонѣ отъ дороги онъ быстро шагалъ,
И, завидя людей, издалека кричалъ:
«Берегитесь! Идетъ прокаженный!»

И съ невольнымъ проклятьемъ толпа за толпой
Обходили его каменистой тропой
И роптали: «зачѣмъ вслѣдъ за нами
Онъ къ Сіону на праздникъ бредетъ?
Преступить городскихъ онъ не можетъ воротъ,
И нѣтъ мѣста ему на холмахъ за стѣнами...»
А когда Элеонъ показался вдали,
Весь до верху шатрами усѣянъ,
Къ его рощамъ цвѣтущимъ толпы галилеянъ
Распѣвая осанну, пошли,

А несчастный тропой обожженной
Вдоль по ложу Кедрона въ пустыню побрелъ,
Гдѣ гіена живетъ, гдѣ гнѣздится орелъ.
—Пощадите! Идетъ прокаженный!
И его, беззащитнаго, звѣрь пощадилъ
И бездомному нору свою уступилъ.

Пышно праздникъ великій встрѣчаетъ Солимъ,
Полонъ храмъ, всѣ ступени народомъ покрыты,
Брыжжетъ кровь, и возносится жертвенный дымъ,
И поютъ словословья левиты.
Всѣ пришли преклониться предъ грознымъ Отцемъ
И просить, кто богатства, кто жизни,
Кто побѣды надъ римскимъ надменнымъ орломъ
И свободы для плѣнной отчизны.
И левиты поютъ, и литавры гремятъ,
И далеко по вѣтру тѣ звуки летятъ,
До пещеры въ скалѣ, до звѣринаго лога,
Гдѣ теперь человѣкъ обиталъ.
Онъ увидѣть хоть издали храмъ пожелалъ,
Но просить ему не о чемъ даже у Бога.
Онъ привыкъ жить безъ крова отъ бурь и песковъ,
Онъ привыкъ свои струпья не кутать въ одежды.
У него нѣтъ отчизны, друзей и враговъ,
Нѣтъ желаній давно и давно нѣтъ надежды.
Что̀ влекло его къ храму, не знаетъ онъ самъ,
И теперь изъ пещеры, наполненной смрадомъ
Его собственныхъ язвъ, онъ блуждающимъ взглядомъ
Смотритъ вдаль, гдѣ блеститъ своей кровлею храмъ,
И въ тоскѣ безпредѣльной, безъ мысли и слова,

Какъ тростникъ въ ураганъ, повергается въ прахъ,
И руками бьетъ въ грудь, и бросается снова,
И какъ будто весь хочетъ истаять въ слезахъ.

Еслибъ камень иль дерево чувствовать стали
И свое одиночество поняли вдругъ,
Ихъ бы тотъ же объялъ безсловесный испугъ,
Они-бъ такъ же, какъ онъ, зарыдали.
Онъ рыдалъ оттого, что такъ тягостно жить
На землѣ, средь пустыни—увы—не безлюдной,
Онъ рыдалъ оттого, что такъ хочется жить,
Что разстаться съ сіяніемъ солнца такъ трудно...
Цѣлый день онъ рыдалъ... но съ вечерней зарей
Стали слезы его все добрѣе и чище:
Такъ на старомъ, забытомъ кладбищѣ
Вдругъ повѣетъ прохладой весенней порой.
Изможденный, онъ молча лежалъ предъ пещерой
И глядѣлъ, какъ на храмѣ играетъ закатъ,
И какъ звѣзды одна за другою спѣшатъ
Лить потоки лучей надъ пустынею сѣрой.
И свѣтлѣе, чѣмъ звѣзды, на язвы его
Тихо падали слезы прощенья.
И простилъ онъ, не вѣдая самъ отчего,
Всѣхъ простилъ онъ, кто мучилъ его отъ рожденья:
Вѣтеръ, зной, непогоду и даже—людей.
Онъ былъ счастливъ избыткомъ печали своей,
Величайшее счастье въ ту ночь онъ извѣдалъ.
Онъ, природою проклятый, людямъ чужой,
Кому Богъ ничего, кромѣ горестей, не далъ,—
Самъ онъ далъ себѣ счастье...

А съ новой зарей
Чуть прикрывъ наготу, съ головой обнаженной,
Въ сторонѣ отъ дороги онъ быстро шагалъ,
И, завидя людей, издалека кричалъ:
«Берегитесь! Идетъ прокаженный!...»

1885 г.

СЧАСТЬЕ ПРОМЕТЕЯ.

Ты сдѣлалъ все, Зевесъ, чтобъ врагъ твой Прометей
Въ мученьяхъ искупилъ порывъ свой безразсудный.
Ты заточилъ его въ край дикій и безлюдный —
Его, такъ пламенно любившаго людей.
Къ заоблачной скалѣ, лицомъ на сѣверъ льдистый,
Ты приковалъ его, и западъ золотистый
И рдѣющій востокъ горами заслонилъ,
Чтобъ день свой кроткій взоръ къ нему не преклонилъ,
Чтобъ теплые лучи больную грудь не грѣли,
Чтобъ вихорь сѣверный влеталъ въ его тюрьму
И съ воплемъ яростнымъ кидалъ въ глаза ему
Дожди осеннихъ бурь и острый снѣгъ мятели.

Когда-жъ ты узами тройными приковалъ
Безсильнаго врага къ безжизненной вершинѣ,
Предъ нимъ нагромоздилъ ты груды сѣрыхъ скалъ
И молвилъ съ хохотомъ: «вотъ, недругъ мой, отнынѣ

Сподвижники твои! Здѣсь можешь день и ночь
Провозглашать свои восторженныя бредни.
Благословляй людей! Кляни меня! Пророчь
Себѣ побѣды день, безсмертнымъ—день послѣдній!..»

Такъ молвилъ ты смѣясь, и съ той поры титанъ
Не слышалъ словъ живыхъ,—живой средь скалъ бездушныхъ.
Лишь утро каждое, чуть тронется туманъ
По скатамъ горъ, онъ ждетъ мучителей воздушныхъ.
И вотъ они летятъ, неся на крыльяхъ мракъ
Злорадства твоего, вотъ клювы раскрываютъ
И хриплымъ карканьемъ титану возвѣщаютъ:
«Онъ царствуетъ еще! Онъ царствуетъ, твой врагъ!»
Потомъ, на край скалы предъ нимъ усѣвшись рядомъ,
Они впиваются тупымъ, холоднымъ взглядомъ
Въ ту грудь, гдѣ ихъ когтей еще горятъ слѣды.
И, распаливъ свой гнѣвъ,—рабы чужой вражды,—
Бросаются на грудь и рвутъ, и рвутъ, не зная,
Кого казнятъ они, за что его казнятъ...

Закинувъ голову и челюсти сжимая,
Экстазомъ боли весь, какъ пламенемъ, объятъ,
Титанъ забылъ себя, людей забылъ, Зевеса,
Но помнитъ: не стонать!.. И не раздастся крикъ,
И казнь бозмолвная, какъ безконечный мигъ,
И длится, и летитъ... И лишь когда завѣса
Румяныхъ сумерекъ на горы упадетъ,
Истерзанный титанъ очнется и вздохнетъ...
Вдоль тѣла льется кровь и камень, почернѣвшій
Отъ крови прежнихъ ранъ, опять на часъ багритъ.

И вотъ промчался день. Больная грудь горитъ,
Блуждаетъ смутный взоръ, отъ пытки опьянѣвшій,
Какъ будто предъ собой такихъ-же лютыхъ дней
Онъ созерцаетъ рядъ въ грядущемъ безпредѣльный.
О, если-бъ хоть узнать, что муки не безцѣльны,
Что ихъ цѣной купилъ онъ счастіе людей!
О, если-бъ хоть на мигъ туда, за эти скалы,
Къ селеніямъ людскимъ, гдѣ труженикъ усталый
Теперь поетъ въ шатрѣ, семьею окруженъ,
Гдѣ слышенъ дѣтскій смѣхъ и громкій говоръ женъ...
Свободны-ли они? Хранятъ-ли даръ священный,
Хранятъ-ли тотъ огонь, который Зевсъ надменный
Со злобой низвергалъ изъ тучъ, таясь во мглѣ,
А онъ, титанъ, зажегъ съ любовью на землѣ
И силою любви заставилъ къ небу рваться?..
Горитъ-ли онъ еще? Навѣки-ли исчезъ?
Кто скажетъ? Кто на вопль здѣсь можетъ отозваться?
Скала? Туманъ сѣдой?—Ты сдѣлалъ все, Зевесъ,
Чтобъ врагъ изнемогалъ, чтобъ черный демонъ мщенья
Не складывалъ надъ нимъ своихъ тяжелыхъ крылъ.
Ты отнялъ у него всѣ жизни утѣшенья,
Лишилъ его всѣхъ благъ... Но объ одномъ забылъ.

Въ горахъ Кавказа вечеръ наступаетъ.
На небѣ ночь готовится, какъ пиръ.
Подножіе скалы вкушаетъ миръ,
И медленно вершина засыпаетъ.
И Прометей кругомъ обводитъ взоръ
И видитъ: ужъ, окутана туманомъ,
Обнявшись, спитъ семья усталыхъ горъ,

И лишь, какъ вождь надъ усыпленнымъ станомъ,
Не спитъ Казбекъ, и на его челѣ
Послѣдній лучъ горитъ нѣмой заботой.
Но лучъ погасъ, Казбекъ объятъ дремотой,
И все кругомъ заснуло на землѣ.
Одни ключи гремятъ во тьмѣ ущелій,
Хоть спящій міръ не можетъ имъ внимать:
Такъ иногда поетъ, забывшись, мать,
Когда дитя ужъ дремлетъ въ колыбели.
И, свѣжестью вечернею дыша,
Больной титанъ поникъ челомъ суровымъ,
Но незамѣтно скорбная душа
Стихаетъ, озаряясь чувствомъ новымъ.
Участьемъ кроткимъ къ собственной судьбѣ
Проникнутъ онъ теперь, и самъ себѣ
Онъ кажется какимъ-то другомъ дальнимъ
Иль дней минувшихъ вымысломъ печальнымъ.

И снова онъ кругомъ обводитъ взоръ.
На слившихся громадахъ черныхъ горъ
Снѣга вершинъ подъ темнымъ небосклономъ
Чуть-чуть видны въ мерцаніи зеленомъ,
Какъ облаковъ недвижныя гряды.
Кой-гдѣ дрожитъ надъ ними лучъ звѣзды,
Какъ свѣтъ въ ладьѣ, качаемой волнами.
А тамъ внизу, въ тѣснинахъ, межъ камнями,
Ручьи гремятъ, и плачутъ, и поютъ
Про жизнь безъ чувствъ, про чувства безъ названій.
Забылся узникъ, внемля имъ. Встаютъ,
Какъ груды этихъ горъ, безъ очертаній,

Въ его душѣ мечты минувшихъ дней
И чьи-то голоса проснулись въ ней,
Какъ эти говорливые потоки,
И плачутъ, и поютъ про міръ далекій
Желаній, необъятныхъ, какъ просторъ
Ночныхъ небесъ, про думы и волненья,
Которымъ нѣтъ названья, ни сравненья...

И вновь титанъ кругомъ обводитъ взоръ.
О, что за блескъ! Въ лучахъ луны полночной
Зажглись вершины бѣлыя, горятъ,
Какъ алтарей хрусталыныхъ легкій рядъ,
Какъ чистый храмъ богини непорочной,
И небо наполняютъ красотой
Стыдливо—недоступной и святой.
Вкругъ нихъ прозрачный океанъ эопра
Едва струится, робостью объятъ,
И звѣзды, сколько есть въ пространствахъ міра,
На нихъ сквозь слезы радости глядятъ.
И позабылъ титанъ, что эта груда
Алмазныхъ льдовъ—его тюрьмы стѣна.
Сіяньемъ ихъ душа опьянена,
И силы нѣтъ бороться противъ чуда.
Онъ все забылъ... И если даже ты
Предъ нимъ теперь предстанешь, Зевсъ надменный,—
Въ тебѣ благословитъ онъ лучъ нетлѣнный
Васъ вмѣстѣ озарившей красоты!

Забвенье и покой... Безмолвная богиня
Заворожила міръ—и міръ объемлетъ сонъ.

Заискрилась небесъ прохладная пустыня,
И мѣсяцъ радужнымъ сіяньемъ окруженъ.

Порою, Богъ вѣсть чей, раздастся вздохъ иль шопотъ...
И повторяютъ ихъ ночные голоса:
Имъ вторитъ на землѣ потоковъ смутный ропотъ
И вѣтеръ ласковый несетъ ихъ въ небеса.

Земля и небо спятъ въ мерцаніи лучистомъ,
Колеблетъ пламя звѣздъ воздушная струя.
И замеръ сонный міръ въ блаженствѣ бытія,
Въ любви таинственной и въ радованьи чистомъ...

1887.

IV.

ЭЛЕГІЯ.

Adieu! Ta blanche main sur le clavier d'ivoire,
Durant les nuits d'été, ne voltigera plus.

A. de Musset.

Напѣвъ любви, ея напѣвъ любимый,
Въ моей душѣ проснулся и звучитъ.
Прогнать его нѣтъ силъ. То замолчитъ,
То, какъ нагорный ключъ неудержимый,
Опять польетъ безсонную струю
И плачетъ средь безмолвія ночнаго, —
Нагорный ключъ, ниспавшій въ грудь мою
Съ вершинъ замерзшихъ счастія былаго.

Какъ много мнѣ напомнили они —
Рыданія любви и сладкой муки:
Нашъ мирный уголокъ, рояль въ тѣни,
По клавишамъ порхающія руки,
Вечерній часъ, досугъ, любовь, покой...
И всякій разъ, когда напѣвъ любимый

Изъ подъ любимыхъ рукъ лился волной,
Мнѣ грудь сжималъ восторгъ невыразимый.

И звуки претворялися въ мечты,
Неясныя, какъ шопотъ въ часъ полночный.
Мнѣ снились волны, горы и цвѣты,
Я снился самъ себѣ, но безпорочный,
Рожденный жить и умереть, любя.
Такъ ива, наклонясь къ рѣкѣ зеркальной,
Въ ней видитъ небо, звѣзды и себя,
Но болѣе прекрасной и печальной...

И часто, чуть въ струнахъ стихала дрожь,
Она ко мнѣ садилась и шептала
Слова любви и отъ любви рыдала,
И тѣ слова и слезы были ложь.
Но я не зналъ, что сердцемъ лицемѣритъ
Она—мой идолъ правды и добра.
Я вѣрилъ ей, какъ вѣтру пламя вѣритъ,
Какъ вѣритъ мотылекъ огню костра.

Теперь другой внимаетъ рѣчи милой
Иль слезы страсти льетъ у милыхъ ногъ.
Цвѣты онъ собираетъ надъ могилой
Моей любви, чтобъ сплесть себѣ вѣнокъ.
И счастливъ онъ, когда она съ улыбкой
Минувшее свое зоветъ ошибкой...
Но тише, сердце! Счастіе любви,
Чья-бъ ни была она, благослови!

Моя любовь мертва и, какъ нѣмая
Руина на прибрежіи морскомъ,
Въ душѣ пустынной дремлетъ, а кругомъ
Воспоминанья плещутъ, не смолкая.
И какъ порой въ безмолвіи руинъ
Проснется и рыдаетъ духъ незримый, —
Въ моей душѣ звучитъ напѣвъ одинъ,
Напѣвъ любви, ея напѣвъ любимый...

ПОРТРЕТЪ.

Ея лицо прекрасное плѣняетъ
Не той безпечной, яркой красотой,
Что женщину красивую равняетъ
Съ цвѣткомъ красивымъ, съ ланью молодой.
Ея чело морщинами покрыто,
Вкругъ милыхъ устъ свила гнѣздо печаль,
И сохранилъ ея очей хрусталь
Глубокій слѣдъ борьбы глубоко скрытой.
Борьбы съ людьми, съ коварною судьбой,
Съ огнемъ страстей, чѣмъ тайно грудь питалась,
Съ любовью тѣхъ, кого душа чуждалась,
Съ измѣной тѣхъ, кто сердцу былъ родной.
Но изъ борьбы, какъ знамя храбрый воинъ,
Она спасла души священный жаръ,
И сталъ вдвойнѣ земной любви достоинъ
Цѣною мукъ спасенный неба даръ.
И каждый взоръ ея очей стыдливыхъ—
Побѣды знакъ и радостный трофей,—
И каждый звукъ ея рѣчей правдивыхъ,
Какъ бодрый гимнъ, звучитъ въ душѣ моей...

ПѢВИЦѢ.

(Е. А. Лавровской).

Ты пѣла пѣсню о веснѣ,
И мы, счастливые, молчали...
Насъ въ лучшій міръ, какъ-бы во снѣ,
Тѣ звуки свѣтлые умчали.
И въ этомъ мірѣ все кругомъ
Цвѣло, сіяло и любило.
Твое лицо тамъ солнцемъ было,
Твой голосъ нѣжный—соловьемъ.

Скажи: видала-ль ты порою
Людей съ тоскующей душою,
Судьбу клянущихъ въ тишинѣ?
Такъ знай: одинъ изъ нихъ украдкой
Хотѣлъ рыдать отъ скорби сладкой,
Когда ты пѣла о веснѣ...

СОНЕТЪ.

Чѣмъ глубже читаю въ душѣ твоей чистой,
Чѣмъ чаще застѣнчивый взоръ твой ловлю,
Чѣмъ больше я слышу твой голосъ сребристый,
Тѣмъ сердцу больнѣй, тѣмъ безумнѣй скорблю.

Скорблю я о томъ, что я тьмою полночной
Окутанъ навѣкъ, что нѣтъ Бога въ груди,
Что въ язвахъ душа и что сердце порочно,
Что ты, даже ты ихъ не можешь спасти.

Такъ путникъ скорбитъ, средь пустыни безводной
Нашедши алмазъ, что горитъ, какъ звѣзда,
И взоръ его полонъ тоски безысходной,
И шепчутъ отъ жажды сухія уста:

— «Въ дни радости шумной, въ дни силы свободной,—
О, если-бъ тебя отыскалъ я тогда!»

(М. Н. Д—виной).

Когда, источникъ слезъ весь осушивъ до дна,
Но праха дѣтскаго не воскресивъ слезами,
Когда, безсильнаго отчаянья полна,
Но и въ отчаяньи прекрасна и скромна,
Какъ тѣнь, предстала ты предъ нами;
Когда въ твоей душѣ, о женщина—дитя,
Свершалось таинство безмолвнаго страданья,
И чаша мукъ твоихъ кипѣла чрезъ края,
И поняли мы всѣ, увидѣвши тебя,
Что нѣтъ для этихъ мукъ названья:
Прости, что на тебя въ тотъ мигъ я смѣлъ взирать
Съ восторгомъ пламеннымъ и съ умиленьемъ чистымъ!
Прости, что я хотѣлъ у ногъ твоихъ рыдать,
Прости, что скорбь твою въ мечтахъ дерзалъ вѣнчать
Я красоты вѣнцомъ лучистымъ!
Но такъ прелестенъ былъ страдальческій твой ликъ,
Такъ цѣломудренно уста твои молчали,
Что я благословилъ невольно этотъ мигъ
За то что я узрѣлъ, за то что я постигъ
Печать небесъ въ земной печали...

1883.

СОНЕТЪ.

(Памяти Е. А. С.).

Она лежитъ въ гробу, она—источникъ жизни,
И смѣха звонкаго, и радостныхъ рѣчей.
Покинула душа лазурь ея очей
И въ небо унеслась, въ лазурь свой отчизны,
И солнца кроткія остались безъ лучей.
Отнынѣ никогда влюбленный взоръ ничей
Не будетъ изучать ихъ переливъ капризный,
Привѣту радуясь, пугаясь укоризны...

Отнынѣ никогда въ вечерній грустный часъ
Изъ синей бездны ихъ не выглянетъ нежданно
То выраженіе печали несказанной,
Вопроса и мольбы, что такъ пугало насъ,
Какъ сонъ пророческій, какъ отблескъ тайны странной...
Она лежитъ въ гробу—и взоръ ея погасъ.

1884.

СЪ ВОСТОЧНАГО.

I.

Твоей кожи загаръ—какъ пустыни песокъ,
Когда гаснетъ заря утомленная;
Твои очи глубоки, какъ темный потокъ,
Куда смотрится зелень спаленная.

Твое тѣло душисто, какъ въ полдень смола,
Твои губы, какъ роза раскрытая,
И улыбка на нихъ, какъ на розѣ пчела,
Какъ на розѣ пчела ядовитая.

II.

Въ моей душѣ любовь восходитъ,
Какъ солнце, въ блескѣ красоты,
И пѣсни стройныя рождаетъ,
Какъ ароматные цвѣты.

Въ моей душѣ твой взоръ холодный
То солнце знойное зажегъ.
Ахъ, если-бъ я тѣмъ знойнымъ солнцемъ
Зажечь твой взоръ холодный могъ!

III.

Красою—женщина, еще дитя—лѣтами,
Она меня влечетъ и будитъ страхъ во мнѣ.
Хочу любить шутя, а сердце въ тишинѣ
Томится жгучими и сладкими мечтами.

Такъ полный инеемъ, разцвѣтшій въ эту ночь,
Въ лучахъ утра блеститъ цвѣтокъ жасмина бѣлый,
И ранняя пчела надъ нимъ гудитъ несмѣло,
Прильнуть къ нему боясь, отстать не въ силахъ прочь.

IV.

Въ разлукѣ горькой сладкій Сонъ
Единый былъ мнѣ утѣшитель.
Съ тобой не разъ спускался онъ
Въ мою печальную обитель.

Ужъ не влюбился-ль онъ въ тебя
И не ревнуетъ-ли, влюбленный?
Теперь, мой другъ, всю ночь, скорбя,
Томлюсь одинъ тоской безсонной...

V.

На востокъ, гдѣ море плещетъ,
Домикъ Фа́тимы глядитъ.
Чуть востокъ зарей заблещетъ,
Голосъ Фа́тимы твердитъ:
«Милый другъ, пора!»

Разстаюсь я съ дремой сладкой,
Въ очи нѣжныя гляжу,
И на улицу украдкой
Темнымъ садомъ ухожу,
Какъ пришелъ вчера.

Вѣетъ вѣтеръ... Оснащенный
Тихо вдаль корабль скользитъ,
И, зарею освѣщенный,
Флагъ надъ мачтою дрожитъ,
Рвется къ берегамъ.

И, какъ тотъ корабль лѣнивый,
Вдаль иду, тоской объятъ,
А душа, какъ флагъ игривый,
Рвется, страстная, назадъ,
Къ дорогимъ устамъ...

VI.

На устахъ ея знойныхъ улыбки цвѣтутъ,
Какъ цвѣты Индостана, душистыя,
И цвѣтутъ, и сіютъ, и души влекутъ—
И порочныя души, и чистыя.

И цвѣтутъ, и сіяютъ, и жгучую страсть
Разливаютъ потоками шумными.
И дивятся всѣ люди: откуда ихъ власть
Такъ царить надъ сердцами безумными...

И не знаетъ никто, что уста эти льнутъ,
Льнутъ къ моимъ устамъ въ ночи блаженныя
И что послѣ весь день на нихъ пышно цвѣтутъ
Поцѣлуи поэта священные!

VII.

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Легкій вѣтеръ въ кустахъ вдругъ, въ веселіи пьяномъ
Полетитъ надъ землей ураганомъ...

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Звѣзды станутъ недвижно средь темнаго свода,
И висѣть будетъ ночь безъ исхода...

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Мое сердце безумья любви ужаснется
И отъ счастья и муки порвется...

VIII.

Она, какъ полдень, хороша,
Она загадочнѣй полночи.
У ней не плакавшія очи
И не страдавшая душа.

А мнѣ, чья жизнь—борьба и горе,
По ней томиться суждено.
Такъ вѣчно плачущее море
Въ безмолвный берегъ влюблено.

(А. В. Бѣл—овой).

Еще я не люблю,—но, какъ востокъ зарею,
Уже душа моя печалью занялась,
И предразсвѣтною, стыдливою звѣздою
Надежда робко въ ней зажглась...

Еще я не люблю,—но на тебя невольно,
Съ чего-бъ ни начиналъ, свожу я разговоръ,
И самъ не знаю я, отрадно мнѣ иль больно
Встрѣчать задумчивый твой взоръ.

Еще я не люблю,—но, полный тайны сладкой,
Не такъ, какъ до сихъ поръ, гляжу на божій свѣтъ.
Еще я не люблю,—но ужъ томлюсь загадкой:
Ты, другъ,—ты любишь или нѣтъ?...

1887, Апрѣль.

О, если-бъ знали вы, о чемъ я боязливо
Молился небесамъ, какъ въ первый разъ къ вамъ шелъ:
Молился я, чтобъ васъ такою же правдивой,
Прекрасной, кроткою я снова не нашелъ,
Какъ въ незабвенный день случайной первой встрѣчи;
Чтобъ такъ же ласково вашъ голосъ не звучалъ,
Такъ въ сердце мнѣ не шли отъ сердца ваши рѣчи,
Такъ много радостей вашъ взоръ не обѣщалъ;

Чтобъ оказались вы, какъ всѣ, пустой и лживой,
Безсильной счастье дать, безсильной быть счастливой,
Чтобъ могъ забыть я васъ, чтобъ мимо шла гроза,
Которой гулъ въ душѣ ужъ слышенъ отдаленный...

И объ одномъ еще молился я, смущенный:
Чтобы мольбѣ моей не вняли небеса!..

1884.

Безсонною змѣей тоски и сожалѣнья
Терзаемый всю ночь, я въ темный садъ ушелъ.
Но сердцу грустному желаннаго забвенья
Среди аллей пустынныхъ не нашелъ.

Осенняя луна въ тревогѣ и печали
Бѣжала, блѣдная, средь хмурыхъ облаковъ,
И липы голыя метались и дрожали,
И вѣтеръ гналъ ихъ сорванный покровъ.

И показалось мнѣ, что эта ночь больная
Истерзана, какъ я, безсонною тоской,
Скорбитъ, подобно мнѣ, о прошломъ вспоминая
О свѣтлыхъ дняхъ и о веснѣ былой...

1886.

Въ тотъ вечеръ памятный насмѣшкой ледяной
Ты душу мнѣ язвила
И всходы робкіе любви моей больной
Навѣки умертвила.
Безмолвный я внималъ и къ сердцу своему
Прислушивался жадно,
Рыдаетъ-ли оно, и внятенъ-ли ему
Твой приговоръ злорадный?
И съ тайнымъ ужасомъ я чуялъ, что оно,
Какъ я, молчитъ безстрастно,
И свой послѣдній лучъ, не грѣющій давно,
Хоронитъ безучастно.
Въ тотъ вечеръ памятный любовь свою я сжегъ,
Отъ мукъ не замирая,
И лишь о томъ скорбѣлъ, что я скорбѣть не могъ,
Тебя навѣкъ теряя...

1886.

ПРОСТИ!

Любовь трехдневная моя!
Какъ юный цвѣтъ въ началѣ мая,
Съ души срываю я тебя.
Прости, о греза молодая!
Прости! Я плачу надъ тобой,
Но мнѣ не жаль тебя. Желаній
Нѣтъ счастья, какъ весною ранней
Завянуть почкой молодой,
Съ любовью къ солнцу, съ вѣрой чистой,
Что вѣтры ласковы всегда,
Лазурь безоблачна, душисты
Ковры луговъ, свѣтла вода...

О, если-бъ знала ты, какъ больно
Не вдругъ, а тихо и невольно
Разочаровываться въ нихъ,
Увидѣть смерть надеждъ своихъ,
Всѣ пережить ихъ до единой

И лепестокъ за лепесткомъ
Ронять, когда весь міръ кругомъ
Томится медленной кончиной!
Видать, какъ солнце съ каждымъ днемъ
Все злѣе смотритъ изъ-за тучи,
Глядѣть на листьевъ рой летучій,
И въ темный вечеръ подъ дождемъ,
На голомъ стеблѣ къ нивѣ голой
Склонясь, рыдать, рыдать въ тиши,
Чтобъ выплакать весны веселой
Блестящій сонъ—миражъ души,—
Чтобы развѣялъ вихрь осенній
Обманъ чарующихъ рѣчей,
Что̀ нѣкогда въ тиши ночей
Зефиръ нашептывалъ весенній...

Любовь трехдневная моя!
Какъ юный цвѣтъ въ началѣ мая,
Съ души срываю я тебя,
Твою судьбу благословляя...

1880.

V.

Есть гимны звучные,—я въ дѣтствѣ имъ внималъ.
О, если-бъ могъ тебѣ я посвятить ихъ нынѣ!
Есть пѣсни дивныя,—злой вихорь разбросалъ
Ихъ звуки свѣтлые по жизненной пустынѣ...
О, какъ ничтожно все, что послѣ я писалъ,
Предъ тѣмъ, что пѣли мнѣ въ младенческіе годы
И голоса души, и голоса природы!

И можетъ быть, мой другъ, столь блѣдные цвѣты
Не стоило труда собрать въ букетъ невзрачный...
Я былъ рожденъ пѣвцомъ любви и красоты.
Увы, зачѣмъ рожденъ я въ вѣкъ больной и мрачный!
Вы, кроткія мои, вы, грустныя мечты!
Сомнѣнья-коршуны изъ сердца васъ изгнали
И свили въ немъ гнѣздо—и сердце истерзали...

О, если-бы скорбѣть душистый могъ цвѣтокъ,
Случайно выросшій на полѣ битвы дикой,
Забрызганный въ крови, затоптанный въ песокъ,—

Онъ-бы, какъ я, скорбѣлъ... Я съ дѣтства слышалъ крики
Вражды и мукъ. Туманъ кровавый заволокъ
Зарю моихъ надеждъ печальныхъ и прекрасныхъ.
Другъ! Не ищи меня въ моихъ стихахъ неясныхъ!

Въ нихъ рядомъ встрѣтишь ты созвучья робкихъ мукъ
И робкихъ радостей, смѣсь вѣры и сомнѣній.
Я въ сумерки вѣковъ рожденъ, когда вокругъ
Съ зарей пугливою боролись ночи тѣни.
Вывало, чуть въ душѣ раздастся пѣсни звукъ,
Какъ слышу голосъ злой: «молчи, поэтъ досужный!
И стань въ ряды бойцовъ: слова теперь ненужны».

Ты лгалъ, о голосъ злой!... Быть можетъ, никогда
Такъ страстно міръ не ждалъ пророческаго слова.
Лишь слово царствуетъ. Мечъ былъ рабомъ всегда.
Лишь словомъ созданъ свѣтъ, лишь имъ создастся снова.
Приди, пророкъ любви! И гордая вражда
Падетъ къ твоимъ ногамъ, и будетъ ждать смиренно,
Что ты прикажешь ей, ты—другъ и царь вселенной!

ИСКУССТВО.

Въ глухой, полночный часъ взгляни на лѣсъ цвѣтущій,
Потомъ въ лучахъ утра на тотъ-же лѣсъ взгляни.
Не тѣ-же-ль предъ тобой шумятъ деревьевъ кущи,
Не тотъ-же-ли ручей лепечетъ въ ихъ тѣни?
Иль утро свѣтлое ручей обогатило
Хотя-бъ одной струей, одною вѣткой—лѣсъ?
Но ты ихъ не узналъ: ихъ солнце освѣтило!
И волны ожили, и каждый листъ воскресъ!
И все, что въ нѣдрахъ тьмы дремало сокровенно,
Ликуя, родилось передъ лицомъ вселенной.

1886.

СОВРЕМЕННОМУ ХУДОЖНИКУ.

Не плачь, коль въ наши дни предъ чистой красотой
Толпа колѣнъ не преклоняетъ.
То—признакъ силы. Море подъ грозой
Лазурь небесъ не отражаетъ.

ПѢСНЯ.

«Я называюсь Красотою,
Я—строгой Истины сестра.
Мы обѣ держимъ надъ землею
Свѣтильникъ счастья и добра.

«Мы—за труды и за невзгоды
Награда высшая, ихъ цѣль.
Нашъ храмъ—земля, жрецы—народы,
И небо—наша колыбель.

«Я называюсь Красотою.
Не плачь, поэтъ: я не больна.
Отъ глазъ сокрытыя грозою,
Не гаснутъ звѣзды и луна.

«Поэтъ! Враговъ моихъ суровыхъ
Не презирай и не кляни.
Пророки словъ живыхъ и новыхъ
И правды воины—они.

«Когда исполнятся надежды,
Герои, распростясь съ войной,
Низложатъ бранныя одежды
И въ прахъ падутъ передо мной.

«Иди въ толпу, и пѣсней гордой
Ей возвѣщай про счастья дни,
Рукой безтрепетной и твердой
Вѣнецъ мой будущій храни.

«Слова правдивыя поэта
Въ пустынѣ, въ сумракѣ ночномъ,
Да будутъ скиніей завѣта,
Да будутъ огненнымъ столпомъ!..»

1879.

СРЕДИ ПОЛЕЙ.

Весенній день. Свѣжо. Равниной гладкой
Чернѣютъ вкругъ убогія поля.
Бредетъ мужикъ за тощею лошадкой,
Ведя соху. Проснись отъ дремы сладкой,
Проснись, о скудная земля!

— Здорово, дѣдъ!—«Спасибо». Молчаливый,
Онъ отошелъ, не обернувъ лица...
Угрюмый сынъ безплодной, чахлой нивы,
Привѣтъ тебѣ, о пахарь терпѣливый,
Привѣтъ отъ грустнаго пѣвца!

Изъ омута столицы развращенной
Къ тебѣ больной и кроткій я пришелъ.
Въ твоей судьбѣ, вѣками отягченной,
Въ твоей тоскѣ, глубоко затаенной,
Я жребій собственный прочелъ.

И я, какъ ты, надъ нивою безплодной
Тружусь всю жизнь—надъ нивою сердецъ.
И на меня за подвигъ благородный
Съ насмѣшкою призрительно—холодной
Глядитъ ликующій глупецъ.

И я, какъ ты, свой трудъ неблагодарный,
Завѣтный трудъ, восторженно люблю.
И я въ душѣ отъ глазъ толпы коварной
На лучшій вѣкъ—свободный, лучезарный,
Надежду робкую таю...

Въ тотъ вѣкъ и мнѣ отъ родины счастливой
Вѣнецъ, быть можетъ, дастся какъ тебѣ...
Угрюмый сынъ безплодной, чахлой нивы,
Привѣтъ тебѣ, о пахарь терпѣливый,
Привѣтъ отъ брата по судьбѣ!

1878.

Въ безчисленныхъ огняхъ сверкаетъ душный храмъ.
Клубами синими восходитъ ѳиміамъ,
Блистаютъ ризы золотыя.
Толпа въ неясный гулъ мольбы свои слила,
А тамъ, надъ сводами, какъ вѣстники святые,
Въ безмолвіи ночномъ гудятъ колокола.

Вотъ громко хоръ запѣлъ о дивномъ искупленьи,
И дрогнули сердца, и дрогнули колѣни.
Какъ-бы слетѣвшіе съ небесъ,
Въ сердца раскрытыя бальзамомъ льются звуки.
Имъ вторятъ всѣ: «Христосъ воскресъ!»
Искуплены грѣхи, и позабыты муки!

Той пѣснѣ лишь одинъ мечтатель молодой
Не внемлетъ: на гранитъ поникъ онъ головой,
И снится сонъ ему отрадный.
Раздался темный сводъ, распался душный храмъ,

И храмъ иной, и храмъ громадный
Предсталъ восторженнымъ очамъ.
Не куполъ сумрачный и тѣсный,
Его объемлетъ сводъ небесный.
И вмѣсто свѣчекъ восковыхъ,
Горятъ на сводахъ вѣковыхъ
Неугасимые узоры,
И вмѣсто каменныхъ колоннъ
Ушли въ лазурный небосклонъ
Снѣгами блещущія горы.

И снится юношѣ: на праздникъ міровой,
Ликуя, въ этотъ храмъ собрался родъ людской.
Грѣхи и страсти злобы дикой
На алтарѣ любви онъ жертвой сжегъ навѣкъ,
И праздникъ новый и великій
Встрѣчаетъ новый человѣкъ.

Вотъ громко хоръ запѣлъ о дивномъ искупленьи,
И дрогнули сердца, и дрогнули колѣни.
Какъ-бы слетѣвшіе съ небесъ,
Въ сердца раскрытыя бальзамомъ льются звуки.
Всѣ вторятъ: человѣкъ воскресъ,
Искуплены грѣхи и позабыты муки.

1877.

РУБИНШТЕЙНУ.

Когда передъ столичною толпою
Выходишь ты, какъ левъ, увѣренной стопою,
И твой небудничный, величья полный видъ
Привѣтствуетъ она восторга громкимъ гуломъ,—
Мнѣ кажется: опять Давидъ
Играть явился предъ Сауломъ...
Явился въ этотъ вѣкъ безумный и больной,
Чтобъ въ гордые умы пролить забвенья чары,
Чтобъ усыпить вражду, чтобъ разогнать кошмары,
Чтобъ озарить сердца надеждой неземной...

И вотъ ты сѣлъ играть, вотъ клавиши проснулись,
И полились, журча, хрустальные ключи.
Отъ мощныхъ рукъ твоихъ горячіе лучи
Ко всѣмъ сердцамъ незримо протянулись,
И растопили въ нихъ заботъ упорный ледъ.
Средь моря бурнаго столицы многолюдной
Ты вдругъ создалъ, какъ богъ, какой-то островъ чудный.

Ты крылья далъ мечтамъ—и молодость впередъ
На этихъ крыльяхъ полетѣла,
Впередъ, въ страну надеждъ, гдѣ силамъ нѣтъ преградъ,
Измѣны нѣтъ въ любви и счастью нѣтъ предѣла.
А старость грустная умчалася назадъ,
Въ заглохшій край воспоминаній,
Невинныхъ слезъ и трепетныхъ признаній.
И высоко надъ бездной суеты,
Прильнувъ къ твоей душѣ, взнеслась душа поэта,
Туда, передъ лицо безсмертной красоты,
Въ эдемъ негаснущаго свѣта.

Ты въ мертвыя сердца огонь любви вдохнулъ,
Ты воскресилъ все то, что опытъ умерщвляетъ.
И молится толпа, и плачетъ, какъ Саулъ,
И геній твой благословляетъ...

1886.

Не мѣсяцъ за его печаль и красоту,
Не солнце за его порфиру золотую,—
Я полюбилъ падучую звѣзду,
Я полюбилъ небесъ изгнанницу больную.

Среди надменныхъ звѣздъ, сверкавшихъ безъ числа,
Горѣвшихъ, какъ вѣнцы, струившихся, какъ рѣки,
Она слезой по небу потекла,
И въ этотъ мигъ ее я полюбилъ на вѣки.

О, жаркая слеза полуночи нѣмой,
Упавшая на грудь холоднаго эфира,—
Куда, куда, объята вѣчной тьмой,
Ты одинокая летишь пустыней міра?..

Мой Геній плачущій, прикованный къ землѣ,
Тебѣ вослѣдъ глядитъ съ молитвой сокровенной:
О, если-бъ и ему блеснуть во мглѣ
И жаркою слезой упасть на грудь вселенной!..

1886.

Снѣжныя главы Кавказа мерещатся въ небѣ лазурномъ
Блѣдной гирляндой, далекимъ воспоминаньямъ подобны.
Видно сквозь дымъ золотистый, какъ хо̀лмы, сомкнувшіе берегъ,
Мелкимъ кудрявятся лѣсомъ и дѣлятся мракомъ ущелій.
Въ сѣти полдневныхъ лучей затихъ городокъ живописный,
Здѣсь кипарисомъ рисуясь, тамъ бѣлымъ кичась минаретомъ.
Парусъ вдали разовѣетъ — и все: отдаленныя горы,
Хо̀лмы, лѣса и ущелья, и городъ, и розовый парусъ,—
Всѣ они внемлютъ, какъ море, лазурно—зеленое море,
Мощнымъ гекзаметромъ оду поетъ и поетъ непрерывно,
Оду о силѣ Господней, оду о дняхъ мірозданья...

1886.

НА КОРАБЛѢ.

Ни думъ, ни тревогъ... Эти дни я живу,
Отдавшись во власть благодѣтельной феѣ.
Здѣсь небо свѣтло, и чѣмъ дальше плыву,
Тѣмъ глубже оно и свѣтлѣе.
Вотъ якорь свободенъ и парусъ надутъ.
Впередъ!—и пусть жемчугъ кипитъ за кормою.
Какъ шейхи, навстрѣчу къ намъ волны идутъ
Зеленыя, съ бѣлой чалмою.
На палубѣ собранъ племенъ маскарадъ:
Кейфуютъ, хохочутъ, бесѣдуютъ шумно...
Рѣчей не пойму я—и вѣрить я радъ,
Что каждое слово разумно.
Ни думъ, ни тревогъ... Я сомнѣнья забылъ
Съ ихъ жгучей тоской, съ ихъ насмѣшкою ѣдкой.
Я темную книгу познанья закрылъ
И яркой любуюсь виньеткой.

1886.

ВЪ ГОРАХЪ.

Здѣсь тучи родятся. На горы взирая,
Здѣсь учится вѣтеръ лѣпить облака.
Отсюда они, какъ изъ стана войска,
Всю землю воюютъ отъ края до края.

И прежде чѣмъ въ дальній умчаться походъ,
Здѣсь часто вкругъ солнца сбираются тучи,
И строятся чинно, и взадъ и впередъ
Безстрашно шагаютъ чрезъ бездны и кручи.

Вотъ въ пурпуръ одѣтый промчался отрядъ,
Вотъ въ сизыхъ доспѣхахъ идутъ исполины.
Все небо въ движеньи, зарницы горятъ,
И солнце, какъ вождь, озираетъ дружины...

1886.

ЗАТИШЬЕ.

Какъ тучки вешнія, обрывки пѣсень таютъ
Сегодня надо мной.
И рифмы звонкія щебечутъ и летаютъ,
Какъ хоры птицъ весной.

Не быть грозѣ весь день. Сегодня вдохновенье
Не снизойдетъ къ пѣвцу, -
И не подвинется завѣтное творенье
Къ желанному концу.

Обрывки думъ и грезъ, блестя, несутся мимо,
Какъ тучки въ свѣтлый день.
И въ дремлющей душѣ царитъ неодолимо
Плѣнительная лѣнь...

1886.

ДО́МА.

Насытилъ я свой жадный взоръ
Всѣмъ тѣмъ, что взоръ считаетъ чудомъ:
Пескомъ пустынь, вѣнцами горъ,
Морей кипящимъ изумрудомъ.

Я пламя вѣчное видалъ,
Блуждая степью каменистой.
Передо мной Казбекъ блисталъ
Своею митрой серебристой.

Насытилъ я свой жадный слухъ
Потоковъ бурныхъ клокотаньемъ
И грозъ полночныхъ завываньемъ,
Когда имъ вторитъ горный духъ.

Но шумомъ водъ и льдомъ Казбека
Насытить душу я не могъ.
Не отыскалъ я человѣка
И не открылся сердцу Богъ...

1886.

Онъ твердою рукой повелъ смычекъ послушный,
И струны дрогнули, и замеръ людный залъ.
Толпѣ, чужой толпѣ, чужой и равнодушной,
Онъ въ звукахъ пламенныхъ и чистыхъ разсказалъ
Души довѣрчивой всѣ тайны, всѣ печали:
Какъ страстно онъ любилъ, какъ сильно онъ страдалъ,
О чемъ онъ на груди возлюбленной рыдалъ,
О чемъ въ тиши ночей мольбы его звучали.

Онъ кончилъ—и похвалъ раздался плескъ и гулъ.
Художникъ! Тотъ-же Богъ, что въ грудь твою вдохнулъ
Мелодій сладостныхъ священную тревогу,
Теперь толпѣ велитъ бѣситься и кричать.
Иди: она зоветъ!—Толпа, и внемля Богу,
Лишь воплями, какъ звѣрь, умѣетъ отвѣчать...

1885.

МОЯ ВѢРА.

Былъ я набожнымъ ребенкомъ,
Вѣрилъ въ Господа, какъ надо,
Что Господь—небесный пастырь
И что мы—земное стадо.

Ахъ, о пастырѣ небесномъ
Я забылъ въ земной гордынѣ,
Но тому, что люди—стадо,
Вѣрю набожно и нынѣ.

1878.

Въ толпѣ людской ожесточенной
Мнѣ снятся мирные луга,
Цвѣты и небо голубое
И тихій ропотъ ручейка.

Такъ отчего-жъ подъ небомъ яснымъ
Томится грудь моя тоской,
И сердце просится и рвется
Туда, туда, къ толпѣ людской?..

1878.

ПОЭТУ.

Не до пѣсень, поэтъ, не до нѣжныхъ пѣвцовъ!
Нынѣ нужно отважныхъ и грубыхъ бойцовъ.
Родъ людской пополамъ раздѣлился.
Закипѣла борьба,—всякій стройся въ ряды,
Въ комъ не умерло чувство священной вражды.
Слишкомъ рано, поэтъ, ты родился!

Подожди,—и разсѣется сумракъ вѣковъ,
И не будетъ господъ, и не будетъ рабовъ,—
Стихнетъ бой, что столѣтія длился.
Родъ людской возмужаетъ и станетъ уменъ,
И спокоенъ, и честенъ, и сытъ, и ученъ...
Слишкомъ поздно, поэтъ, ты родился!

ИСТОРИКУ.

Государства изучая,
Все ты принялъ во вниманье:
Почву, климатъ и науки
Благотворное вліянье.

Лишь одна тобой забыта
Всѣхъ державъ и странъ основа,—
И о глупости народовъ
Въ книгѣ нѣтъ твоей ни слова.

Маленькой, цвѣтущей розой мая
Нѣкогда любовь моя была.
Для тебя, подруга дорогая,
Эта роза нѣжная цвѣла.

Но цвѣтокъ, что въ сердцѣ я лелѣялъ,
Вихорь жизни скоро погубилъ.
Пыль его онъ по—міру развѣялъ,
И съ тѣхъ поръ весь міръ я полюбилъ...

БЕЗСМЕРТІЕ.

Вода и прахъ, эѳиръ и звѣзды—
Все, кромѣ духа человѣка,—
Все въ мірѣ цѣлымъ сохранится
До окончанья вѣка.

Безсильна смерть передъ пылинкой,
Властна надъ гордыми мечтами...
Завидно, сердце? Ахъ, мы скоро
Безсмертны станемъ сами...

Да, народъ, ты великъ, какъ гора—исполинъ,
Чьи ушли въ небеса снѣговыя вершины.
Но, увы, и гора—исполинъ состоитъ
Изъ ничтожныхъ песчинокъ и глины...

ВСЯКОМУ.

Въ поединкѣ съ судьбой, на житейской аренѣ,
Не забудь, что стоишь на виду у друзей.
Это—зрители битвы твоей,
Ты для нихъ—гладіаторъ на сценѣ.

И поэтому, раненый въ храбрую грудь,
Обнаружить не смѣй свою боль и тревогу.
А смертеленъ ударъ,—не забудь
Завернуться красивѣе въ тогу!

1886.

Мнѣ рокъ нанесъ ударъ тяжелый...
Я платье лучшее надѣлъ
И, видъ придавъ себѣ веселый,
Къ друзьямъ ближайшимъ полетѣлъ.

Любя друзей, свой жребій тяжкій
Отъ нихъ спѣшилъ я утаить:
Они такъ рады потужить,
Такъ сострадательны, бѣдняжки!..

ЗАЧѢМЪ?

Мнѣ снилось: въ папахахъ изъ бѣлыхъ снѣговъ
Касалися горы сѣдыхъ облаковъ.
Мнѣ снилось: пришелъ великанъ; какъ лучины,
Онъ началъ ломать вѣковыя вершины.
И робко спросилъ я: «зачѣмъ, великанъ,
Все рушишь и губишь, какъ злой ураганъ?»
Онъ злобно вскричалъ: «мнѣ болтать недосужно,
Чтобъ выростить лѣсъ, это мѣсто мнѣ нужно».

Мнѣ снилось: шумѣлъ на горахъ черный лѣсъ,
Косматою гривой касаясь небесъ.
Мнѣ снилось: пришелъ великанъ; какъ лучины,
Онъ дубы и ели ломалъ, и осины.
И робко спросилъ я: «зачѣмъ, великанъ,
Все рушишь и губишь, какъ злой ураганъ?»
Онъ злобно вскричалъ: «мнѣ болтать недосужно,
Чтобъ выстроить замокъ, мнѣ лѣсъ имѣть нужно».

Мнѣ снилось: тамъ замокъ стоялъ высоко,
И бездны чернѣли кругомъ глубоко.
Мнѣ снилось: пришелъ великанъ; какъ лучины,
Онъ башни ломалъ и швырялъ со стремнины.
И робко спросилъ я: «зачѣмъ, великанъ,
Все рушишь и губишь, какъ злой ураганъ?»
Онъ крикнулъ мнѣ: «брось свои глупыя рѣчи.
Мнѣ надо-жъ размять богатырскія плечи!»

ХРАМЪ.

Видалъ ты пышный храмъ, луною освѣщенный?
Статуи бѣлыя и легкія колонны
Въ сіяньи мирномъ спятъ. Въ оправѣ золотой
За стрѣльчатымъ окномъ сіяетъ ликъ святой.
Вверху кресты зажглись и свѣтятъ, какъ лампады.
И чудится, вкругъ стѣнъ и дремлющихъ колоннъ
Витаетъ кроткій духъ покоя и отрады,
И съ завистью на храмъ глядятъ со всѣхъ сторонъ
И зданій, и дворцовъ тяжелыя громады...

Той позднею порой входилъ ты въ этотъ храмъ?
Тяжелый мракъ виситъ по нишамъ и стѣнамъ,
Какъ пологъ траурный. Лампадки лучъ несмѣлый,
Блуждая, падаетъ на ликъ худой и бѣлый.
Со свода мрачнаго протяжный и глухой
Вдругъ долетаетъ стонъ. Борясь, лучи и тѣни
Рождаютъ призраковъ колеблющійся рой.
И чудится, что слезъ и скорби мрачный геній
Витаетъ и паритъ надъ бездною сырой.

Ты знаешь-ли тотъ храмъ?..

НА ЗАРѢ ЖИЗНИ.

Дивное таинство всюду свершалось.
Міръ былъ живой. Содрогалась трава.
Облако съ облакомъ въ небѣ шепталось.
Вѣтеръ потомъ повторялъ ихъ слова.
Яркія звѣзды надъ рощей толпились,
Внемля со мною ночному пѣвцу...
Звѣзды, какъ слезы, по небу катились,
Слезы, какъ звѣзды, текли по лицу.
Ангелы въ полночь слетали толпою,
Сердце мое раскрывалось, какъ храмъ.
Въ сердце раскрытое легкой стопою
Ангелы шли и молились тамъ...

Дѣтство безпёчное, время блаженное,
Счастье, лишь сердцу невинному внятное,
Дни, когда умъ постигалъ сокровенное
И сокровеннымъ казалось понятное...

Гдѣ тогда жилъ я душой безмятежною?
Что было слышно ей? Что было зримо ей?
Что говорило ей небо безбрежное?
Я-ли былъ въ небѣ, иль небо—въ груди моей?
Мирно я таялъ въ немъ съ тучкою бѣлою.
Бурно леталъ съ облаками летучими.
Облачко дѣлалось грезой несмѣлою,
Думы свободныя дѣлались тучами...
Солнце и сердце встрѣчались—прощалися
Взоромъ любви, какъ два друга старинные...
Сномъ промелькнули вы, сномъ вы умчалися,
Счастье невѣдѣнья, годы невинные!..

Тихо льются слезы, душу омрачая.
Не былыя слезы, не роса живая,
Отъ которой въ сердцѣ пышно разцвѣтали
Грустные восторги, свѣтлыя печали.
Жаль, мнѣ жаль не только дѣтства золотаго,
Жаль останковъ бѣдныхъ счастья молодаго,
Жаль воспоминаній, что въ душѣ, покуда
Не совсѣмъ остывшей, дремлютъ, будто груда
Помертвѣлыхъ листьевъ на пустой аллеѣ,
Съ каждымъ днемъ все ярче, съ каждымъ днемъ—мертвѣе.
Если-жъ онъ предстанетъ—призракъ смерти блѣдной,
Онъ дохнетъ—исчезнетъ все тогда безслѣдно:
Радости и муки, терніи и розы,
Даже эти стоны, даже эти слезы...

ВЪ ПОЛНОЧЬ.

(Кладбище, облитое лунным свѣтомъ. Вдали слышны удары колокола. Смерть въ видѣ чернаго призрака беззвучно опускается на землю).

Смерть.

Чу! Полночь бьетъ... Какъ жница въ знойный день
Идетъ искать живительную тѣнь
Вблизи сноповъ, ея серпомъ сраженныхъ,—
Такъ я, уставъ безъ отдыха косить,
Въ полночный часъ пришла покой вкусить
Среди могилъ, тѣнями населенныхъ.

(Стучитъ косой о могильныя плиты).

Мой властный голосъ васъ зоветъ;
Покиньте душныя гробницы,
И вкругъ меня, своей царицы,
Сомкнитесь въ быстрый хороводъ.

(Призраки поднимаются изъ могилъ и начинаютъ кружиться съ жалобнымъ, едва слышнымъ пѣніемъ).

Призраки.

Насъ когда-то солнце грѣло
Кровь когда-то въ насъ текла.
Солнце — пламенно и бѣло,
Кровь — багряна и тепла.
Возвышались гдѣ-то башни,
Воды шумныя текли,
И сады, луга и пашни
Гдѣ-то радостно цвѣли...

Смерть (облокотившись о могильный памятникъ).

Сегодня, крадучись по рощѣ молчаливой,
Я шопотъ сдержанный услышала въ кустахъ.
Взглянула: юноша могучій и красивый
Сжимаетъ дѣвушку въ трепещущихъ рукахъ.
Такихъ цвѣтущихъ лицъ и тѣлъ упруго-стройныхъ
Давно не видѣлъ день съ пылающихъ небесъ.
Казалось, воздухъ млѣлъ отъ поцѣлуевъ знойныхъ,
И замиралъ кругомъ истомы полный лѣсъ.
Они же, опьянѣвъ отъ сладкаго недуга,
Забыли въ этотъ мигъ про Бога и людей,
Забыли въ этотъ мигъ, быть можетъ, другъ про друга,
Устами жгучими сливаясь все страстнѣй.
И долго сквозь листву я, радуясь, глядѣла
На этотъ пиръ любви, на этотъ праздникъ тѣла.
Ликуйте на своемъ пиру,
Пока легко вамъ жизни бремя.
Настанетъ день, приспѣетъ время:
Я все скошу, я все сберу.

Призраки.

Подъ цвѣтущею землею
Въ безобразной наготѣ
Мы лежимъ, объяты мглою,
Улыбаясь темнотѣ.
Давятъ сумрачные своды,
Черви хищные сосутъ.
Молча внизъ сочатся воды,
Корни влажные ползутъ.

Смерть.

Въ обширной комнатѣ, облитой свѣтомъ скуднымъ,
Тѣснился юношей и женщинъ шумный рой.
Но вотъ замолкли всѣ,—поднялся мужъ сѣдой
И началъ говорить съ одушевленьемъ чуднымъ
О подвигѣ любви, о доблести труда.
Такихъ простыхъ рѣчей, правдивыхъ и скорбящихъ,
Не слышалъ міръ давно, быть можетъ, никогда:
Онѣ въ сердца лились, какъ снопъ лучей палящихъ,
Какъ солнца вешняго животворящій свѣтъ.
Восторгъ, и грусть, и стыдъ на лицахъ выражались,
Недвижные глаза слезами увлажались,
На днѣ души у всѣхъ звучалъ святой обѣтъ.
И, притаясь въ углу, какъ на зайчатъ волчица,
Какъ на гнѣздо птенцовъ голодная змѣя,
Очами жадными глядѣла долго я
На эти кроткія, восторженныя лица.
Тянитесь къ свѣту и добру,
Отважно сѣйте правды сѣмя.

Настанетъ день, приспѣетъ время,
Я все скошу, я все сберу.

Призраки.

Пламя страсти въ насъ пылало
То любовью, то враждой,
Единило, раздѣляло
Предъ разлукой вѣковой.
Если-бъ вѣдать, какъ въ могилахъ
Будетъ тихо и темно!..
Какъ о недругахъ и милыхъ
Позабудется равно!..

Смерть.

Въ пустынной улицѣ мерцавшій огонекъ
Всевидящій мой взоръ во тьмѣ ночной привлекъ.
Подкралась и гляжу: мечтатель одинокій
Съ тетрадью тайной велъ бесѣду горячо.
Я ближе подошла, склонилась чрезъ плечо
И съ жадностью впилась въ рождавшіяся строки:
То былъ горячій гимнъ безсмертію души...
Онъ такъ ликующе звучалъ въ ночной тиши,
Его творецъ горѣлъ такой отвагой вѣщей,—
Побѣда въ голосѣ, во взорѣ торжество!..
Не видѣлъ онъ, что Смерть съ улыбкою зловѣщей
На косу опершись, взираетъ на него.
Я все должна пожрать въ подвластной мнѣ вселенной,
Все то, что смѣетъ жить, кичась передо мной;—
Но кто къ безсмертію взываетъ дерзновенно,

Тотъ—лакомство мое, тотъ—сладкій нектаръ мой!
И, какъ тучнѣйшая овца владѣльцу стада,
Еще при жизни онъ глазамъ моимъ отрада.
Я все смету, я все пожру—
И листъ, и цвѣтъ, и плодъ, и сѣмя.
Настанетъ день, приспѣетъ время,—
Я все скошу, я все сберу.

(Призраки сбиваются въ кругъ и шепчутся между собой).

1-й Призракъ.

Помню я грозу сраженій,
Топотъ коней, блескъ знаменъ.
Вы не знаете-ли, тѣни,
Кто я былъ и кѣмъ рожденъ?..

2-й Призракъ.

Снится мнѣ толпа безъ счета,
Рядъ ступеней, столбъ, топоръ...
Умирать я шелъ за что-то,
Но за что, забылъ съ тѣхъ поръ...

3-й Призракъ.

Въ глубинѣ моей могилы,
Въ тишинѣ моихъ ночей
Робко плачетъ голосъ милый,
Но—увы—не помню чей...

Смерть.

Довольно отдыхать... Созвѣздье колесницы
Склонилось къ западу, окутанному мглой.

Встаетъ надъ рѣчкой паръ... Чу! Летитъ сонной птицы...
Вотъ нѣжный вѣтерокъ пронесся надъ землей,
Какъ облегченья вздохъ... Такъ женщина вздыхаетъ.
Когда всю ночь, застывъ отъ страсти и тоски,
Возлюбленнаго ждетъ и каждый мигъ считаетъ,
И вдругъ вдали, вдали заслышала шаги...

(Въ экстазѣ).

Явись, красавецъ день, раскрой свои объятья,
Обвѣй лицо земли дыханіемъ огня!
Воспламени въ ней грудь восторгами зачатья:
Пусть жертвы новыя рождаетъ для меня!
Низриньте, нѣдра тучъ, шумящіе потоки
Въ утробу теплую обсѣмененныхъ нивъ,
Чтобъ стебли, и листы, и корни напоивъ,
Разлились внизъ и вверхъ живительные соки!
Вы, почки твердыя, вы, чашечки цвѣтовъ,
Откройтесь для любви въ стыдливомъ упоеньи!
Вы, рои пестрые влюбленныхъ мотыльковъ,
Спѣшите выпить ядъ воздушныхъ наслажденій!
И ты воспрянь отъ сна, земли мятежный царь,
И рѣчью огласи покорную природу.
Исполни цѣль временъ: бросай на мой алтарь
Добро и красоту, и разумъ, и свободу!
Пой гимны, проклинай, люби, питай вражду!
Спасайся отъ меня, не находя спасенья...
Забыть меня стремись, не вѣдая забвенья...
Иду, звеня косой, на жатву я иду!

(Улетаетъ. Призраки исчезаютъ съ тихимъ стономъ. Брежжетъ утро).

Какъ сонъ, пройдутъ дѣла и помыслы людей.
Забудется герой, истлѣетъ мавзолей
И вмѣстѣ въ общій прахъ сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
Какъ съ аспидной доски ненужныя слова,
Рукой невѣдомой сотрутся.

И ужъ не тѣ слова подъ тою же рукой—
Далеко отъ земли, застывшей и нѣмой—
Возникнутъ вновь загадкой блѣдной.
И снова свѣтъ блеснетъ, чтобъ стать добычей тьмы,
И кто-то будетъ жить не такъ, какъ жили мы,
Но такъ, какъ мы, умретъ безслѣдно.

И невозможно намъ предвидѣть и понять,
Въ какія формы Духъ одѣнется опять,
Въ какихъ созданьяхъ воплотится.
Быть можетъ, изъ всего, что будитъ въ насъ любовь,
На той звѣздѣ ничто не повторится вновь...
Но есть одно, что повторится.

Лишь то, что мы теперь считаемъ праздным сномъ—
Тоска неясная о чемъ-то неземномъ,
Куда-то смутныя стремленья,
Вражда къ тому, что есть, предчувствій робкій свѣтъ
И жажда жгучая святынь, которыхъ нѣтъ,—
Одно лишь это чуждо тлѣнья...

Въ какихъ бы образахъ и гдѣ бы средь міровъ
Ни вспыхнулъ мысли свѣтъ, какъ лучъ средь облаковъ,
Какія-бъ существа ни жили,—
Но будутъ рваться вдаль они, подобно намъ,
Изъ праха своего къ несбыточнымъ мечтамъ,
Грустя душой, какъ мы грустили.

И потому не тотъ безсмертенъ на землѣ,
Кто превзошелъ другихъ въ добрѣ или во злѣ,
Кто славы хрупкія скрижали
Наполнилъ повѣстью, безцѣльною, какъ сонъ,
Предъ кѣмъ толпы людей—такой же прахъ какъ онъ—
Благоговѣли иль дрожали.

Но всѣхъ безсмертнѣй тотъ, кому сквозь прахъ земли
Какой-то новый міръ мерещился вдали—
Несуществующій и вѣчный,
Кто цѣли неземной такъ жаждалъ и страдалъ,
Что силой жажды самъ миражъ себѣ создалъ
Среди пустыни безконечной.

СМЕРТЬ КАЯ ГРАККА.

СМЕРТЬ КАЯ ГРАККА.

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Храмъ Кастора, освѣщенный факелами. **Консулъ Опимій, Квинтъ Метеллъ** и др. **сенаторы**, всѣ вооруженные, размѣстились на ступеняхъ храма и на полу. Разговоръ полушепотомъ. Послѣ условнаго стука въ дверь одинъ за другимъ входятъ **клієнты**, а за ними **Септимулей**.

1-й клієнтъ.

Приказъ отцовъ сенаторовъ исполненъ:
Ужъ всадники сѣдлаютъ лошадей,
Снабдивши каждый двухъ рабовъ оружьемъ,
И ждутъ утра, чтобы выступить на площадь.
Вездѣ звучатъ проклятья Каю Гракху.

Кв. Метеллъ.

Въ послѣдній разъ клянутъ его живаго.

2-й клієнтъ.

Децимусъ Брутъ съ когортою стрѣлковъ
Вступаетъ въ Капитолій.

Консулъ.

Тихомолкомъ?

2-й клиентъ.

Украдкою, какъ волки на добычу.

Кв. Метеллъ.

На этотъ разъ добыча не уйдетъ.

Септимулей (входя).

Привѣтъ отцамъ-сенаторамъ. Возможно-ль?
Верхушки римской знати—на землѣ!

Консулъ.

Что нужно?

Септимулей.

Вотъ вопросъ, который трудно
Мнѣ разрѣшить, желудка не спросясь.
Мнѣ нужно... ну, хоть сладкаго винца
Съ хіосскимъ пополамъ, а на закуску
Дроздочка пожирнѣй иль тибрской щучки.

Сенаторъ.

Всегда шутить—призванье паяца.

Септимулей.

А вы, отцы, небось, отчизной сыты?
Не правда-ль, консулъ, ты, чьи вина въ славѣ

Съ тобой самимъ поспорить-бы могли?
Великій мужъ и первый между гражданъ
Не чердакомъ, такъ погребомъ навѣрно?

Кв. Метеллъ.

Какъ ты узналъ, гуляка безпросыпный,
Гдѣ мы теперь? Ужель ужъ на Велабрѣ
Въ тавернахъ всѣхъ провѣдали о томъ?

Септимулей.

На этотъ разъ ударилъ молотъ мѣтко.
Я прямо изъ таверны, гдѣ хозяинъ
Цѣдитъ устами сладкое винцо,
Θазійскаго хрустальнѣе и крѣпче, —
Винцо, предъ которымъ рѣчь твоя —
Лишь кислая водица. Я—отъ Гракха.

Голоса.

Отъ Гракха?—Что онъ?—Знастъ ли онъ, гдѣ мы?

Септимулей.

Гдѣ въ Римѣ тотъ, кто этого не знаетъ?
Пока вы тутъ сидите въ темнотѣ,
Вскипѣлъ, какъ въ сатурналіи, весь городъ.
Нарушенъ сонъ, покинуты постели, —
Народъ бѣжитъ вдоль улицъ и вопитъ —
Живой потокъ смятенья, гнѣва, страха.

Кв. Метеллъ.

Бѣжитъ—куда?

Септимулей.

Къ любимцу, къ божеству.
«Въ опасности трибунъ!» вотъ кличъ немолчный,
Что, словно громъ, теперь гудитъ надъ Римомъ.

Кв. Метеллъ.

У сволочи плебейской грома нѣтъ.

Консулъ.

Что-жъ Гракхъ? Созвалъ народъ на Авентинъ?

Септимулей.

Чудесному вотъ тутъ-то и начало.
Онъ дома и—клянусь вамъ головой—
На площадь завтра выйдетъ безоружный...

Кв. Метеллъ.

Иль онъ, иль ты—но кто нибудь помѣшанъ.

Консулъ.

Да трезвъ ли ты?

Септимулей.

Трезвѣе, чѣмъ ребенокъ,
Еще ни разу груди не вкусившій.
Въ умѣ-ли Гракхъ,—вы сами посудите.
Въ кругу друзей сидѣлъ я у него.
Тутъ были всѣ: развалина Помпоній,
Леторій безбородый, Кай Люцилій,

Карбонъ, Папилій, Люцій и другіе.
Не мало я намековъ проглотилъ,
И взоровъ ядовитыхъ, и улыбокъ.
Мелькнуло даже слово: «соглядатай».
Но я сидѣлъ спокойно, огражденъ
Отъ ихъ вражды довѣрчивостью Гракха.
Бесѣда шла, кончено, все о томъ же:
О счетѣ голосовъ, о погребеньи
Антуллія. Пророчили, кричали.
Одинъ лишь Гракхъ задумчивый сидѣлъ,
Загадочный, безмолвный, неприступный.
Уже друзья сбирались уходить,
Вдругъ вороны—гонцы слетаться стали,
И Гракхъ узналъ, что вы въ засадѣ—здѣсь,
Что наводненъ стрѣлками Капитолій,
Что всадники сѣдлаютъ лошадей.

Кв. Метеллъ.

Будь проклята преступная болтливость!

Септимулей.

На улицахъ межъ тѣмъ народъ, какъ море,
Все прибывалъ, и вотъ одна толпа,
Какъ на берегъ волна передовая,
Ворвалась въ домъ, и граждане нескладно,
Но въ пламенныхъ и яркихъ выраженьяхъ,
Которыя рождаетъ только страсть,
Клялись трибуну въ вѣрности, любви,
На Авентинъ вести ихъ умоляли,
Всю сердца кровь...

Кв. Метеллъ (прерывая).

Въ колчанахъ у стрѣлковъ
Лежатъ ключи отъ ихъ сердецъ трусливыхъ.

Консулъ.

Что-жъ Гракхъ?

Септимулей.

Благодарилъ и отпустилъ.
Тогда друзей объяло безпокойство.
Стремительно вскочивъ, юнецъ Леторій
Сталъ убѣждать скорѣе храмъ Діаны
И храмъ Меркурія, и храмъ Луны
Въ твердыни превратить, а циркъ, ворота
И мостъ занять толпой вооруженной.
Тутъ всѣ друзья столпились вкругъ трибуна:
«Иди, зови, повелѣвай, начальствуй!
Но торопись—торопится судьба!»

Консулъ.

Что-жъ молвилъ Гракхъ?

Септимулей.

Не снизошелъ бороться
Съ такой старушкой дряхлой, какъ судьба.
На всѣ мольбы онъ отвѣчалъ молчаньемъ.
Тогда заговорилъ старикъ Помпоній.
Не торопясь, какъ будто про себя,
Онъ сталъ припоминать дѣла былыя.

Припомнилъ онъ, какъ ровно лѣтъ двѣнадцать
Тому назадъ, въ томъ самомъ домѣ, ночью
Горячій споръ съ друзьями велъ Тиберій,
Братъ Кая—«старшій днями, младшій духомъ»:—
Друзья боялись замысловъ сената,
Тиберій-же въ любовь народа вѣрилъ.
Потомъ Помпоній разсказалъ неспѣшно,
Какъ ночь прошла и день насталъ зловѣщій.
Онъ не забылъ изобразить, какъ солнце
Въ то утро роковое поднялось—
«Кровавое, какъ факелъ Немезиды», —
Какія боги знаменья послали
Трибуну на пути его на форумъ,
И какъ онъ, вѣрой въ преданность народа
Безумно ослѣпленъ, богамъ не вѣрилъ.
Затѣмъ старикъ, все больше оживляясь,
Изобразилъ объятый бурей форумъ,
Трибуна рѣчь, — «звучавшую, какъ громъ
На взморьѣ въ часъ грозы», — вооруженныхъ
Сенаторовъ внезапное явленье,
Презрѣнное предательство народа,
Тиберія, покинутаго всѣми,
Его проклятья Риму, бѣгство, смерть...
Старикъ повѣствовалъ, и всѣ внимали
Съ невольнымъ содроганіемъ. Казалось,
Что онъ въ истертой книгѣ дѣлъ былыхъ
Грядущее читалъ, какъ Сибилла.
Когда-жъ онъ кончилъ рѣчь и всѣ молчали,
Поднялся Гракхъ и твердо произнесъ:
«Одно изъ двухъ. Или народъ — ребенокъ,

«Тогда былъ правъ сенатъ, убивши брата,
«Который власть надъ Римомъ и надъ міромъ
«Хотѣлъ вручить ребенку. Иль народъ
«Достоинъ счастья, власти и свободы —
«Тогда зачѣмъ бояться намъ сената?»
И, помолчавъ, прибавилъ: «нѣтъ, Помпоній!
«Врагамъ людей идетъ презрѣнье къ людямъ,
«Друзьямъ-же ихъ приличествуетъ вѣра.
«Разъ ошибиться можетъ всякій, дважды —
«Безумецъ, иль дитя. Вотъ почему
«Погибель брата мнѣ—залогъ побѣды.
«Не смерть его,—онъ умеръ славной смертью,—
«Но жизнь, дѣла о мести вопіютъ.
«Когда народъ, загладивъ день позора,
«Тиберія любви достоинъ станетъ,—
«Лишь въ этотъ день Тиберій отомщенъ!
«И такъ, мое рѣшенье неизмѣнно:
«Не буду защищаться»...

Кв. Метеллъ.

Но кого-жъ
Онъ ждетъ себѣ въ защитники?

Септимулей.

Народъ. (Сенаторы смѣются).

1-й сенаторъ.

Коль хочетъ онъ предъ смертью насладиться
Прекраснымъ бѣгомъ взапуски, народъ
Придется кстати.

2-й сенаторъ.

Также для того,
Чтобы въ аидъ явиться не безъ свиты.

3-й сенаторъ.

Чтобъ не скучать въ гостяхъ у тибрскихъ рыбъ.

Кв. Метеллъ.

Юпитеръ! Вижу: ты мольбы услышалъ
И Гракха намъ предашь, коль предъ бѣдой
Его лишилъ ты разума.

Септимулей.

Но, право,
Онъ говорилъ, какъ слѣдуетъ герою...

Кв. Метеллъ.

Какъ лужа грязи солнце отражаетъ,
Такъ иногда въ преступникахъ гнуснѣйшихъ
Какое-то геройство вдругъ блеснетъ.
По счастью, ихъ геройство это губитъ.

Септимулей

А вдругъ народъ заступится за Гракха?

Кв. Метеллъ.

Стрѣляютъ мѣтко критскіе стрѣлки.

Септимулей.

Все-жъ мудрость не мѣшаетъ. Отъ рожденья
Безпеченъ я, но иногда, нежданно,

Зачатая средь винныхъ испареній,
Выходитъ мысль изъ головы моей
Разумная, какъ новая Минерва.
Я Римъ люблю и помню родъ свой знатный—
И потому пришелъ сюда.—Оппій!
За мой совѣтъ, коль будетъ онъ одобренъ,
Согласенъ ли ты погребъ свой открыть
Мнѣ до утра?

Консулъ.

Согласенъ.

Септимулей.

Что вы праздно
Сидите здѣсь, тревожа Діоскуровъ,
Межъ тѣмъ, какъ Римъ весь до верху кипитъ,
Какъ надъ огнемъ горшокъ? Когда хотите,
Чтобъ въ томъ горшкѣ сварилось завтро блюдо
По вкусу вамъ, скорѣй въ него бросайте
Всѣ нужныя коренья. Ахъ, отцы,
Будь у меня лишь треть кліентовъ вашихъ,
Сюда-бъ сейчасъ призвалъ я самыхъ ловкихъ,
Съ кривой душой и гладкимъ язычкомъ.
И всѣхъ бы ихъ по Риму разогналъ,
Пускай народъ смущаютъ хитрой рѣчью.

Кв. Метеллъ.

Мысль не дурна. Пусть распускюатъ слухи,
Что Гракхъ искалъ вѣнца.

Септимулей.

Старо̀, старо̀.
И, главное, правдоподобно слишкомъ.
Нѣтъ, тутъ нужна нелѣпость, да поярче
И пострашнѣй, чтобъ въ головы глупцовъ
Ударилъ ужасъ, шевеля не мысли,
А волосы. Слыхалъ я, напримѣръ,
Что въ Африкѣ гіены разметали
Ограду вкругъ колоніи, той самой,
Что дерзкій Гракхъ замыслилъ основать
На мѣстѣ Кароагена, на землѣ,
Проклятьемъ вѣчнымъ проклятой богами.
Скорѣй, отцы, скорѣй гіенъ пустите
Гулять въ народъ—и чудеса, повѣрьте,
Онѣ не хуже шерровыхъ слоновъ
Вамъ натворятъ во мракѣ.

(Сенаторы смѣются).

Консулъ.

Заслужилъ ты
Свое вино.

Септимулей.

Чтобъ заслужить закуску,
Еще совѣтъ я дамъ тебѣ. Пусть утромъ,
Предъ тѣмъ какъ Брутъ стрѣлять стрѣлкамъ прикажетъ,
Кричатъ рабы,—поболѣе рабовъ:—
«Пощада всѣмъ, кто до начала битвы
«Оставитъ Гракха». Этимъ разобщишь
Народъ съ вождемъ.

Кв. Метеллъ.

Зачѣмъ ты такъ безпутенъ!

Септимулей.

Еще совѣтъ я дамъ, пожалуй, даромъ.
Коль хочешь ты не только разобщить
Толпу съ вождемъ, но и связать ихъ вмѣстѣ—

Консулъ.

Связать?

Септимулей.

Связать, какъ плаху и злодѣя...
Тогда... Ахъ, знаю, средство это пошло,
Но все-жъ оно вѣрнѣйшее, какъ то,
Что женщину подарками прельщаютъ...
Тогда назначь за голову его
Награду, но награду пожирнѣй,
Хоть золотомъ по вѣсу...

Консулъ.

Кто изъ гражданъ
На голову трибуна посягнетъ?

Септимулей.

Всѣ тѣ, кто любитъ золото.

Кв. Метеллъ.

Онъ правъ.
Мнѣ кажется, Септимулей намѣренъ
Слѣдить за Гракхомъ завтра неотступно.

Септимулей.

На что мнѣ столько золота? Иду.
Дай знакъ условный въ погребъ.

Консулъ.

Я сегодня
Амфору аминейскаго открылъ.
При томъ былъ Друзъ.

Септимулей.

Чтобъ подурачить черни,
Пожалуй, самъ пойду, переодѣтый,
Часокъ—другой по улицамъ бродить. (Уходитъ).

Кв. Метеллъ.

Такъ преступленье ловится измѣной.
Какъ рыба червякомъ.

Консулъ.

О, Боги! Если
Я голову увижу Кая Гракха,
Даю обѣтъ—свидѣтель мнѣ сенатъ—
Обширный храмъ Согласію построить.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ домѣ Гракховъ. **Кай Гракхъ** спитъ тревожнымъ сномъ. По временамъ слышны его глубокіе вздохи. Одинъ за другимъ, являясь и исчезая, проходятъ передъ нимъ слѣдующіе призраки.

Призракъ Спурія Кассія.

Изъ сумрачныхъ жилищъ боговъ подземныхъ
Подъ кровъ небесъ, столь милый для очей,
Явился я, подвигнутъ сожалѣньемъ
Къ тебѣ, Кай Гракхъ, воитель благородный,
Мой славный братъ по горестной судьбѣ.
И я когда-то въ Римѣ процвѣталъ
Богатствомъ, блескомъ предковъ знаменитыхъ,
Всего-же больше славой. Дважды Римъ
Видалъ меня въ златообшитой тогѣ,
Вступавшаго съ тріумфомъ пышнымъ. Трижды
Сжигалъ богамъ я консульскую жертву.
Но славы блескъ меня не ослѣпилъ,
А кроткія и радостныя чувства
Росли въ душѣ, согрѣтой долгимъ счастьемъ.
Когда-жъ достигъ я склона свѣтлыхъ дней,
Вдругъ страстная мечта мной овладѣла,—
Чтобъ не было въ любезномъ сердцу Римѣ
Голоднаго иль бѣднаго квирита.
И пожелалъ предъ смертью я увидѣть
Свою мечту исполненной.—Глупецъ!
Не вѣдалъ я, ребенокъ посѣдѣлый,
Что лютую ехидну безопаснѣй
Прижать къ груди, чѣмъ полюбить народъ.

Не долго я дышалъ его любовью.
Онъ клеветѣ враговъ своихъ повѣрилъ
И на меня, какъ звѣрь, взбѣшенный лаской,
Прыгнулъ, рыча, и грудь мнѣ растерзалъ.
И я погибъ, шепча ему проклятья!
Не вѣрь, Кай Гракхъ, не вѣрь любви народа!

(Исчезаетъ).

Призракъ Спурія Мелія.

Въ безвѣстности, среди семьи любезной,
И радуясь богатству, я провелъ
Дни юности и возмужалъ, хранимый
Пенатами и Вестой, объ одномъ
Молясь богамъ—о старости спокойной.
И мирно-бы я кончилъ мирный вѣкъ,
Но доброе меня сгубило сердце.
Несчастный годъ послали боги. Солнце,
Хоть знойное, оставило безплодной
Пылавшую Цереру. Съ каждымъ днемъ
Хлѣбъ дорожалъ и приближался голодъ.
Зачѣмъ тогда, Юпитеръ, въ жесткій камень
Не превратилъ ты сердца моего!
Зачѣмъ въ душѣ живетъ святая жалость!
Увы! Зачѣмъ народъ я пожалѣлъ
И передъ нимъ открылъ амбары съ хлѣбомъ!
О, горе мнѣ! Восторгъ объялъ весь Римъ,
Меня народъ благословлялъ. И зависть,
И стыдъ въ сердцахъ сенаторовъ зажглись.
Безвинно оклеветанъ предъ отчизной,
На улицѣ, среди толпы, какъ воръ,

Безславную себѣ нашелъ я гибель.
И за меня народъ не заступился,—
Но весь мой домъ и всѣ абмары съ хлѣбомъ
Разграбилъ, какъ военную добычу...
Не вѣрь, Кай Гракхъ, не вѣрь любви народа.

(Исчезаетъ).

Призракъ Марка Манлія.

Я высшее вкусилъ при жизни счастье,
Для смертнаго доступное: я спасъ
Отчизну. Въ ночь, когда все войско спало
И варвары замыслили погибель
На замокъ,—на оплотъ послѣдній Рима,
Лежавшаго въ развалинахъ кругомъ,—
Въ ту ночь, внезапно Марсомъ разбуженный,
Я всталъ и спасъ твердыню. Но увы!
Я, спасшій Римъ отъ варваровъ далекихъ,
Погибъ, когда отъ варваровъ своихъ
Спасти замыслилъ Римъ порабощенный.
Извѣдалъ я, что въ мірѣ есть оружье,
Смертельнѣе отравленной стрѣлы,
Острѣй меча и тяжелѣй тарана.
Мнѣ клевета пронзила грудь, такъ часто
Стрѣлами пощаженную враговъ.
Оклеветавъ, сенатъ велѣлъ народу
Меня судить, предалъ толпѣ жестокой,
Еще вчера мнѣ преданной. Онъ зналъ,
Что низкіе великихъ дѣлъ не помнятъ.
Но былъ одинъ, кто помнилъ ихъ. То—замокъ,
Спасенный мной. Нѣмой, бездушный камень

Былъ благородиѣй каменныхъ сердецъ.
Сенатъ скалы боялся! Клеветою
Ея одной не могъ онъ подкупить—
И судьбище устроилъ тамъ, откуда
Не видно замка.... Былъ я осужденъ
И пожалѣлъ, съ Тарпеи незвергаемъ,
Что—глупый—самъ отъ гибели избавилъ
Жестокій Римъ, лишь гибели достойный.
Не вѣрь, Кай Гракхъ, не вѣрь любви народа.

(Исчезаетъ).

Призракъ Тиберія Гракха.

Мой милый братъ! Узналъ ли ты меня?
Тиберія узналъ ли блѣдный призракъ?
Гляди, какъ скорбь черты мои затмила.
Съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ свѣтлый міръ,
На берегахъ печальныхъ Ахерона
Нѣтъ призрака печальнѣе, чѣмъ я.
Все снится мнѣ смятенный Капитолій
И Люцій Руфъ съ подъятою рукой,
А тамъ, вдали, толпа бѣгущихъ гражданъ...
Когда порой страданія свои
Я воплями иль плачемъ облегчаю,
Со всѣхъ концовъ далекаго аида
Слетается несчетный рой тѣней,
Столь жгучею тоскою изумленныхъ.
— Кто ты?—онѣ, жалѣя, вопрошаютъ:
Свершилъ ли ты при жизни преступленье
Ужасное, пугающее слухъ,
И осужденъ раскаяваться вѣчно,

Межъ тѣмъ какъ міръ клянетъ твое названье?
Покинулъ ли на радостной землѣ
Ты въ нищетѣ и горѣ милыхъ сердцу?
Иль, можетъ быть, ты умеръ одинокій?
Среди людей всѣхъ злополучнѣй тотъ,
Кто никому при жизни не былъ нуженъ,
Кто умеръ, неоплаканный никѣмъ...
— «Нѣтъ, призраки, на то имъ отвѣчаю.
Я не совсѣмъ безвѣстный прожилъ жизнь,
Не въ нищетѣ покинулъ милыхъ сердцу,
Преступныхъ дѣлъ иль злыхъ не совершалъ.
Но съ дѣтскихъ дней учился воздержанью,
Смирялъ страстей губительную мощь
И чистое, и любящее сердце
Хранилъ въ груди—не для себя, для всѣхъ.
Я голодалъ съ голодными, за плугомъ
Въ глухихъ цѣпяхъ съ рабомъ я изнывалъ
И ликовалъ съ довольнымъ земледѣльцемъ.
И не было страдальца, за кого
Я не страдалъ, лишь кромѣ пресыщенныхъ.
Но за любовь воздали мнѣ измѣной,
И въ смерти часъ, нежданно наступившій,
Любовь моя вдругъ ненавистью стала
Столь пламенной, какъ и была сама.
И понялъ я, что больше правъ жестокій,
Чѣмъ тотъ, кто добръ, преступникъ, чѣмъ судья,
Бичъ міра, чѣмъ защитникъ простодушный.
И пожалѣлъ, что молодости годы
Не посвятилъ забавамъ молодымъ,
Не притѣснялъ, не мучилъ, не глумился.

Вотъ отчего я страшно такъ скорблю».
И призраки, такой отвѣтъ услыша,
Въ безмолвной грусти отлетаютъ прочь,
И вновь одинъ терзаюсь я о прошломъ.
Но больше, чѣмъ о прошломъ, о тебѣ,
Мой милый Кай, скорблю я безпрестанно.
Твоя судьба—сестра моей судьбѣ,
Какъ ты—мой братъ. Я ждалъ ея съ боязнью,
Но все же ждалъ: томиться одному
Мнѣ тяжело въ аидѣ безпредѣльномъ.
Теперь мнѣ ждать недолго: часъ насталъ,
И знойный Фебъ, что̀ въ этотъ мигъ восходитъ
Нахмуренный, какъ въ тотъ зловѣщій день,
Еще волны студеной не коснется,
Какъ чорный Стиксъ твой ликъ ужъ отразитъ.
И будемъ мы блуждать въ аидѣ вмѣстѣ,
Бесѣдуя о дѣтствѣ и скорбя,
Что не дѣтьми туда переселились.
И до земли нашъ горькій плачъ домчится,
И средь земныхъ печальнѣйшихъ сказаній,
Печальнѣй всѣхъ останется разсказъ
О жизни и кончинѣ благородной
Семпроніевъ—Тиберія и Кая.
Прощай, мой братъ! Я жду тебя. Прощай... (Исчезаетъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

На улицѣ, передъ домомъ Гракха. Народъ въ разнообразныхъ группахъ. Слабо свѣтаетъ.

СЕПТИМУЛЕЙ (входитъ переодѣтый).

Доброй ночи, граждане! А кто думаетъ, что теперь не поздно, но рано, тому добраго утра. Берегитесь! Берегитесь! Не проходилъ ли тутъ кто-нибудь, возбуждая васъ противъ Гракха? Не болталъ ли кто, что Гракхъ ищетъ вѣнца или другія нелѣпости?

1-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Да мы бы такого болтуна заставили болтать ногами.

СЕПТИМУЛЕЙ.

То-то-же. Я и говорю: берегитесь! Переодѣтые негодяи,—все кліенты сенаторовъ,—шляются по городу и возмущаютъ народъ разными баснями. Это вѣрно, какъ то, что я стою передъ вами. Они такъ ловко заводятъ рѣчь, что ихъ и не узнаешь. Боюсь даже, не затесался ли между вами такой бродяга.

2-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Мы всѣ знаемъ другъ друга, а ты кто такой?

СЕПТИМУЛЕЙ.

Боги! Возбуждать народъ противъ Гракха! Противъ него, который любитъ народъ больше, чѣмъ мать первенца и отецъ

свое послѣднее дитя. И не дерзость ли! Они думаютъ, что стоитъ имъ переодѣться, да наточить свой язычекъ, чтобы вы не разглядѣли ихъ чорныхъ душенокъ. Простые, молъ, люди: повѣрятъ всякой небылицѣ.

2-й гражданинъ.

Мнѣ что-то не нравится, какъ кривляется этотъ паяцъ изъ Ателланы.

Септимулей.

Ошибаешься, добрый человѣкъ! Я только похожъ на твоего земляка. Я—купецъ изъ Калеса, пріѣхалъ изъ Африки на кораблѣ, который привезъ Гракха.

1-й гражданинъ.

Тише, горланы! Разскажи намъ что-нибудь о немъ.

Септимулей.

Разсказывать о Гракхѣ? Да развѣ я—Гракхъ? Чтобы разсказать, какъ Гракхъ любитъ народъ, нужно обладать краснорѣчіемъ Гракха. Чтобы любить Гракха за его любовь къ народу, нужно имѣть сердце Гракха. Не смотрите, что я говорю такъ нескладно. Я лукавить не мастеръ, что на душѣ, то на языкѣ. Меня и дома всѣ зовутъ: простакъ Септимъ, или добрякъ Септимъ. Если кто изъ васъ будетъ въ Калессѣ, милости просимъ, такъ и спрашивайте: гдѣ живетъ этотъ простакъ Септимъ, и всякій мальчишка укажетъ мой домъ. Эй, ты, кто ты тамъ, сапожникъ или валяльщикъ, почему такъ подозрительно пялишь глаза? Безпокоитъ меня этотъ человѣкъ. Добрые люди,

какъ вы и я, не боятся другъ друга, а сразу довѣряютъ. Такъ ли я говорю? Кто пьянъ, передъ тѣмъ все пляшетъ.

3-й гражданинъ.

Оставь его въ покоѣ. Это продавецъ овощей, мой сосѣдъ. Говори лучше о Гракхѣ.

Септимулей.

Если овощи его также источены червями, какъ его сердце дурными мыслями, то не совѣтую покупать у него. Охъ, горятъ пятки. Всю ночь рыскаю по улицамъ и предупреждаю добрыхъ людей. Что же вамъ сказать о Гракхѣ? Я видѣлъ, какъ онъ въ Африкѣ устраивалъ новую колонію, для кого? для васъ же, для бѣдныхъ гражданъ. Построилъ онъ ее на мѣстѣ, гдѣ былъ Карѳагенъ. Почему? потому что земля тамъ плодороднѣе. Его и пугали, и стращали, будто мѣсто это проклято на вѣчныя времена, чтобы на немъ не было ни города, ни селенія, ни поля, ни выгона. И что же Гракхъ? Онъ сказалъ, пусть проклята земля, но народъ благословенъ, и заложилъ колонію.

1-й гражданинъ.

Въ Италіи нѣтъ болѣе свободной земли.

Септимулей.

То же повторялъ Гракхъ. Прибѣгаютъ жрецы и говорятъ: Кумская Кибела пророчитъ гибель Риму, если будетъ отстроенъ Карѳагенъ. И что же Гракхъ? Онъ, смѣясь, спросилъ, написано ли у Кумской Кибелы, какъ накормить голодныхъ

гражданъ? Благо народа онъ почелъ важнѣе всякихъ изрѣченій и знаменій.

1-й гражданинъ.

О какихъ ты говоришь знаменіяхъ?

Септимулей.

О всѣмъ извѣстныхъ. Вы, конечно, слыхали. У насъ о нихъ только и было рѣчи. Я говорю о птицахъ.

3-й гражданинъ.

Разскажи, мы не знаемъ.

Септимулей.

Неужели? Вы не знаете, что съ самаго дня, какъ огородили мѣсто подъ колонію, никто изъ жрецовъ не видалъ птицы съ правой руки? Многія же птицы на лету умирали и, мертвыя, падали за ограду. И что же Гракхъ? Онъ сказалъ: пусть лучше умираютъ птицы, нежели граждане. О знаменіи съ травой и толковать нечего, кто о немъ не слыхалъ?

1-й гражданинъ.

Клянусь Геркулесомъ, въ первый разъ слышу.

Септимулей.

Какъ? Не слыхалъ, что каждое утро трава въ огороженномъ мѣстѣ покрывалась кровавою росою?

1-й гражданинъ.

Кровавая роса... Однако это странно и страшно.

Септимулей.

Кля насъ страшно, но любовь Гракха къ народу не такъ-то легко поколебать. Такъ вы, можетъ быть, и не знаете о гіенахъ?

3-й гражданинъ.

О какихъ гіенахъ?

Септимулей.

О какихъ гіенахъ? Право, мнѣ кажется, вы насмѣхаетесь надъ чужестранцемъ. Впрочемъ, если такъ, васъ накажетъ Веста. Простакъ Септимъ всѣмъ вѣритъ. Мнѣ и мать говорила: погубитъ тебя твоя довѣрчивость.

1-й гражданинъ.

Клянусь Юпитеромъ и огнемъ Весты, что ничего о гіенахъ не знаю.

Септимулей.

А у меня отъ одного воспоминанія такъ морозъ по кожѣ подираетъ. Пожалуй, разскажу. Или лучше не нужно: вамъ станетъ страшно.

Голоса.

Разсказывай, разсказывай! Тише!

Септимулей.

Было это на зарѣ, точь въ точь въ такой же часъ, какъ теперь, въ исходѣ четвертой стражи. Лежимъ въ палаткахъ и спимъ, какъ вдругъ насъ будитъ громкій вой,—нѣтъ, лай,

хохотъ, звуки, страшнѣй, чѣмъ вопли стриксовъ. Выбѣгаемъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, видимъ: стая чудовищъ прямо несется на насъ. Огромныя гіены, испещренныя полосами, съ разинутыми кровавыми пастями. Стоимъ оцѣпенѣлые, ждемъ смерти и молимся Венерѣ Либитинской. Но гіены, добѣжавъ до частокола, остановились, подняли морды и завыли еще пронзительнѣе, какъ будто говоря: трепещите! насъ послало небо! Потомъ, дѣлая дикіе прыжки, онѣ бросились на ограду—и тутъ совершилось чудо. Животныя стали вырывать изъ земли колья когтями и зубами, вырыли и, держа въ пастяхъ, обратно устремились въ пустыню.

1-й гражданинъ.

У меня волосы встаютъ дыбомъ.

3-й гражданинъ.

У меня дрожатъ колѣни.

2-й гражданинъ.

Если это правда...

1-й гражданинъ.

Молчи! Что же Гракхъ?

Сентимулей.

Авгуры, узнавъ объ этомъ, долго не могли выговорить ни слова.

1-й гражданинъ.

А Гракхъ?

Септимулей.

О, его рѣшимости не поколеблешь! Особенно, если дѣло касается гражданъ. Благо народа для него важнѣе, чѣмъ воля боговъ. Онъ велѣлъ окружить то-же мѣсто новымъ частоколомъ и таки построилъ тамъ колонію.

1-й гражданинъ.

Говоря правду, онъ всегда былъ самонадѣянъ.

3-й гражданинъ.

Сенаторы хоть недолюбливаютъ народъ, но боговъ чтутъ.

Септимулей.

Однако, ловко вы у меня все вывѣдали. Теперь самъ раскаиваюсь. Провинціалу то съ вами не легко справиться. Прощайте, граждане! Берегитесь негодяевъ, хоть вы и умные люди. Вѣдь извѣстное дѣло. Отдѣльно изъ насъ кого-нибудь надуть не легко, какъ не легко вырвать камень изъ земли, а вмѣстѣ мы, что̀ каменный обвалъ. Дунетъ вѣтеръ и онъ летитъ въ пропасть. Такъ и мы. Придетъ обманщикъ, сплететъ побасенку—глядь, мы и одурачены. Это говоритъ вамъ простакъ Септимъ, который хоть не молится Лавернѣ, а кое-что на вѣку видѣлъ. Еще разъ прощайте. Смотрите! Смотрите! Коршунъ и съ лѣвой стороны!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Передъ порогомъ дома Гракха. **Лициніа**, жена Гракха и **Эвпоръ**, слуга его.

Лициніа.

Давно-ль онъ всталъ и скоро-ль хочетъ выйти?
Ужъ слышенъ шумъ народныхъ голосовъ.

Эвпоръ.

Когда заря чуть въ небѣ разгорѣлась,
Мой господинъ съ постели вдругъ вскочилъ,
Какъ будто сномъ испуганъ, съ воплемъ громкимъ.
И долго онъ, какъ по аренѣ левъ,
По комнатѣ метался.

Лициніа.

Помогите,
Безсмертные, мнѣ духъ его склонить!

Эвпоръ.

Меня призвавъ, спросилъ онъ безпокойно:
«Видалъ-ли ты, чтобы когда-нибудь
Рождался день въ такихъ зловѣщихъ тучахъ?»
Я отвѣчалъ, что видѣлъ—и не разъ.
Тогда, вздохнувъ, промолвилъ онъ: «какъ часто
Пугаетъ насъ то туча въ небесахъ,
То мрачный сонъ—души печальной туча!»
И, такъ сказавъ, онъ сдѣлался спокоенъ,
И гордый взоръ отвагой заблисталъ,

Какъ никогда донынѣ я не видѣлъ.
Одѣвшись, онъ призвалъ къ себѣ друзей.

Лицинія.

Велѣлъ-ли онъ оружье приготовить?

Эвпоръ.

Нѣтъ, не велѣлъ. Лишь маленькій кинжалъ,
Любимый свой, запряталъ въ складки тоги.

Лицинія.

Эвпоръ! Тебя, не какъ раба,—какъ друга
Молю теперь. Коль слабымъ женскимъ плачемъ
Его души могучей не смягчу
И онъ пойдетъ судьбѣ своей на встрѣчу,—
Молю тебя: за нимъ повсюду слѣдуй
Съ оружіемъ. Гляди за нимъ, храни...
Ты знаешь: онъ, какъ молнія, порывистъ.
Когда-жъ ему грозить опасность будетъ,
Влеки назадъ мольбой, слезами, силой.
Скажи, что я въ слезахъ о томъ молила.
И если ты спасешь его,—въ награду
Проси тогда.....

Эвпоръ.

О, госпожа.... Но вотъ
Мой господинъ— гляди—уже выходитъ.

(Входитъ Кай Гракхъ, Помпоній, Леторій и др. Кай, замѣтивъ Лицинію, приближается къ ней; остальные стоятъ въ сторонѣ).

Кай Гракхъ.

Лицинія! Супруга дорогая!
Ты, какъ всегда, ко мнѣ съ привѣтомъ вышла!

Лицинія.

Нѣтъ, милый Кай, не какъ всегда. Въ тѣ дни,
Которыхъ блескъ мнѣ душу ослѣпляетъ,
Ты уходилъ на форумъ, какъ трибунъ,
Какъ вождь людей, творецъ благихъ законовъ,
И радостенъ былъ нѣжный мой привѣтъ.
Дни счастія! Какъ я тогда гордилась,
Что первая привѣтствовать могу,
Кого чрезъ часъ весь Римъ привѣтомъ встрѣтитъ.
Что я могу обрадовать того,
Кто людямъ всѣмъ несетъ съ собою радость,
Что слабою рукой ту руку жму,
Которая въ сердцахъ несмѣтныхъ тысячъ
Восторгъ и гнѣвъ то будитъ, то смиряетъ....
Когда, со мной простясь, ты уходилъ,
У этого порога я стояла
И думала, вслѣдъ глядя за тобой:
О, радуйтесь, несчастные, больные!
Всѣ радуйтесь: Кай Гракхъ идетъ на форумъ.
Въ его глазахъ я видѣла лучи,
Которые зажгутъ вамъ солнце счастья,
Я чуяла въ лобзаніи его
Огонь рѣчей, вкругъ сладкихъ устъ порхавшихъ.
Увы! Тѣ дни умчались—и теперь
Къ тебѣ, супругъ, я не съ привѣтомъ вышла,—

Съ мольбой пришла (падаетъ на колѣни и беретъ Кая Гракха за руку).

Молю: останься здѣсь!
Не почести на площади ты встрѣтишь,
Тамъ смерть твоя: тамъ ждутъ тебя убійцы
Тиберія! Какъ жертва къ алтарю,
Подъ ихъ мечи идешь ты, беззащитный.
О, горе мнѣ!

Кай Гракхъ.

Встань, милая жена.
Повѣрь, и я вооруженъ; но только
Моя броня не на груди—въ груди:
Отъ ихъ вражды любовь моя—защитой.

Лициния.

О, горе мнѣ! Я вижу: ты готовъ
Все претерпѣть своимъ великимъ сердцемъ,
Лишь-бы меча насилья не поднять.
Но ты идешь къ звѣрямъ, вкусившимъ крови!
Что имъ любовь! Считаютъ преступленьемъ
Они любовь и звуки: «жалость къ людямъ»—
Кровь яростп бросаютъ имъ въ глаза.
Защиты нѣтъ! И можно-ль послѣ смерти
Тиберія защитой звать законъ
И даже васъ, безжалостные боги?

Кай Гракхъ.

Твои слова мнѣ истерзали грудь.
Увы! Судьбу нельзя смягчить словами.

Кого судьба, грозя мечемъ, зоветъ,
Тотъ выходить и съ ней бороться долженъ.
Когда Ахиллъ звалъ Гектора на бой,
Вотще предъ нимъ рыдала Андромаха.

Лициния.

Счастливая! Въ бою съ врагомъ отчизны
Палъ мужъ ея—съ безсмертной славой палъ.
Когда она слезами обливала
Священный прахъ, рыдали вмѣстѣ съ ней
Троянки всѣ и вся стонала Троя.
Не такъ, увы, погибнетъ мой супругъ:
Отъ рукъ своихъ согражданъ, тяжкой смертью,
Безславною, отчизнѣ безполезной.
И возвѣстятъ женѣ его о томъ
Не воплями, а криками злорадства.
О, бѣдный нашъ малютка! Вкругъ себя
Веселья ты будешь видѣть лица.
Плачь оттого, что злобный Римъ ликуетъ:
Онъ радъ тому, что ты осиротѣлъ.
Но можетъ быть, что у супруги Гракха
Ея дитя отнимутъ палачи
И, мстителя страшась, научатъ сына
Считать отца преступникомъ и мать
Скорбящую наказывать молчаньемъ....
А если вдругъ и утѣшенья скорби—
Послѣдняго—лишатъ меня они,
И запретятъ носить одежды грусти,
И сожигать богамъ подземнымъ жертвы,
И посѣщать священную гробницу....

Что говорю! У Гракховъ нѣтъ гробницъ!
На берегу рѣки иль вдоль поморья
Забытой мнѣ скитаться суждено
И умолять бушующія волны,
Чтобъ милый трупъ вернули мнѣ онѣ....

(Быстро входитъ гонецъ).

Гонецъ (Каю Гракху).

На Авентинъ! Туда народъ стремится
За Фульвіемъ. Всѣ ждутъ тебя, спѣши!

(Кай Гракхъ тихо освобождаетъ руку изъ руки Лициніи и въ безмолвіи удаляется. Друзья слѣдуютъ за нимъ, также молча).

Лициніа (распростертая на землѣ).

Отдай мнѣ, Тибръ, отдай, сѣдое море,
Любимый прахъ. Завидно мнѣ, что ты
Въ объятіяхъ его такъ долго держишь
И горькими слезами обливаешь!
Верни мнѣ трупъ, хоть блѣдный трупъ того,
Кто не хотѣлъ живой ко мнѣ вернуться.
Будь со вдовой добрѣй, чѣмъ онъ съ женой.
Я на землѣ лежала распростертой,
Я, слабая, отъ муки замирала,
Звала: вернись!.. А онъ, не озираясь,
Все шелъ впередъ.... впередъ.... впередъ....

(Падаетъ безъ чувствъ, ее окружаютъ рабыни).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Авентинъ. Народъ. Кай Гракхъ, окруженный друзьями.

Кай Гракхъ (громко).

Въ послѣдній разъ къ сенаторамъ надменнымъ
Идетъ посолъ. Вернется-ли онъ съ миромъ
Или съ войной—вновь будетъ Авентинъ
Свидѣтелемъ побѣды. День великій!
И если есть, друзья, межъ нами тотъ,
Чьимъ будетъ онъ послѣднимъ днемъ,—прекрасна
Судьба его. Средь жребіевъ людскихъ
Завиднѣй нѣтъ, чѣмъ жребій благородный
Страдавшаго за страждущихъ. Онъ слилъ
Свою судьбу съ судьбою многихъ тысячъ
И вѣченъ онъ....

Помпоній (тихо Гракху).

Подумай о защитѣ:
Всѣ улицы займутъ стрѣлки...

Кай Гракхъ (громко народу).

Быть можетъ,
Не суждено и мнѣ увидѣть завтра
Отрадный свѣтъ. О, если такъ, о чемъ
Мнѣ говорить, прощаясь? О себѣ-ли?
Напомню-ль вамъ, что я послѣдній отпрыскъ
Великаго, прославленнаго рода?
Но кто не знаетъ, кто былъ дѣдъ и братъ мой?

Тиберій! Я несчастнѣе, чѣмъ ты.
Я младшаго не оставляю брата
И некому мнѣ сердце завѣщать.
Въ тотъ день, какъ я погибну, у народа
Защитника не будетъ въ мірѣ, развѣ
Ты самъ, народъ, своимъ-же станешь Гракхомъ.
Наслѣдуй-жѣ любовь мою къ тебѣ
И опытъ мой...

(Въ толпѣ неясный шумъ).

Помпоній.

Не слушаютъ тебя,
Глядятъ назадъ. Какой-то вѣстью грозной
Всѣ смущены.

Кай Гракхъ (возвышая голосъ).

Не дѣлай изъ свободы
Сокровища, запрятаннаго тайно,
Которое похитить можетъ воръ.
Но пусть горитъ, открытое, какъ солнце,
Равно для всѣхъ, невзгоды не страшась,
Лаская взоръ, трудиться побуждая.
Вождямъ своимъ безъ страха довѣряй,
Но удали, однажды заподозривъ.
Враговъ казни презрѣніемъ. Страшись
Въ нихъ одного: личины ложной дружбы.
Кто говоритъ, что онъ—народный другъ,
Межъ тѣмъ друзей преслѣдуетъ народа,
Тотъ—врагъ ему. Такихъ казни изгнаньемъ,
Но кровь щади. Кровь—жгучая роса,

Которая святой посѣвъ свободы
Вдругъ превращаетъ въ жатву тиранніи...

(Шумъ все усиливается и наконецъ заглушаетъ слова Гракха).

Крики.

Съ кадуцеемъ
Подходитъ вѣстникъ. Тише! Дайте слово!

(Вдали показывается вѣстникъ въ сопровожденіи вооруженныхъ воиновъ).

Вѣстникъ.

Сенатъ, собравшись въ храмѣ Діоскуровъ,
Такъ говоритъ: «Привѣтъ народу! Если
Возстали вы, желая новыхъ правъ,
Онъ дастъ ихъ вамъ, превозойдя желанья,
Не устрашась угрозъ, а изъ любви.
Но если вы собрались для защиты
Мятежниковъ, сенатъ въ недоумѣньи,
Зачѣмъ того, кто меньше обѣщаетъ,
Вамъ защищать противъ дающихъ больше.
Кай Гракхъ-же—врагъ республики смертельный.

Леторій.

Ужель живой онъ кончитъ эту рѣчь?

(Хочетъ броситься на вѣстника. Кай Гракхъ его удерживаетъ).

Вѣстникъ.

Любовью къ вамъ онъ хитро прикрываетъ
Любовь къ вѣнцу. Онъ оскорбилъ боговъ,
Не устрашась ихъ знаменій зловѣщихъ;—

У васъ отнявъ, хотѣлъ права гражданства
Межъ вами и Латинами дѣлить;—
Во время жертвы консула обидѣлъ;—
Невинной кровью залилъ Капитолій;—
Трибуна говорящаго прервалъ;—
Теперь на зовъ сената не явился.
И потому сенатъ постановилъ:
Смерть Каю Гракху! Вольности народу!
Кто Авентинъ оставитъ до сраженья,
Тому пощада! Промедлившимъ—смерть!
Кто голову доставитъ Кая Гракха,
Ей вѣсомъ равный слитокъ золотой
Получитъ отъ признательной отчизны».
Я кончилъ. Вслѣдъ за мной идутъ стрѣлки.
Смерть Каю Гракху! Вольности народу!

(Вѣстникъ удаляется).

Помпоній.

Молчатъ...

Крики.

Стрѣла... Вотъ раненый!—Дорогу!

Помпоній.

Свершилось, что предвидѣлъ я: бѣгутъ!

Леторій (Гракху).

Открой уста! Останови ихъ бурей
Гремящихъ словъ! Но ты молчишь... О ужасъ!

(Смятеніе. Крики. Общее бѣгство).

Эвпоръ (Гракху).

Прости, мой господинъ, что я дерзаю,
Неспрошенный, съ тобой заговорить.—
Всѣ улицы наводнены стрѣлками.
Вернуться въ Римъ нельзя тебѣ. Но близко
Діаны храмъ.—Молю: иди за мной.
Такъ дѣйствуя, лишь волю исполняю
Твоей жены, моей-же госпожи.

(Увлекаетъ Гракха за собой).

Леторій (останавливая бѣгущихъ одного за другимъ).

Какъ! Люцій Квинтъ! Забылъ свое витійство!

Люцій Квинтъ.

Боюсь боговъ!... Ты слышалъ про гіенъ?

(Вырывается).

Леторій.

О, если-бъ васъ гіены растерзали!
Куда, Карбонъ? Ты—Гракха другъ старинный?

Карбонъ.

Бѣгу съ толпой. Что значу я одинъ?

(Вырывается)

Леторій.

Попилій!!. Ты бѣжишь... Глазамъ ли вѣрить?

Попилій.

Я не бѣгу... въ толпѣ ищу я брата.

(Вырывается).

Помпоній (Леторію).

Оставь ихъ. Пусть скорѣй къ позору мчатся.
Леторій! Я и ты—старикъ безсильный
И юноша неопытный—вотъ все,
Что отъ несчетныхъ тысячъ защищенныхъ
Осталося защитниковъ у Гракха.
Таковъ народъ. Идемъ-же, юный другъ,
И можетъ быть, спасти еще удастся
Намъ лучшаго среди людей. Блаженъ,
Кто съ Гракхомъ жилъ, безсмертенъ, кто погибнетъ.

(Уходятъ. Съ разныхъ сторонъ показываются стрѣлки).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Храмъ Діаны. Полумракъ. На возвышеніи статуя богини. Входитъ Кай Гракхъ и бросается на колѣни предъ статуей.

Кай Гракхъ.

Діана! Ты, богиня чистоты
И вѣрности,—о, если только вѣрность
И чистота, и самый родъ безсмертныхъ—
Не бредъ глупцовъ, довѣрчивыхъ, какъ я,—
Услышь меня! Не даромъ, нѣтъ! Я знаю:
И боги намъ, лишь жертвующимъ, внемлютъ.
Я съ жертвою пришелъ къ тебѣ,—великой,
Еще тобой невиданной—себя,

(Вынимаетъ кинжалъ изъ складокъ тоги).

Себя принесть я въ жертву обѣщаю....
Прежде, чѣмъ изъ раненой груди

Но ...

На твой алтарь родникъ горячій хлынетъ,
Я грудь твою хочу словами ранить
И жаркими слезами растопить
Твое подножье мраморное.—Дѣва!
Суровая богиня! Заступись!
Осквернена любовь—и добродѣтель,
Растлѣнная, взываетъ о возмездьи.
О, накажи измѣну! Отомсти
Развратному, бездушному народу,—
Чтобы съ моимъ проклятіемъ безсмертнымъ
Надъ нимъ твой гнѣвъ безсмертный тяготѣлъ!
Пусть никогда лица свободы близко
Не видитъ онъ, по тѣнь ея вдали,
Какъ призракъ чести въ помыслахъ блудницы,
Пусть вѣчно духъ терзаетъ въ немъ, въ то время
Когда въ пыли онъ будетъ изнывать
У ногъ владыкъ, его безумьемъ сильныхъ,
Перенося съ отчаяньемъ покорнымъ
Презрѣніе презрѣнныхъ. Если-жъ вдругъ
Какой нибудь мечтатель безразсудный,
Свою мечту въ немъ полюбивъ, захочетъ
Спасти его,—пусть не узнаетъ друга!
Пусть самъ его предастъ врагамъ для казни!
Пусть въ зрѣлище казнь друга превратитъ!
Чтобъ юноша иль мужъ—дитя душою—
Узнавъ, какъ я, свою ошибку поздно,
При видѣ смерти трепетныя руки
Къ глухимъ богамъ иль къ мрамору нѣмому
Съ проклятьемъ запоздалымъ простиралъ!
Народа гнѣвъ пусть превратится въ ярость

Вскочившаго съ горячечнаго ложа.
Пусть и въ святомъ пылу негодованья
Онъ сѣетъ безполезные удары,
Какъ въ темнотѣ безумный,—до тѣхъ поръ,
Пока тиранъ его не свяжетъ снова!
Пусть многіе тираны за него
Вступаютъ въ бой, какъ пьяные въ тавернѣ
Дерутся за развратницу, на драку
Со стороны глядящую, не зная,
Кто, побѣдивъ, себя ласкать прикажетъ!
Пусть каждый разъ паденье будетъ ниже
И каждый разъ все нестерпимѣй стыдъ!
Когда же Римъ, распущенный и дряхлый,
За зрѣлище иль яркую игрушку
Привыкнетъ самъ игрушкой быть въ рукахъ
Временщиковъ насмѣшливой фортуны,
Отдавъ имъ все и требуя взамѣнъ
Лишь одного—забвенія былаго,—
Пошли тогда, о праведное небо,
Свирѣпаго тирана, палача,
Порока воплощеніе, безумца,
Бичемъ безумныхъ призваннаго быть,
Орудіемъ въ когтяхъ Эринній мрачныхъ!
Пусть извергъ сей, съ злорадствомъ непонятнымъ,
Кровавыя бросаетъ укоризны
Въ лицо народа, блѣдное отъ страха,
Румяный стыдъ забывшее давно!
Пусть бездну ихъ позора онъ измѣритъ
Желѣзными цѣпями произвола!
Пусть осквернитъ онъ все: стыдливость, гордость,

Развалины, могилы, колыбели!
Пусть самыя жилища ихъ со смѣхомъ
Предастъ огню, чтобъ съ воплями безумцы,
Отъ ужаса вторично обезумѣвъ,
Метались по семи холмамъ, такъ часто
Свидѣтелямъ ихъ ярости, вдоль храмовъ,
Такъ часто осквернявшихся! Межъ тѣмъ
Какъ мрачный извергъ будетъ любоваться
Несчастьемъ ихъ, и боги будутъ съ неба
Взирать на ихъ заслуженную казнь,
А съ Авентина двѣ безмолвныхъ тѣни—
Моя и брата—будутъ съ тайной скорбью
Глядѣть на Римъ пылающій, когда-то
Намъ дорогой, благодаря боговъ,
Что наконецъ святая справедливость,
Изъ нашихъ рукъ отвергнутая, въ немъ
Водворена хоть демона рукою....

(Быстро входитъ Эвпоръ; за нимъ Помпоній и Леторій).

Эвпоръ.

Вотъ онъ. Кинжалъ скорѣе отнимайте!

Помпоній.

Молю тебя: когда мои сѣдины
Немного чтишь, бѣги сейчасъ...

Кай Гракхъ.

Бѣжать?
Куда бѣжать?

Помпоній.

Не занятъ мостъ покуда,
Италія, весь міръ передъ тобой.
Очнется Римъ и призоветъ въ восторгѣ
Тебя опять. Ты долженъ жить.

(Кай Гракхъ дѣлаетъ отрицательный жестъ рукою).

Ужели
Ты до конца оставишь бой? Что скажешь
Тиберію? И онъ спасался, вспомни!

Кай Гракхъ.

Хотите вы, чтобъ и за мной гнались?

Помпоній.

Спѣши! Мы Тригеминскія ворота
И мостъ займемъ, чтобъ задержать погоню.

Кай Гракхъ.

Одни—или васъ много?

Помпоній.

Много, много....

(Отнимаетъ у Гракха кинжалъ; онъ идетъ за ними къ выходу).

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

У Тригеминскихъ воротъ. Помпоній, съ обнаженнымъ мечемъ, охраняетъ ворота. Передъ нимъ толпа Критскихъ стрѣлковъ.

Помпоній.

Что-жъ стали вы? Скорѣе устремитесь!
Убейте! Васъ толпа, а я—одинъ.
Вы—молоды, я—старъ. Или сѣдины
Пугаютъ васъ? Напомнили, быть можетъ,
Кому отца, кому—сѣдаго дѣда,
Оставленныхъ на родинѣ? Такъ что-жъ!
Наемникамъ прилично-ль разсуждать?
Не проданы-ль у нихъ душа и чувство?
Сенатъ рѣшилъ злодѣйство совершить,
Но осквернить боится руки гражданъ
И васъ послалъ—наемниковъ бездушныхъ.
А! Вижу: гнѣвъ на вашихъ лицахъ вспыхнулъ...
И такъ, сенатъ ошибся въ васъ? Вы—люди,
Знакомы вамъ и честь, и гордость. Знайте-жъ:
Ужасное вамъ дѣло поручили,
Безчестное, презрительное. Кто вы?
Стрѣлки иль палачи? Друзья, стыдитесь!
Пристало-ль вамъ, какъ гончимъ псамъ, бѣжать
Во слѣдъ за безоружнымъ? И за кѣмъ!
За Гракхомъ! Другомъ эллинской свободы!
Я знаю Критянъ: честный вы народъ.
Лишь горькая нужда васъ заставляетъ
Подъ знамена чужія уходить.
Услышьте-жъ: Гракхъ богатъ и щедръ. Богами

Клянусь я вамъ: онъ всѣхъ озолотитъ.

(Стрѣлки переговариваются).

Боитесь вы? Кого? Народъ за Гракха.

Послушайте: тому назадъ недавно...

(Вбѣгаетъ Децимусъ Брутъ и съ мечемъ бросается на Помпонія).

Децимусъ Брутъ.

Бездѣльникъ! Песъ! Разсказами желаешь

Ты время протянуть.

Помпоній (падая, пораженный).

Далеко—онъ....

Вамъ не догнать его...

Децимусъ Брутъ.

Въ погоню! Живо!

Иль золото подешевѣло вдругъ?

(Стрѣлки устремляются въ ворота).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

У Тибрскаго моста. Леторій—одинъ—отражаетъ нѣсколькихъ стрѣлковъ. Въ сторонѣ толпа гражданъ, между ними—Септимулей и поэтъ Кай Люцилій.

Леторій.

Кто хочетъ въ адъ—тотъ подходи!

(Бьются; стрѣлки отступаютъ).

Септимулей.

Гляжу,

Глазамъ не вѣря: этотъ-ли мальчишка

Вдругъ чудеса геройства совершаетъ?

Кай Люцилій.

Гдѣ ты, Ликонъ? Гдѣ, Митридоръ? Рисуйте!
Воскресъ Горацій Коклесъ! Что за видъ!
Горящій взоръ Ахилла! Голосъ Марса!
Такимъ Касторъ Постумію являлся
У водъ Регильскихъ!

(Снова завязывается борьба между Леторіемъ и стрѣлками).

Такъ! Смѣлѣй, герой!
Восторга слезы видѣть мнѣ мѣшаютъ!

Голоса изъ толпы гражданъ.

Вновь смялъ двоихъ! И третій палъ!—Глядите!
Бьюсь объ закладъ, онъ ихъ изрубитъ всѣхъ!

Леторій.

О, граждане! Молю! Коня скорѣе!
И Гракхъ спасенъ!

Одинъ изъ гражданъ.

Стрѣлки бѣгутъ на помощь.
Не сдобровать, Леторій!

Септимулей.

Жаль его.

Кай Люцилій.

Его жалѣть! Его, кто въ этотъ часъ
Безсмертенъ сталъ!..

Септимулей.

Что̀ смертному въ безсмертьи,
Которое онъ смертью пріобрѣлъ!..

(Леторій падаетъ подъ напоромъ стрѣлковъ).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Лѣсъ Фурины. Входитъ Септимулей.

Септимулей (заглядывая между деревьями).

Мнѣ иль другому—Гракха голова
Кому нибудь достанется сегодня,—
Такъ лучше мнѣ. Они бѣгутъ дорогой,
А я ищу въ лѣсу. Кай слишкомъ гордъ,
Чтобы, вдали заслышавши погоню,
Не умереть.—Мнѣ стыдно, право, стыдно...
И за себя, но болѣе за Римъ.
И вотъ въ большомъ стыдѣ за всѣхъ согражданъ
Мой маленькій, мой личный стыдъ исчезъ,
Какъ ручеекъ средь моря, незамѣтно,
Такъ что почти не стыдно мнѣ совсѣмъ.
Будь я богатъ, краснорѣчивъ, не прочь-бы
Трибуномъ стать я самъ. Замѣтилъ я:
Героямъ всѣмъ, влюбившимся въ отчизну
Или въ народъ, живется хорошо.
Я-жъ бѣденъ, а люблю сардели понта,
Лесбійскихъ дѣвъ и косское вино—
Тѣхъ молодыхъ, а это постарѣе—
Ковры, завѣсы, бронзовыя ложа,—

И потому лукавъ. За то, о небо!
Коль мнѣ достать лишь голову поможешь,
Я и тебя сегодня удивлю!
(Вынимаетъ изъ-подъ тоги кусокъ свинца).
Что это, боги? Ты, Вулканъ, отвѣтствуй,
И вы, циклопы! Не свинецъ ли? Да?
Но если въ черепъ Гракха опущу я
То, что свинцомъ вамъ кажется,—оно
Мгновенно станетъ золотомъ чистѣйшимъ.
И, пораженный вѣсомъ головы,
Сенатъ, бросая золото, воскликнетъ:
«Не даромъ-же онъ такъ насъ тяготилъ!»

(Проходитъ. Сцена нѣкоторое время пуста. Входятъ Кай Гракхъ и Эвпоръ).

Кай Гракхъ.

Гдѣ мы?

Эвпоръ.

У Фурій.

Кай Гракхъ.

Стой! Ни шагу дальше!

Эвпоръ.

Впередъ! Впередъ, мой господинъ!

Кай Гракхъ.

Усталъ я.
Лишь фуріи мнѣ могутъ дать пріютъ.
Когда-бы вдругъ деревья эти стали

Старухами, а вѣтви ихъ—змѣями,
Не я, клянусь,—онѣ-бы испугались.

Эвпоръ.

Еще спастись легко.

Кай Гракхъ.

Тебѣ легко.
Легко тому, чья голова изъ мяса,
Костей и жилъ. Я-жъ голову ношу
Изъ золота. Ужасно!

Эвпоръ.

Мигъ намъ дорогъ.

Кай Гракхъ.

Пойми, какъ я достойно оцѣненъ.
Я—боги! Я, потокъ золотоносный,
Потокъ безъ дна, изъ Азіи проведшій,
Я, каждый день народу низводившій
Дождь золотой, я, подарить хотѣвшій
Ему весь міръ!.. Обидно мнѣ врагами
Такъ низко оцѣненнымъ быть. Вѣдъ если-бъ
Сокровища, мной данныя народу,
Всѣ оцѣнивъ, продать—то холмъ такой
Изъ золота поднялся-бы, что можно-бъ
Сената зданье вылить изъ него
И всѣхъ внутри сенаторовъ сидящихъ,
И все-жъ довольно-бъ золота осталось,
Чтобъ подкупить сенаторовъ живыхъ....

Эвпоръ.

Я слышалъ шумъ. Быть можетъ, звѣрь...

Кай Гракхъ.

О, боги!
Зачѣмъ меня не сдѣлали вы звѣремъ,
Волчицей руминальской, что вскормила
Двухъ близнецовъ! Нѣтъ, я-бъ ихъ не вскормилъ,
Я-бъ растерзалъ, я-бъ разметалъ ихъ члены
По всѣмъ холмамъ—и не было-бъ тогда
Народа—звѣря въ логовищѣ—Римѣ!

Эвпоръ.

Вновь слышенъ шумъ, быть можетъ, отъ погони.

Кай Гракхъ.

Мнѣ кажется, весь Римъ за мной бѣжитъ,
На голову глядитъ мою и плачетъ,
Что я не гидра съ сотнею головъ.

Эвпоръ (тихо).

Заплачетъ Римъ, но только не объ этомъ.

Кай Гракхъ.

А! Ты, я вижу, въ риторы годишься!
Ты будущимъ лечить меня задумалъ,
Лекарствомъ всѣхъ безсильныхъ; нѣтъ, прозрѣлъ я
И знаю все, что будетъ. Разсказать ли?
Когда сенатъ, сердца насытивъ местью

И тибрскихъ щукъ насытивъ нашихъ тѣломъ,
Сорветъ съ себя личину льстивыхъ словъ
И выщиплетъ всѣ перья у народа,
Какъ у попавшей въ сѣти глупой птицы,—
Какой нибудь смѣльчакъ въ тавернѣ дальней,
Между двумя глотками, проворчитъ:
«А Гракха жаль! опять насъ, какъ барановъ,
Остригъ сенатъ и, право, подѣломъ!»
Его слова другой смѣльчакъ подхватитъ,
Еще смѣлѣй—и въ вылощенной рѣчи,
Всю ночь не спавъ, съ трибуны всенародно
Баранами народъ весь обзоветъ
И заключитъ въ слезахъ: «статую Гракху!»—
Какой восторгъ! Какіе крики, вопли!
Вновь рѣчи.... Океанъ рѣчей прекрасныхъ!
Борьба! Римъ полнъ героевъ... А сенатъ?
Съ большимъ трудомъ скрывъ торжества улыбку,
Онъ важное хранить молчанье будетъ
И наконецъ волнующейся черни
Онъ, молча-же, уступитъ глыбу камня...
Дни радости! Хозяева тавернъ
Запомнятъ ихъ. И такъ, я сталъ безсмертенъ!
Изъ мрамора, не страшный никому,
На форумѣ, толпою позабытый,
Стоять я буду памятникомъ вѣчнымъ
Паденья своего и торжества
Моихъ враговъ. Когда, ликуя, мимо
Они пройдутъ и, наглый взоръ вперивши,
Подумаютъ: «ну, кто былъ правъ, безумецъ?»
Уста мои останутся безмолвны...

Я не смогу отвѣтить наглецамъ,
Что радость ихъ есть вороновъ злорадство,
Терзавшихъ грудь титана, что я умеръ,
Считая жить позоромъ, какъ они,
Что съ ихъ побѣдой ненависть ликуетъ,
Съ моей же смертью плачетъ справедливость!
Проклятье всѣмъ! Пріятель, ты съ оружьемъ.
Не откажи въ услугѣ—за услугу.
Ты отсѣки мнѣ голову мечемъ
И голову бери себѣ въ награду....

Эвпоръ.

Мой господинъ!..

Кай Гракхъ.

Утѣшатся живые!
Мой рабъ, увидѣвъ золото! Народъ,
Мнѣ статую воздвигнувъ! Мать, въ иссчастьи
Души своей величье обнаруживъ!
Жена.... Эвпоръ! Скажи ей: таково
Предсмертное мое желанье было.
Пускай въ глуши воспитываетъ сына.
Пусть, о моей не вѣдая судьбѣ,
Средь сельскихъ стадъ, среди животныхъ добрыхъ
Ростетъ онъ, самъ безпечный, какъ они,
Надъ разумомъ безумнымъ насмѣхаясь,
Заботясь лишь о пищѣ для себя....
Запомнишь ли слова мои?

Эвпоръ.

Запомню

И госпожѣ скажу ихъ, если можно
Съ живущими бесѣдовать умершимъ.

Кай Гракхъ.

Какъ ты сказалъ?

Эвпоръ.

Мой господинъ! Молю:
Не посылай меня въ свой домъ, но если
Ты грудь свою прикажешь мнѣ пронзить,
Позволь и мнѣ уснуть съ тобою рядомъ.

Кай Гракхъ.

О, какъ внезапно ранилъ ты мнѣ сердце!
Ты вѣренъ мнѣ, ты, злополучный рабъ!
Кто ты, скажи? Что для тебя я сдѣлалъ?

Эвпоръ.

Нашъ домъ стоялъ близъ Таго многоводной,
Я взятъ былъ въ плѣнъ и проданъ вамъ въ тотъ годъ,
Когда на свѣтъ родился ты. И долго
Томился я по родинѣ далекой.
Но ты подросъ—я родину забылъ,
И мутный Тибръ мнѣ дорогъ сталъ, какъ Таго:
Онѣ слились въ тебѣ, мой господинъ.

Кай Гракхъ.

Умолкни... Рѣки жаркихъ слезъ струятся
Въ твоихъ словахъ.... Какъ стало грустно вдругъ!..
Мнѣ кажется, весь міръ, всѣ боги плачутъ

Со мной теперь. Да, жилъ когда-то Гракхъ.
Онъ славенъ былъ и счастливъ, другъ несчастныхъ,
И гордый Римъ его благословлялъ.
И все прошло: любовь его и слава.
Кѣмъ былъ любимъ, оставленъ передъ смертью,
Кого любилъ, тѣхъ проклялъ. Такъ проходитъ
Все на землѣ и все въ душѣ людской...
Но бѣдный рабъ ему остался вѣренъ!
Ты плачешь? О, какъ предъ тобой мнѣ стыдно!
Я средь рабовъ тебя не отличалъ,
Не спрашивалъ о родинѣ любезной,
Не знаю даже имени святаго
Тебя родившей женщины!

Эвпоръ.

Ѳерисой,—
Такъ мать мою въ отчизнѣ пазывали.

Кай Гракхъ.

Съ другимъ священнымъ именемъ хочу
Я сочетать предъ смертью это имя:
Ѳериса и Корнелія—

(Шумъ приближается).

Мой другъ!
Ты въ смерти часъ вернулъ мнѣ свѣтлый разумъ.
Обнимемся.

Эвпоръ.

Я не дерзаю....

Кай Гракхъ.

Глупый!
Скорѣе мечъ! И прямо въ грудь! Сюда!

Эвпоръ (поражая его мечемъ).

Теперь дерзаю! Другъ мой! Братъ мой милый!..

(Закалывается. Изъ-за деревьевъ выходитъ Септимулей).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Вакханкой молодой ко мнѣ она вошла 1

I.

Наше горе 7
На высотѣ 8
Въ деревнѣ 10
Блескомъ солнца небо ослѣпляетъ 12
Послѣдняя воля 13
Любовь и Мечъ 15
Засуха 17
На мотивъ изъ Іереміи 19
Весталки 20
Робкому соловью 22
Предъ зарею 25
Серенада 26
Везувій 27
Геній и трудъ 31
Надъ могилой К. Д. Кавелина 34
На чужомъ пиру 36

II.

Мой демонъ 45
Пророкъ 46
Казбеку 49
Скорбь 51
Фонтанъ 53
Херсонесъ 55
Напрасно надъ собой я дѣлаю усилья 57
Наставники мои! О Пушкинъ величавый 58
Въ минуту скорби 60
По взморью бродилъ я и морю внималъ 62
Была пора вражды. Какъ нынѣ, міръ влачился 63
Дума 64
Кто-бъ ни былъ ты, чей взоръ съ участьемъ 66
Другу 68
Молитва 69
Пѣсня 72

III.

ПОЭМЫ.

Бѣлыя ночи 75
Пѣсни о родинѣ 91
Фантазія 105
Прокаженный 117
Счастье Прометея 121

IV.

Элегія 129
Портретъ 132
Пѣвицѣ 133

стр.
Чѣмъ глубже читаю въ душѣ твоей чистой 134
Когда, источникъ слезъ весь осушивъ до дна. 135
Она лежитъ въ гробу, она—источникъ жизни 136
Съ восточнаго:
1. Твоей кожи загаръ, какъ пустыни песокъ 137
2. Въ моей душѣ любовь восходитъ 138
3. Красою—женщина, еще дитя—лѣтами 139
4. Въ разлукѣ горькой сладкій сонъ 140
5. На востокъ, гдѣ море плещетъ. 141
6. На устахъ ея знойныхъ улыбки цвѣтутъ. 142
7. Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю. 143
8. Она, какъ полдень, хороша 144
Еще я не люблю, но, какъ востокъ зарею 145
О, если-бъ знали вы, о чемъ я боязливо 146
Безсонною змѣей тоски и сожалѣнья 147
Въ тотъ вечеръ памятный насмѣшкой ледяной. 148
Прости 149

V.

Есть гимны звучныя,—я въ дѣтствѣ имъ внималъ 153
Искусство 155
Современному художнику . . . . . —
Пѣсня. 156
Среди полей. 158
Въ безчисленныхъ огняхъ сверкаетъ душный храмъ. 160
Рубинштейну 162
Не мѣсяцъ за его печаль и красоту 164
Снѣжныя главы Кавказа мерещатся въ небѣ лазурномъ 165
Въ горахъ 166
На кораблѣ 167
Затишье 168
Дома 169
Онъ твердою рукой повелъ смычокъ послушный 170
Моя вѣра 171
Въ толпѣ людской ожесточенной 172
Поэту 173
Историку, ... 174
Маленькой цвѣтущей розой мая 175
Безсмертіе 176
Да, народъ, ты великъ, какъ гора-исполинъ. . . . . —
Всякому 177
Мнѣ рокъ нанесъ ударъ тяжелый . . . . . —
Зачѣмъ 178
Храмъ 180
На зарѣ жизни 181
Въ полночь 183
Какъ сонъ, пройдутъ дѣла и помыслы людей 189

VI.

Смерть Кая Гракха 193

PG
3470
V525A17
1887

Vilenkin, Nikolaĭ Maksimovich
Stikhotvoreniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY